

Мохнатые слоны

Роман

Несколько слов о своем, так сказать, методе, хотя, как правило, это мало кого интересует. И все-таки...

Я не могу описывать полностью, от нуля придуманный сюжет и придуманных героев. Я беру некую знакомую мне жизненную историю за основу.

Затем я трачу много усилий на то, чтобы как можно лучше замаскировать своих героев, сделать так, чтобы они себя не узнали. С этой же целью я подправляю и события, сдвигаю их по времени и по месту действия, что-то добавлю, кое-что вообще изменяю. Не хочу вызывать осложнений со знакомыми мне людьми. Тем более не хочу, чтобы кто-то из них свернул мне шею. И признаюсь, когда не все знаешь, когда приходится что-то додумывать, писать интереснее. Но если я не вижу за гримом реальных действующих лиц, то слова иссякают сами собой, а вместо героев начинают двигаться манекены.

Часть первая

Остановиться, оглянуться

Дачные хроники

Улучшение жизни и прогресс имеют и свои отрицательные стороны.

Раньше было тише и спокойнее. Жизнь проносилась не так быстро и не с таким оглушительным грохотом.

Федор Васильевич Метельский еще в конце шестидесятых годов получил дачный участок на 11-м квартале приморской дороги, в ста метрах от спуска к морю, прекрасное место. Соседний участок, еще ближе к спуску, достался рабочему заводу киноаппаратуры Николаю Стручкову. Это было время, когда ныне бесценные дачные участки за "трудовые заслуги" могли получить нормальные, обычные люди очень недорого, буквально за гроши. Правда, период этого равноправия продолжался недолго, к концу шестидесятых оно благополучно закончилось, но Метельские и Стручковы успели. Им повезло.

У соседей оказалось много общего. Они были примерно одного возраста, Николай на пару лет постарше. Обе жены были учительницами, одна географии, другая истории. В каждой семье по одному ребенку, мальчики. Алик Метельский был на год моложе Юры Стручкова, но на даче они были в одной компании и все лето дружно и немилосердно с утра до вечера жарились на пляже, только один раз в день поднимаясь домой на обед. Тогда еще не знали, что южное солнце опасно и вредно, что последствия могут быть самыми непредсказуемыми. К концу сезона ребята выглядели не просто загорелыми, а я бы даже сказал прокопченными, и никого это не волновало. Все были убеждены, что это не просто красиво, но и очень здорово. А может, так оно и было?

Но особенно сблизило семьи строительство хибар – так в те время обычно называли легкие дачные домики. Они не просто помогали друг другу, это была одна бригада. Молодой офицер Федор Метельский закончил строительный институт и работал в строительном управлении военного округа, поэтому естественно за ним были проекты, чертежи, добыча

дефицитных строительных материалов – в те времена все было дефицитом. А Стручков, отличный слесарь-сборщик, народный умелец от природы, мог своими руками сотворить возможное и невозможное. В таком тандеме все спорилось, и на зависть соседям к концу второго сезона на обоих участках стояли деревянные, свежевыкрашенные домики, которые язык не повернется назвать уничижительным словом хибара.

Годы шли, дети росли, отношения между семьями продолжали оставаться дружескими и теплыми. И все-таки это была, как бы точнее определить, сезонная дружба. Зимой они виделись нечасто – и взрослые, и ребята. Жили в разных и далеких друг от друга районах, дети учились в разных школах. Но летом все связи восстанавливались мгновенно. Тем более, что дача требовала непрерывных забот, и обе семьи помогали друг другу, как могли и чем могли.

Модернизировались домики, утеплялись стены и полы, появились окна с двойными стеклами. Провели газ, и уже можно было установить водяное отопление с помощью всем в те времена известного АГВ – аппарата газового водонагревательного. Домики становились пригодными для проживания круглый год. Они постепенно превращались в дополнительную квартиру. Повзрослевшие ребята со временем использовали их зимой «в корыстных целях», по определению Федора Васильевича, который еще не забыл одну из сложнейших проблем советских молодых людей - поиск квартиры для свидания.

Жизнь в стабильно разваливающемся Советском Союзе ни шатко ни валко, без особых перемен дошла до водораздела – начала перестройки. И в семьях Метельских и Стручковых в этот период все шло привычно и по накатанному, все как у всех. Закончили ребята институты – Юра экономический, Алик холодильный. Затем работа в проектных организациях без особых перспектив, за зарплату, на которую ничего нельзя было купить. А кстати и нечего – магазины пустели на глазах. Но затем синхронно с ломкой казалось вечного советского режима начались серьезные перемены и в семьях Метельских и Стручковых. Часть из них была обычными житейскими бедами, от которых, увы, никто не застрахован. Но некоторые не просто случайно совпали по времени с перестройкой - когда серьезнейшим образом, кардинально ломается жизнь в стране, это неизбежно сказывается и на жизни каждой семьи, каждого человека.

Первая серьезная перемена произошла в жизни семьи Стручкова. В 87-м году Юра женился. Ему в это время было уже 26 лет, вполне зрелый возраст для ответственного шага. Но все было не так просто. Брак оказался смешанным, и эта смесь давала молодоженам шансы покинуть страну и перебраться куда-нибудь во враждебный лагерь, то есть продать родину в поисках сытой жизни. Именно так все это выглядело в глазах коммуниста Николая Стручкова.

Был он не просто отличным слесарем-сборщиком, а показательным, образцовым рабочим. Многие, надеюсь, еще помнят, что в советские времена на каждом солидном и даже не очень солидном заводе были маяки – пара-другая рабочих, отличников коммунистического труда, истинных коммунистов, на которых должны были равняться все прочие. Их портреты висели на всех досках почета, наиболее уважаемые были членами райсовета или горсовета, членами бюро горкома и даже обкома партии и так далее. Они выезжали на различные пленумы, встречи, входили в состав различных делегаций. По мере роста авторитета у них уже оставалось не так много времени на трудовые подвиги, но этим вещам в те времена не слишком удивлялись. Так вот Николай Стручков был одним из достаточно успешных маяков и метил на пост председателя завкома, что обеспечивало неплохую и спокойную старость. И вдруг такой удар.

Но к его чести нужно сказать, что все-таки основную боль Стручкову доставляли не меркантильные соображения – они тоже были, как же без этого, - а потеря сына. Не только идеологическая, но и вполне реальная – в то время границы были закрыты наглухо, и на встречу с беглецами в обозримом будущем никто не надеялся.

Бедная мать Юры была просто в отчаянии. Но ни слезы, ни уговоры не помогли. В начале 89-го Юрий Стручков в качестве законного мужа внучки еврейки отбыл вроде бы в Израиль, но в Италии сбился с курса и попал в Канаду. Где с женой и детьми благополучно живет и по сей день.

Оставшиеся одинокими Стручковы как-то потускнели и даже на глазах постарели. Они остались не у дел. О карьере профсоюзного деятеля Николаю нечего было и мечтать, жена его Дарья Семеновна ушла на пенсию и категорически отказалась работать в школе, несмотря на непрекращающиеся уговоры дирекции – педагогов, особенно преподавателей истории, как обычно не хватало. Чета Стручковых все больше проводила времени на даче, где можно было заняться делом, а не сидеть и тупо смотреть телевизор по вечерам. На природе забот всегда хватает, в том числе и нелегких физических, тем более даже маленький участок очень выручал последние годы, потому что в магазинах с прилавков исчезло буквально все, а на рынке цены были просто невообразимыми.

Метельские старались помочь соседям, чем только можно, и словом, и делом. А Федор Васильевич взял на себя специальную миссию - он по мере сил избавлял Николая от необходимости пить в одиночестве. Серьезная помощь – все знают, что когда человек остается один на один с бутылкой, тут уже и до алкоголизма недалеко.

Так прошло еще два года. И на сей раз беда обрушилась на Метельских. Их трагедия тоже была не просто связана с перестройкой, но являлась ее прямым следствием.

В 90-х годах развал бушевал по всей огромной стране. Люди ходили на работу только в надежде получить какие-никакие деньги, о дисциплине на предприятиях никто даже не заикался. Крик: «В соседнем магазине выбросили колбасу» - мгновенно сметал с рабочих мест целые коллективы. Так вели себя все, и медики, увы, не были исключением.

Марте Максимовне Метельской было только пятьдесят три года, когда осенью девяностого первого она подхватила модный не то вирусный грипп, не то ОРЗ, не то ангину, а скорее всего комбинацию всех этих недугов вместе. Тогда, впрочем как и сейчас, мало кто отличал одно от второго и третьего. Казалось бы, дело житейское. Но температура была высокой и горло очень болело. Участковый врач послушал легкие, сердце и от греха подальше посоветовал отправить ее в больницу, тем более, что мужчины работали, а оставлять больную без присмотра в таком состоянии не стоило. И хоть все уже знали, что в больницах царит такой же бардак, как везде, но привычка верить в серьезность государственной медицины свое дело сделала.

К этому времени лекарств в больницах уже оставалось немного, а те что были – почти открыто продавались за деньги. Метельской прописали уколы антибиотика. А так как у нее уже проявлялась однажды сильная аллергия на пенициллин, то Федор Васильевич по знакомству и за солидные деньги купил ей необходимое число ампул антибиотика на другой основе, не на пенициллиновой.

То ли процедурная сестра напутала, то ли продала более дорогие ампулы налево – вполне реальный вариант «в лихие девяностые» – но даже этого оказалось недостаточно, нашелся способ еще усугубить и без того критическую ситуацию. Сразу же после инъекции раздался клич: «Что-то в магазине выбросили!» - и весь медицинский персонал из корпуса как корова языком слизала. Когда у Метельской начался сильнейший аллергический отек дыхательных путей, помочь ей было некому. Пока больные метались в поисках сбежавшей медицины,

пока нашли кого-то в соседнем здании, пока разобрались, что к чему, было уже поздно. Спасти Марту Максимовну не удалось.

Экспертиза доказала факт инъекции пенициллина, но на требование Метельских открыть уголовное дело в прокуратуре резонно возразили:

- Если бы мы могли ее оживить, тогда конечно... А так... Сами видите, что творится... Сейчас любого посадить можно... Ну посадим, а кто работать будет?.. Желających не видно...

Следователь явно куда-то торопился. Наверняка где-то что-то выбросили...

Бороться с этим было невозможно, да и бессмысленно.

Итак, наступившим летом на знакомых нам участках уже жило две поредевшие и оглушенные своими бедами семьи. Все это еще больше сплотило соседей, калитка между участками никогда не закрывалась.

- Даша сегодня готовит с лихвой, - регулярно приглашал Николай соседей на ужин, а в субботу-воскресенье и вовсе на обед.

- Она всегда готовит с лихвой, не можем же мы каждый раз... - пытались отказаться Метельские. Помогало мало. Зато они в свою очередь овладели тоже неплохой отраслью кулинарии – стали замечательными специалистами по приготовлению особого «перестроечного» шашлыка. Патент Метельских.

С мясом, как вы догадываетесь, были сложности, поэтому шашлык напоминал «ирландское рагу», известное по роману Джером Джерома. На шампур шли все овощи, фрукты и даже ягоды, которые были в наличии, слегка предварительно подрумяненный картофель, редис молодой и старый, кабачки, травы. Время от времени там попадались кусочки мяса или вареной колбасы. Но главное, все это было полито специальным соком, секрет которого не разглашался. Голь на выдумки хитра, но ей-богу, это было вкусно. Меня пару раз угощали «перестроечным» шашлыком, и могу положить руку на сердце сказать - в сочетании с красным сухим вином по методу Метельского, старшего или рюмочкой самогона по способу Николая Стручкова было не просто съедобно, но без преувеличения очень вкусно.

Время шло, раны медленно зарубцовывались. На даче Стручковых летом стал появляться новый жилец, безусловно скрасивший жизнь всему коллективу. Согласитесь со мной, дача без детских голосов все-таки унылое место. Дочь Толи Стручкова, племянника Николая, лет примерно с девяти-десяти сразу же после окончания занятий в школе переезжала на дачу и жила практически безвыездно до 1 сентября. Родители ее не слишком были этим довольны, но по групповой просьбе дяди Коли и тети Даши, поддержанной скандалами своевольной Регины, прекратили сопротивление. Только два раза в неделю Толя и его жена Валентина Ивановна приезжали с сумками, наполненными непривычной для жильцов дачи качественной провизией – молодые Стручковы в отличие от старых довольно быстро приспособились к новой жизни и шли в гору. Таким образом, все складывалось к лучшему.

Регина, выходит, приходилась Стручкову внучатой племянницей, но так как Николай точно не знал, где ставить ударение в слове «внучатая» - на букве «у» или на первом «а», - то он называл ее просто внучкой. А Алик именовал девочку «дочь полка». Регина отзывалась на все варианты, свободно перемещалась с одного участка на другой и везде чувствовала себя комфортно. К удивлению ее родителей, она совершенно не капризничала и не скандалила, видимо приберегая все это для дома и для школы в очередном учебном году.

Очень часто девочки в переходном возрасте бывают «гадким утенком» - голенастыми, немного нескладными. Регина была исключением из этого правила. Любая одежда на ней всегда сидела ладно, довольно длинные светлые волосы даже после сна образовывали не хаос, а какой-то художественный беспорядок, худенькая фигурка по-женски

пропорциональна, движения свободные, естественные. Был грех, она иной раз явно кокетничала, и это ей не шло. От себя могу добавить, что детское кокетство у меня вызывает оскомины, чаще всего есть в этом что-то фальшивое. Но Регина грешила кокетством не часто и не слишком явно, чувство меры ей не отказывало.

Девочка смело и без доли сомнения говорила вслух, что когда вырастет, то станет такой же красивой, как ее мама. Задача, прямо скажем, не из легких, но цель весьма достойная...

Как я уже упоминал, шли «лихие девяностые», хаос царил в стране, которая сначала была частью Советского Союза, а затем стала самостоятельным государством. Но легче от этого не стало.

В этот нелегкий период дача была для наших героев очагом умиротворения и спокойствия. Дарья Семеновна все лето жила там безвыездно, Николай возвращался после поисков хлеба насущного каждый вечер, а Метельские непременно приезжали в пятницу и уезжали в понедельник утром. Иногда посреди недели поздно вечером неслышно появлялся в домике Алик в сопровождении очередной подружки, аки тать в ночи, светом пользовался умеренно и скромно, только и слышно было тсс... тсс!.. В те времена свободные отношения еще не настолько афишировались, как это принято сейчас. Стручковы совершенно «не замечали» таинственных посещений, а Регина непременно громко сообщала:

- Гуляка появился!

И обдавала Алика при последующей встрече презрительным взглядом своих больших зеленых глаз. Только через день-два после этого преступления она меняла гнев на милость и разговаривала с гулякой не через зубы, а нормально. По-моему, Алик ее побаивался больше всех остальных свидетелей его походов. Но у него был хороший способ добиться амнистии. Во-первых, уже упоминавшийся «перестроечный шашлык», а во-вторых, пение под гитару.

В последующие несколько лет соседи регулярно собирались по пятницам и субботам у очага, который умелец Николай соорудил по своему проекту, но на территории Метельских. Это с одной стороны было признание их успехов в кулинарии, и в то же время подарок к юбилею Федора. Пятого июня 95-го года ему исполнилось 60 лет. Подарок представлял собой довольно изящное и практичное сооружение - помесь шашлычницы и камина на свежем воздухе. Вытяжка была мастерски выполнена в виде Эйфелевой башни. По словам польщенного юбиляра, конструкция вполне тянула на патент, в крайнем случае на произведение искусства.

Дарья Семеновна готовила нехитрую закуску, но с непременною порцией первого блюда, чаще всего борща, «жидкое нужно ребятам хоть раз в неделю обязательно». Ужин на свежем воздухе под фонарем проходил тихо и мирно, самогон в рюмке у Николая, натуральное вино в фужере у Федора, Алик проявлял беспринципность и принимал то одно, то другое, но в малых количествах. Он не был любителем выпивки. Затем, почти каждый раз, по настойчивой просьбе Регины, он брал гитару и тихонько пел песенки, в основном своего сочинения. Раньше, особенно в институте, Алик увлекался бардовской песней и даже имел успех на местном уровне прежде всего у женского контингента. Он и сейчас еще был довольно стройным, еще вполне приличной была светлая шевелюра. И пока еще по-прежнему напоминал молодого Есенина. Правда, стихи, которые писал Алик, были по качеству далеко не есенинские, но было у него и преимущество - Есенин не пел и не играл на гитаре. А у Алика был довольно приятный домашний голос, то ли низкий тенор, то ли высокий баритон, и слух вполне приличный. В эти вечера наши герои забывали о бурях и штормах, которые проносились над страной.

- Мы едем завтра в оазис? – спрашивал Алик отца. Оазис, бесспорно, удачное определение.

Конечно же Метельским, двум мужчинам без женского присмотра было нелегко. Но они довольно неплохо держались, содержали дом в относительной чистоте и даже время от времени что-то готовили на плите. Дарья Семеновна смотрела на них с сочувствием и нередко выражала свое беспокойство в типичной для женщины форме:

- Жениться вам надо.

При этом не делала никакого различия между отцом и сыном. На ее взгляд, оба были достойными женихами. Федор отмалчивался, а Алик обычно отвечал:

- Вы видите, что творится. Сейчас не то что жениться, разводиться впору. Каждый день все висит на волоске. Какую тут семью можно строить?

И все-таки летом 96-го года Алик женился. Ему шел тридцать второй год, вполне солидный возраст. Но, возможно, были еще дополнительные обстоятельства. Через семь с половиной месяцев после свадьбы у молодоженов родилась вполне здоровая девочка, очень даже доношенная, рост пятьдесят один и вес три восемьсот. Назвали ее Светой.

Молодая жена Лиля была скрипачкой, солисткой разваливающегося симфонического оркестра, во всяком случае она себя солисткой считала.

Свадьбу праздновали довольно скромно, в кафе. Стручковы были, разумеется, тоже приглашены, обе семьи всем составом. Но Регина, которой уже было четырнадцать лет, взрослый человек, категорически отказалась. Мало того, до конца того лета она ни разу на даче не появлялась.

Вы уже давно поняли – и никакого секрета я из этого не делал – речь идет о пресловутой первой детской влюбленности. Какая девочка устоит против чар почти Сергея Есенина, да еще поющего и играющего на гитаре?!

Словом, жизнь на даче продолжалась. Стабилизировалась потихоньку ситуация в стране, точнее сказать люди стали привыкать к новым условиям. Стручковы-старшие почти круглый год жили на даче, Николай пристроился обслуживать две десятиэтажки неподалеку, буквально на расстоянии полутора кварталов. Как он сам говорил, работал «мальчиком по вызовам». Если что-то в этих домах ломалось, ему звонили в любое время дня и ночи. Он стал там самым нужным человеком – и швец, и жнец и на дуде игрец. И соответственно заработки были неплохие. Теперь Стручковы могли себе позволить едва ли не каждый год ездить за свой счет в Канаду в гости к сыну. Конечно, только так считалось – за свой счет, – потому что дети их возили едва ли не по всему Американскому континенту, холили и нежили, как могли. Прекрасные у Стручковых были отношения с детьми и внуками, можно позавидовать. Но билеты были куплены за рубли, и это успокаивало самолюбие бывшего «маяка».

Метельские тоже нашли в новой жизни свою нишу, но об этом я расскажу чуть позже. Пока добавлю только одно - после свадьбы сына Федор Васильевич совершил героический благородный поступок. Он позволил молодоженам свить гнездышко в городской трехкомнатной квартире, а сам переселился на дачу. Впрочем, через два года ему удалось недорого купить небольшую полутораконатную квартиру со вторых рук, благо на тот период цены на жилье были демпинговыми.

Метельские в новом расширенном составе по-прежнему выходные дни с мая по сентябрь проводили на даче. А со временем стали оставаться там и в рабочие дни до начала учебного года. Дело в том, что постепенно новый вид транспорта – микроавтобусы – надежно и недорого связал дачный район с центром города. Таким образом, приморские кварталы превратились в обычный спальный район.

Может быть пропускала временами поездки на дачу только Лиля Метельская, она оказалась женщиной с претензиями. В консерваторию Лилия приехала поступать из славного города Первомайска, который еще недавно был местечком, но считала себя убежденной урбанисткой. Поэтому она не стремилась быть поближе к природе, а уж трудиться на ее благо – увольте... Да и руки музыканта требовали к себе особого отношения. Поэтому время от времени по различным причинам – поздняя или ранняя репетиция, недомогание и прочее и прочее, она оставалась на городской квартире. Хочу быть объективным – Лилия не злоупотребляла прогулами. И я не хотел бы, чтобы вы восприняли ее в качестве отрицательного персонажа. Она была достаточно любящей матерью, вполне нормальной женой.

И к тому же ее эпизодические прогулы серьезного влияния на жизнь на даче не оказывали. Мужчины Метельские с помощью добрейшей Дарьи Семеновны научились прекрасно справляться со своим подрастающим чадом. Кстати, помощь им оказывала и Регина, которая уже на следующее после свадьбы Алика лето то ли смягчилась, то ли смирилась с неизбежным и снова стала завсегдатаем дачи.

Так без особых перемен прошло еще несколько лет. Мы с вами приближаемся к нашему времени. К другой эпохе...

И, увы, сейчас, к большому своему сожалению я должен расстаться с Николаем и Дарьей Стручковыми, и расстаться при очень печальных обстоятельствах. В августе 2007-го ушла Дарья Семеновна, ушла ночью, во сне, тихо, неслышно. Словно пыталась доставить всем как можно меньше хлопот.

Николай проснулся утром, жена была рядом. Странно, обычно она вставала намного раньше его... На губах у Даши была извиняющаяся улыбка...

Вопреки статистике, в старших поколениях Метельских и Стручковых жены уходили первыми... Мужчины остались одни.

К похоронам дети Дарьи Семеновны не успели, зато на девять дней приехала вместе с семьей Стручкова-младшего целая делегация. Оказывается, пресловутая еврейская бабушка жены Юры, которая обеспечила им канадское гражданство – надеюсь, вы еще помните эту историю, – предоставила такую же возможность еще доброму десятку потомков. В Америке и Канаде эти потомки связались друг с другом и даже сдружились. Они решили все вместе исполнить родственный долг, но по разумному деловому западному обычаю совместить печальную поездку с купанием в море и отдыхом на даче Николая. Часть из них, естественно, разместились у Метельских. Места хватило. По собственному опыту знаю, что деловые люди не только на Западе, но теперь уже и у нас в стране, считают, что в жизни все реально и все совместимо. Может это и разумно, но как-то непривычно...

Дети и внуки покойной вместе с загорелыми гостями отбыли дней через десять, и под шумок не только увезли с собой Николая, которому действительно нечего было тут больше делать одному, но и за приличную сумму продали дачный участок его племяннику Анатолию. А надо сказать, этот участок в то время уже стоил немало, то есть на какое-то время финансовая поддержка новому переселенцу была обеспечена. А за компанию городскую квартиру Николая новоиспеченные родственники почти за бесценок продали Регине, которая не так давно вышла замуж.

Без Николая и Дарьи Семеновны дача для Метельских стала другой. Аура ее изменилась. Она оставалась местом летнего отдыха, но оазисом быть перестала. И дело не только в том, что рядом уже не было хороших друзей и соседей. Слишком быстро все стало меняться вокруг. Старая жизнь, хорошая она была или плохая, закончилась, не видеть этого было нельзя. Некогда дачный район быстрыми темпами урбанизировался. Прокладывались

многополосные шоссе, гудел, только чуть затихая к ночи, транспорт. То тут то там воздвигались веселые, какие-то то ли пряничные, то ли тортообразные многоэтажки новых русских – такая была архитектурная мода. Но в еще больших количествах, как грибы после дождя, не по дням, а по часам вырастали престижные виллы, огромные грибы среди низкорослых неприхотливых, приходящих в упадок строений советского периода.

Да, времена менялись... И менялись нравы.

На участке, принадлежавшем теперь Анатолию Стручкову, стала прорастать сорная трава, за деревьями и цветниками уже никто не следил. Правда, на следующее лето после описываемых событий туда время от времени наезжала Регина, сначала с мужем, затем с мужем и с ребенком, потом с ребенком, но уже без мужа. Иногда с ней приезжала и Валентина Ивановна, она помогала молодой и уже одинокой мамаше. Но сил и желания приводить участок в порядок у них не было, а дача, как известно, требует заботливых рук и хозяйского присмотра. Вполне естественно, появились следы запустения, такие вещи происходят очень быстро.

Скорей всего эти три года Анатолий Петрович собирался с силами. Если уж что-то строить, то не хуже других, а это было непросто. Некоторые виллы по соседству вполне могли бы украсить, скажем, Лазурный берег.

Хозяин созрел к осени 2010 года. На участке Стручкова появился бульдозер и прежде всего снес дачный домик вместе со всей начинкой. Видевшая это своими глазами Лиля Метельская уверяла, что даже двери не открывали и ничего из дома не вынесли. Но Лиля была человеком слегка эксцентричным, могла и преувеличить. С этого дня началось активное строительство новой виллы рядом со старым, добрым, повывавшим виды домиком Метельских. Как иллюстрация смены эпох.

Это была нелегкая нагрузка. Привычный летний отдых был основательно испорчен. Правда, Стручковы прекращали строительные работы по субботам и воскресеньям для того, чтобы дать дачникам хотя бы в выходные дни передохнуть. Сама хозяйка Валентина Ивановна еще весной прошлого года обошла всех соседей с этим сообщением, а заодно с извинениями за причиненные неудобства. Поступок, надо сказать, необычный для современных «новых русских». Но Валентина Ивановна – это знали все соседи – была женщиной интеллигентной и совестью.

Слава Богу, в начале сентября 2011-го строительство виллы Стручкова подошло к концу. Соседи Метельские вздохнули с облегчением.

Описывать дом не буду, скажу лишь, что предстал он во всем великолепии. А вот забору вокруг него внимание надо уделить, поскольку это имеет значение для дальнейшего повествования. Был он немногим выше человеческого роста, толщиной сантиметров десять, не больше. Чтобы не выглядеть угрожающе – все-таки дача, не тюрьма, – он был выкрашен веселенькой светло-светло-зеленой краской. Вплотную к забору предполагалось высадить какие-то декоративные кусты, желательные экзотические, но пока до них руки не дошли.

Со стороны дороги были металлические ворота, рядом калитка – то и другое итальянского происхождения. И по личной просьбе хозяйки Валентины Ивановны, была оставлен еще один проход, реликвия – встроенная в новый забор старая металлическая калитка, много лет соединявшая дачи Стручковых и Метельских, символ продолжающихся дружеских отношений между семьями. К сожалению, этим символом после отъезда Николая Стручкова очень мало пользовались.

Все это была присказка. Сказка будет впереди.

Новоселье

Но калиткой все-таки воспользовались. Метельские получили приглашение отпраздновать новоселье в ближайшую субботу, 9 сентября. Валентина Ивановна не позвонила по телефону, не зашла через главный вход, она воспользовалась калиткой, дав понять таким образом, что близкие отношения соседей сохраняются. На даче были Алик и Лиля.

- Новоселье должно быть дружеским, в узком кругу, только две семьи, наша и ваша, так сказать запросто, - объясняла Валентина Ивановна. - Официальный банкет будет позже. Что-то у нас еще, по мнению Анатолия, не доделано, кусты не высажены, но ведь это все мелочи, правда? Главное, шума и пыли больше не будет, разве это не повод для праздника? Я представляю, каково вам было.

Все это было сказано очень искренне и с какой-то даже извиняющейся ноткой в голосе.

Разумеется, приглашение с благодарностью было принято. Поговорили немного о доме, о детях, о здоровье. Затем Валентина Ивановна отказалась от чая, сказала, что много дел по хозяйству, и демократично снова через калитку ушла к себе на участок.

- Какая обаятельная женщина, - сказал Алик. – Повезло Анатолию.

Реакция Лили была мгновенной.

- Еще вопрос, кому повезло. Работы у нее много! Тамара с мужем там крутятся с утра до вечера.

Тамара была двоюродной сестрой Валентины Ивановны и жила неподалеку, в том же дачном районе. Стручков нанял ее с мужем для работы на даче, такой дом и участок требовали непрерывного присмотра.

Лиля все и обо всех знала. Это было ее свойство. Она не сплетничала и не собирала сведения, просто все замечала, а об остальном догадывалась.

- Пригласили нас на междусобойчик. Как бедных родственников. На кухню. Пока кусты завезут. Конечно. Когда будет бомонд, нас не позовут.

Алик не отреагировал, он знал острый язычок супруги. Лиля очень хотела попасть именно в бомонд, она недавно купила новое вечернее платье, как раз подходящее для элитной тусовки.

Приехавший позже Федор Метельский был рад приглашению.

- Очень хорошо, пора восстанавливать отношения.

- Отношения? Какие могут быть отношения? – Лиля ткнула пальцем в сторону сверкающей всеми красками в лучах заходящего солнца вилы и перевела взгляд на очень скромно выглядевший домик, который давно пора было освежить, да все как-то времени не хватало. – Вот ваши отношения. Любуйтесь.

Алик и его отец молча и очень похожим жестом пожали плечами. С Лилей они старались не спорить.

- Да, а подарок? Должен быть подарок! И не дешевый. Мы не можем, как бедные родственники...

- Все будет в порядке. Подарок будет, правда, внучка? – это уже относилось к появившейся следом Светочке. – Завтра с утра начнем готовиться к новоселью.

Принимали Метельских не на кухне. На веранде. На голубом полу стоял довольно большой стол темного дерева, наверно раскладной, но для восьми человек он и в сложенном состоянии был более чем обширен. Стулья тоже темные и массивные. Посреди веранды над столом свисала довольно большая современная люстра с люминесцентным светильником

овальной формы. Дополнительно с четырех сторон под навесом горели симпатичные то ли бра, то ли фонарики, дававшие мягкий рассеянный свет. Сочетание всего этого смотрелось очень эффектно.

Как и положено, сначала была экскурсия по дому. Все хвалили вкус хозяев, а Лиля очень одобрительно отозвалась об их экономических возможностях и при этом со вздохом покосилась на Алика.

На веранде было очень хорошо. Во-первых, вечер был удивительно теплый и безветренный, типичная погода для начала сентября. Но на всякий случай на спинке каждого очень удобного – и тяжелого - стула висел плед. Пушистый, клетчатый.

Стол был в основном рыбный. Рыба горячего, холодного копчения, красная, лососевая. Горячие блюда - модные в последние годы камбала, барабулька, гарнир - пюре, рис, тушеные овощи, по желанию. Отличная наваристая уха. Само собой бутерброды с икрой... Все, не буду больше разжигать ваш аппетит. Разве что уточню, что мясная закуска тоже имела место быть, но в ограниченном ассортименте. Заливная... Вино, коньяк, виски... Все, все, хватит! Прекращаю...

Метельские опасались, что будет прислуживать Тамара, которую все знали, это могло вызвать некоторую неловкость. Но нет, Стручков – никто не сомневался, что с подачи Валентины Ивановны, – пригласил двух молоденьких официанток из ресторана, где заказывалась еда. Девочки были симпатичные и опытные, не нависали над гостями, были бесшумны и незаметны.

Семьи сидели друг напротив друга, по обе стороны стола. Четверо Метельских и четверо Стручковых. Впрочем нет, пятилетний сын Регины имел какую-то иную фамилию, которую гости не знали. Эта фамилия так и не прижилась, не успела.

Начало застолья прошло немного скованно – соседи мало общались последние годы. Но выпили за новый дом, потом за счастье в новом доме, потом за хозяйку, потом за хозяина. Регина собиралась было надуться, но не успела - выпили и за нее с сыном. Малолетний Сережа после этого почти добровольно отправился спать. И вовремя, потому что языки постепенно развязывались. Народ оживился.

Федор Васильевич после третьего бокала почувствовал, что намечается перебор, и хотя он пил, как обычно, только сухое вино – к рыбному столу, как и положено, было подано белое марочное, – но побережся стоило. Он решил придержать лошадей. Но тут хозяин предложил обязательный тост: «За тех, кого с нами нет». Это святое! Не чокаясь выпили за Марту Максимовну, Дарью Семеновну. О Николае было сказано много хороших слов и тоже выпили. Завязывать пока не удавалось. Но зато беседа стала общей, блюда пустели буквально на глазах. Такой темп долго поддерживать было невозможно.

И вот наступила неизбежная пауза. Затишье. Все откинулись на стульях, довольные едой, питьем, друг другом и окружающей красивой и комфортной обстановкой. Женщины закутались в пледы, может, не столько от холода, сколько для красоты. Инициативу взял на себя Федор Васильевич, он стал развлекать стол размышлениями о жизни. Воспоминаниями о славном доперестроечном прошлом с Николаем, Дашей и Мартой.

Алик забеспокоился. Кажется, отец немного перебрал, сейчас пойдет философия. Так всегда бывало, когда Федор Васильевич позволял себе лишнее. Не хотелось бы. Потом появятся паузы. Потом вечер постепенно угаснет сам собой... Кажется пора приступать ко второй части марлезонского балета, иначе все скиснут. Еще минут пять, десять, и можно тихонько по-английски исчезнуть.

Вставать с удобного стула не хотелось. Алик тоже чувствовал странное брожение в голове – он, как я уже говорил, не был склонен к выпивке и считал это своим недостатком.

Отсутствие соответствующих навыков мешало его общению с нашими согражданами и вредило деловым отношениям.

Но это непривычное состояние опьянения сейчас позволило ему каким-то другим, свежим взглядом посмотреть на все происходящее вокруг. И на всех.

Определенно, сидящие за столом незаметно для самих себя достаточно сильно изменились. Сложные были годы, они не могли пройти без следа. Может быть, только отец остался таким, каким был уже много лет. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Алик постучал по столу.

Напротив Алика сидела Регина. Вот уж кто определенно изменился. И трезвый человек этому удивляться не стал бы – Алик был самокритичен. Девочка, ершистая, ни на кого не похожая, превратилась в молодую женщину, стала матерью. Сколько ей сейчас – лет 28, а то и все 29? Кажется, она немного угасла, может устала, хотя в глазах есть еще и надежда, и упорство. Она почти выполнила обещание: стать такой же красивой, как ее мама. Но только почти. Уж очень высокая была мерка. Они сидят рядом, мать и дочь. Можно сравнивать. Валентина Ивановна изделие ручной работы, оригинал, а Регина красивая, но все-таки копия. Глядя на Валентину Ивановну, начинаешь понимать истинное значение слова «осанка». Высокая, стройная, светлые до сих пор без седины волосы, зеленые глаза. Нежный овал лица. Словом славянский тип из народных сказок. «Махнула правой рукой – стали леса и воды, махнула левой – стали летать птицы». Василиса... Изменилась ли она за эти годы? Немного. Стала чуть полнее, ровно настолько, насколько это необходимо с возрастом. А может, чуть-чуть больше, самую малость. Многие женщины в ее годы слишком усердствуют с диетами и выглядят при этом изможденными. Нет, Валентина Ивановна хоть и разменяла шестой десяток (звучит ужасно!), но не теряет позиций, просто перешла в следующую категорию, и несмотря на возраст, в более высокую и ценную. И по-прежнему красивую. Годы тут ни при чем. А может, он пристрастен к ней? Очень даже возможно. Алик испытывал не просто восхищение, что естественно по отношению к такой женщине, как Валентина Ивановна, но даже почтение. Действительно непонятно, он моложе всего на четыре – или пять? – нет, все-таки пять лет, но тем не менее он для нее Алик, а она по-прежнему Валентина Ивановна. И проходят годы, а дистанция не сокращается. Какой-то комплекс.

А вот с ее мужем, богатым и напористым человеком, даже фактически его хозяином (но об этом несколько позже), он общается запросто, по имени и на «ты». Хотя Толе уже 56 лет.

Все-таки внешне не слишком сочетается эта пара. Толя даже сидя почти на полголовы ниже жены, что же будет, когда они встанут? А она сегодня на высоких каблуках. Впрочем, сейчас пошла повальная мода на мужчин маленького роста. Нужно признать, Толя изменился в лучшую сторону. Заматерел. Лицо у него довольно интересное и оригинальное – европейское лицо в сочетании с налетом востока. А главное, в нем проявилась - этого не отнимешь – уверенность в своих силах. Он знает, что на него можно опереться. Такая уверенность дорогого стоит.

Вот если бы не выражение скрытого недовольства и агрессии. Даже сейчас, когда он, казалось бы, должен расслабиться. Но это натура...

Неожиданно Лиля толкнула его локтем и довольно громко спросила:

- Алик, ты шо, заснул? Тебя не видно и не слышно, - несмотря на многолетние усилия? слово «что» ей давалось с трудом, требовало непрерывного контроля. В гневе или расстройстве она переходила на привычное с детства «шо».

В наступившей до этого паузе реплика Лили прозвучала неожиданно громко. Алик заметил, что Регина метнула негодующий взгляд на его жену. Она до сих пор ее

недолюбливала и не слишком пыталась это скрывать. Но на Лилю такие мелочи впечатления не производили. Опасность назревала с другой стороны - Света возбудилась, Алик это почувствовал. Если она громко вступится за папу, то повышенных тонов не избежать. У Светы переходный возраст, и последнее время что-то с ней происходит, стала резкая, несдержанная. Хорошо, что вмешался Федор Васильевич. Он постарался громкой остротой сгладить некоторую неловкость. Проехали. Света поворчав, вернулась к любимой барабульке, перед ней на тарелке уже была груда рыбьих костей.

Под звуки очередной истории в исполнении отца Алик вышел из-за стола и? стараясь не привлекать внимания, через калитку прошел к себе на участок. Калитка предательски заскрипела.

Там в мангале – он же камин – уже были сложены специально купленные днем сосновые чурки, рядом стояла бутылка с жидкостью для распалки. Конечно, можно было купить угли, но это было бы не так красиво, как яркий огонь в камине. Алик не пожалел жидкости, пахнувшей керосином, основательно полил ею дрова и бросил в камин спичку. Сразу же вспыхнуло пламя, потянулось к кожуху из блестящей нержавеющей стали (до сих пор не потемнела!), загудело в трубе, копии Эйфелевой башни – отличная работа народного умельца!

Прямо против камина стоял низенький и немного колченогий стол. Дугой, лицом к огню, теснились за ним пять легких пластмассовых стульев и три табуретки из кухни. Контраст с обстановкой на веранде был впечатляющий. Но в этой простоте и в открытом огне была своя прелесть.

На веранде заметили отблески пламени, народ с любопытством потянулся к калитке, даже звать никого не пришлось.

- А вторую половину вечера мы предлагаем провести на природе. Вот она у нас рядом. Прошу любить и жаловать.

Это, разумеется, тоном зазывалы произнес отец. Алик молча вынес из домика таз, в котором на шампурах были заранее приготовленные и замаринованные шашлыки, поставил его на тумбочку рядом с камином.

- Комплектом к шашлыкам идет знаменитый «перестроечный» соус, наш секретный патент. Надеюсь, все о нем слышали, а некоторые даже часто пробовали, - Федор Васильевич заговорщицки подмигнул Регине. Он определенно питал к ней слабость.

Раздался одобрителный гомон. Анатолий Петрович, деловой человек, сразу нашелся:

- Прекрасная идея, соседи, прекрасная. Алик, айда со мной за горячим. И кое-что добавим. Не пропадать же добру.

Они пошли за бутылками, взяли поднос стаканов, вилки, ножи, кое-какие блюда с закусками, воду. Сделали даже несколько ходок. Метельские не возражали, они на это и рассчитывали. Колченогий стол с трудом выдерживал изобилие. А впереди еще были шашлыки. Все расселись возле стола, на этот раз Метельские смешались со Стручковыми. Алику стул придержала возле себя Регина. Лиля кажется не заметила этого и оказалась рядом с Анатолием Петровичем. Дальше всех от огня на самом краю выбрала табуретку Валентина Ивановна. Она несомненно была довольна задумкой Метельских.

- Хорошо, когда все хорошо, - негромко сказала она. Но все ее поддержали, а значит, услышали.

С бокалом в руках встал Федор Васильевич и сказал голосом Юрия Яковлева:

- Требую продолжения банкета!

Было очень похоже на Яковлева, и в ответ раздался одобрителный гул голосов.

Человеческие возможности безграничны. Ко всеобщему удивлению, шашлыки – по два на каждого - были съедены, напитки практически допиты. Что значит свежий воздух и перемена обстановки! На тлеющие угли положили новую порцию дров – немного, пару поленьев, и вспыхнувший неяркий огонь не позволил нашей уже сплотившейся группе осоловело впасть в сытую и пьяную дремоту. Общее настроение я бы скорее назвал мечтательным и романтическим. Я думаю, вы себе это представляете. Вечер, почти ночь, камин. Слышно, как вдалеке шумит море. Кто-то – кажется, Анатолий - попытался было поговорить о политике, о взяточниках, от которых нет покоя... Поддержки тема не нашла. Хотелось либо помолчать, либо поговорить о чем-то важном, существенном для каждого. О будущем. О душе. Примерно в таком духе высказалась Регина. Лиля не утерпела:

- Любовь и дружба в лирике Пушкина.

- И о любви, - с вызовом ответила на укол Регина, - и о том, что дальше будет с нами.

Встала и ушла в дом Света. Ей стало неинтересно. А может, просто спать захотелось.

Регина хотела было предложить Алику спеть что-нибудь под гитару, как в прежние добрые времена. Как раз под настроение. Но искоса взглянула на него и только вздохнула. Этот располневший и почти облысевший человек петь не станет и, наверное, правильно сделает. Ничего от Есенина не осталось. А в молодые годы был похож. До чего был похож!.. Хотя в лице и особенно в глазах все-таки есть что-то если не от Есенина, то хотя бы от прежнего Алика. А может, только она одна видит это прежнее?.. Во всяком случае, она ни о чем не жалела...

И тут оживился притихший было на часок Федор Васильевич. Задумчиво глядя в огонь, он неожиданно для всех сообщил:

- Да, возраст у вас, я вам доложу, не простой. Очень сложный. Нам в ваши годы было намного проще. Ничего особенного решать не надо было.

- Кому это нам? – не поняла Регина. – В какие такие наши годы?

- Не в твои, Региночка, не в твои, милая, ты правильно сказала - какие ваши годы?! – ласково улыбнулся ей Федор Васильевич. – Я говорю о старшем поколении. Тем, кому в районе полтинника. То есть пятидесяти. О моем Алике. И о твоём отце.

- И обо мне, - тихо добавила Валентина Ивановна.

- Женщины возраста не имеют, - последовало галантное возражение.

- Почему нам сложнее? - без особого интереса и с улыбкой спросил Анатолий Петрович.

А Алики поморщился: «Философия началась. Это было неизбежно».

- Я сказал, что нам было проще. Нам. Смотри, - он обращался непосредственно к Стручкову. – Когда человек становится взрослым, какая цель перед ним? Какие задачи? Чего надо добиваться в жизни? Создать семью, иметь дом, вырастить детей, ведь так?

- Добиться положения, уважения, достатка, - добавил Стручков и приосанился.

- Точно, занять свое место в жизни.

- Ну, а дальше?

- А дальше к пятидесяти все это уже достигнуто. Как инженер тебе говорю – была создана ячейка, система. Система свою задачу выполнила и распалась. Дети выросли и ушли. Дом, положение уже есть, и в этом возрасте мало что изменишь. Как правило, пик уже прошел. Да и молодых вокруг полно, поджимают. Ведь правда? Не обижайся, даже ты, Толя, уже олигархом не станешь.

- Ну, папа, ты все-таки...

- Спокойно, Алики, Толя не обиделся, Правда? Это я в общем смысле, в философском...

Федор Васильевич получил поддержку с неожиданной стороны.

- Кой черт олигархом! Тут бы свое сохранить. Кризис, и эти чинуши чертовы... - Стручков покрутил головой, виски сделало его более откровенным. – Но почему вам было проще?

- Сам подумай. Мы в ваши годы знали, что свое назначение уже выполнили. По статистике средняя продолжительность жизни мужчины была 56 лет. И это сидело у нас у всех тут, - он выразительно постучал пальцем по виску. - Оставалось чуть-чуть до пенсии, а до конца может еще ближе. Мы все это сознавали. И поэтому нам не надо было ничего решать. Спокойно дожить то, что осталось. Доработать, чтоб не выгнали, потом, если повезет, домино во дворе. Помочь детям и внукам, это особенно бабушек касается. О чем тут думать? Помнишь, анекдот о цыгане? «Та сколько той зимы? Сентяп, октяп, тяп-тяп и лето».

- Ну и что? В чем разница?

- Какой ты, Анатолий Петрович, сегодня. Неужели я так неясно объясняю? Не видишь разницы? У вас сейчас впереди как минимум двадцать, двадцать пять активных нормальных лет, – он выразительно поднял указательный палец, требуя внимания. - У вас впереди, если хочешь знать, столько же полноценных лет, сколько вы уже прожили в зрелом возрасте. Фифти-фифти. Но система свое уже отработала. Все что намечено, сделано. А впереди еще жить и жить, пахать и пахать. Есть о чем подумать?

Все повернулись к Федору Васильевичу, крайние придвинулись поближе, чтобы лучше было слышно.

- И знаешь, - Метельский почувствовал интерес слушателей и воодушевился, - когда сейчас говорят «вторая половина жизни», то это не для красного словца. Первая половина, если хочешь знать, вам была дана для одного варианта. Там все было понятно. «Цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи». Теперь вам выделен еще такой же срок на второй вариант жизни, совершенно не похожий на первый. Совсем другие условия, и вы другие. Разве можно доживать его просто так, по инерции? Это наша совковая ментальность на вас влияет – «а сколько той зимы?». Не зима это. Не год, не два. Еще одна жизнь – вот это что. И к чему-то нужно стремиться, ведь так? Знать бы только к чему...

Довольно длинный монолог Федора Васильевича произвел впечатление. Все оживились. Заулыбались, Анатолий Петрович хмыкнул и долил себе виски в опустевший бокал.

Алик тоже долил, и тоже виски:

- Ну, папа, ты сформулировал. Задумаешься... Просто доживать полжизни - непозволительная роскошь. - Он приподнялся на стуле и понял бокал. – Давайте выпьем за моего отца.

Следом поднялся Стручков:

- Давно пора это сделать.

Хор голосов поддержал тост. Стали наливать, разыскивать на столе спиртное, перебирать бутылки, чокаться.

Но были и несогласные. Возможно, Лиля восприняла прочувствованное выступление свекра как камень в свой огород. Во всяком случае, она довольно резко и даже враждебно спросила:

- Ну, и шо это значит? Обрубить хвосты и начинать новую жизнь? С чистого листа? Интересная философия!

Наверно, у Лили были основания для подозрений, потому что Метельский довольно уклончиво возразил:

- Я только сказал, что стоит подумать: а можно так жить еще много лет или что-то нужно менять.

Лиля буквально задохнулась от возмущения:

- Так мы это и видим сколько угодно. Богатые старые пердуны меняют состав. Берут молоденьких девочек в жены или в любовницы, заделывают (Лиля выразилась конкретнее – у музыкантов своя лексика) им детей. Вот и начинается новая жизнь. Как раз по рецепту Федора Васильевича. Растут дети, а у папаш растут рога. Цирк!

Регина тихонько сказала:

- Так уж обязательно рога. Если люди любят друг друга, при чем тут годы.

- Шо-то я не видела, шобы молоденькие и красивые девочки любили старых, некрасивых и бедных. И брали бы их в мужья или в любовники. Или, скажем, молодой красивый шобы спал со старушкой на социальном пособии. А с деньгами – сколько угодно!..

Алик в схватке не участвовал. Он с интересом наблюдал, как реагируют на дискуссию все без исключения, даже те, кто молчит. Равнодушных не было. Стручков после завершающего пассажа Лили покрутил головой, посмотрел на нее почти с ненавистью и глотнул еще полстакана виски. Валентина Ивановна искоса взглянула на мужа и еле заметно улыбнулась. А Федор Васильевич, кажется, уже не рад был, что посеял такую бурю. Пора было прийти ему на помощь.

- Лилия, не ломись в открытую дверь. О том и речь, что нельзя начинать сначала – опять делать детей, опять строить новый дом. Всеу свое время. Но человек всегда должен к чему-то стремиться? Значит, другие интересы должны быть. И другие цели.

- Какие другие? Да все те же. Шевелиться, а не лежать камнем.

Алик понял, к кому эта фраза относится. Промолчал.

- Желание добиться успеха может быть целью жизни, но смыслом жизни быть не может, - немного загадочно сказала Валентина Ивановна.

Но муж ее, видимо, понял и проворчал:

- Конечно, деньги не главное, когда они есть.

Алику показалось, что это отзвуки застарелого спора. И совсем ни к чему. Ну, папаша, открыл ящик Пандоры... Выручила Регина. Она неожиданно даже для себя все-таки предложила:

- Алик, может, споешь что-нибудь, как когда-то. Ты еще не разучился?

Все с надеждой на него посмотрели. Пора было срочно менять тему, поэтому Алик с легкостью согласился:

- Споем вместе, а я подыграю.

Он пошел за гитарой, вернулся на свое место по соседству с Региной. Окинул всех взглядом:

- С чего начнем?

Спели «Под музыку Вивальди». Тихонько, чтобы не мешать соседям. Сначала несмело, потом с удовольствием. У Регины был неплохой слух, у Лили довольно сильное контральто.

Регина попросила:

- Спой свое. О душе. Помнишь?

Алик не стал ломаться.

- Хорошо, - взял несколько аккордов, вспомнил мелодию. – Жалостная.

Песня когда-то - двадцать? нет, почти двадцать пять лет тому назад - пользовалась успехом. Она была немного сентиментальной. В ней пелось о трудной и длинной дороге жизни, дороге с рытвинами и ухабами, подъемами и спусками. На одном из ухабов герой потерял душу. Это очень тяжело, когда теряют душу, очень болит там, где была раньше душа, где-то под сердцем. Так у солдата, у которого на войне оторвало ногу, она продолжает болеть. И у героя – такой был припев - очень болело там, где раньше была душа, где-то под сердцем.

Песня принесла Алику большой успех и бурные аплодисменты слушателей.

Вдруг Лиля встала, ушла в дом и вынесла скрипку. Оказывается, гитара и скрипка могут звучать слаженно. Репертуар изменился, появились цыганские напевы. «Милая, ты услышь меня», «Две гитары под окном», «Я ехала домой, я думала о вас».

Лиля преобразилась. Лицо подобрело, помолодело и, безусловно, похорошело.

«А между прочим эта баба не такая уж стерва. Просто артисты все немного того... И сексуальная. Смотри ты, аппетитная, а ничего лишнего. Рост примерно как у меня...» - Стручков стал тихонько подпевать, негромко, чтобы не испортить песню. Ему медведь на ухо наступил.

Вечер закончился так же хорошо, как и начался.

Алик и Лиля

Стручковы тепло попрощались и ушли к себе. Несколько минут спустя появились девочки из ресторана, быстро и без суеты унесли посуду от мангала, ту, как ехидно заметила Лиля, которая была с барского стола. Спасибо им, унесли и пустые бутылки, их оказалось немало. Федор Васильевич, несмотря на то, что был основательно подшофе, не поддался уговорам и решил уехать домой, в город. У него в первой половине дня было намечено «важное randevu исторического значения». Вызвали такси.

Пока его ждали, Алик добродушно подкалывал отца.

- Ну, папа, ты сегодня взял на себя большую ответственность. Лавры ясновидящей Ванги тебе покоя не дают? Жили себе люди спокойно, горя не знали, а ты вдруг напроорочил катаклизмы, дальнюю дорогу и большие хлопоты.

- Или накаркал, - в своем стиле поддержала Лиля.

- Ничего лишнего я не сказал. Правда, одна только правда и ничего, кроме правды. А правда бог свободного человека! Жизнь стремительно утекает, как песок сквозь пальцы. И прятать голову в этот песок много ума не надо... - Федор Васильевич, начавший было речь с большим пафосом, на последних словах осекся. Он понял, что бестактно вмешался в чужие дела, во всяком случае так непременно поймет его слова Лиля. Доказательства были налицо - она тяжело задышала, наклонила голову, прядь черных волос упала на глаза, которые даже сквозь эту завесу засверкали яростным огнем.

«Так, сейчас начнется коррида», - подумал Алик. Но к счастью, раздался сигнал автомобиля, Алик схватил отца за плечи и довольно бесцеремонно вытолкнул его к выходу. Впрочем, тот и сам охотно пошел, от греха подальше.

В ожидании Алика Лиля нервно ходила из угла в угол, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. Не хотелось прекрасный вечер заканчивать банальным скандалом. Она сама признавала, что сегодня была агрессивна сверх меры. Были на то у нее причины, и серьезные. Нужно поговорить сегодня об этом с Аликом. Но посторонние ни в чем не виноваты...

Я, кстати, и сам почувствовал, что описывая прошедший вечер немного сгустил краски и не совсем объективно, практически только с одной стороны представил ее вам. Постараюсь исправить.

В Лиле Господом Богом от рождения было заложено много противоречивого, с трудом уживающегося в одном человеке. Отличный пример единства и борьбы противоположностей. Она действительно была артистичной натурой. И прежде всего – основное требование для артистичной натуры - у нее был талант. Так считало большинство ее педагогов. С детских лет на нее возлагались большие надежды, а это серьезная нагрузка

для молодого человека. И вполне естественно - Лиля была очень амбициозна. Следующая ее составляющая – неумный темперамент, не сдерживаемый воспитанием. Родители души не чаяли в красивой и способной девочке, ее желания и капризы исполнялись мгновенно. Она вполне могла позволить себе резкость, грубость, иной раз закатывала истерику, а такое воспитание бесследно не проходит.

После окончания местной музыкальной школы Лиля отправилась покорять городскую консерваторию. И представьте себе, поступила легко, а главное бесплатно - лучший показатель таланта. В консерватории она быстро поняла, что это заведение мало похоже на пансион благородных девиц и служение музам в современных условиях часто больше напоминает японскую борьбу без правил. Короче, полностью избавиться от с детства впитавшихся в плоть и кровь привычек Лиля не только не смогла, но пожалуй, резкости и непримиримости еще добавила. Вы это уже заметили при первом знакомстве с ней. Но чего вы пока не могли увидеть – при всем при этом Лиля была довольно-таки ответственным человеком. Федор Васильевич говорил о ней: «Хороший человек с плохим характером». Бывает такое сочетание, сам знаю примеры. Но дело не только в характере. Оказалось, особенно в наше время, что ответственность, порядочность и талант трудно совмещаются, какое-то из этих качеств должно уступить.

В довольно частых и довольно громких скандалах с мужем и дочерью была основная тема: я из-за вас пожертвовала карьерой, своим талантом, и что я имею взамен? Скандалы, естественно, велись на повышенных тонах, и при этом в ее приятном контральто появлялись немелодичные бабские взвизги. Знакомая картина, не правда ли? Мне даже неудобно все это описывать, потому что такие персонажи считаются банальными и использованы в огромном количестве плохих комедий. Но что делать, если в данном конкретном случае все это святая правда. Лиля, я об этом уже говорил и подтверждаю еще раз, была любящей матерью, неплохой (исключая характер) женой и чистоплотной хозяйкой. Она во многом действительно жертвовала карьерой ради семьи: не позволяла себе уезжать на долгие гастроли, руки высококлассной скрипачки не должны чистить, стирать, гладить, таскать тяжести, а Лиле приходилось всем этим заниматься не только дома, но и на даче. И уж если говорить правду, то ее муж должен был активнее шевелиться, как намекала на новоселье Лиля. Может тогда и амбиции ее были бы более-менее удовлетворены. И характер стал бы менее воинственным. Несбывшиеся надежды доброты и покладистости не добавляют. Поэтому нужно признать, имелись у нее основания для громких немзыкальных взвизгов...

И была еще одна причина, мешавшая Лиле продвигаться на музыкальном поприще, вам она покажется парадоксальной. Я имею в виду ее яркую сексуальную, даже немного хищную красоту. «Как же это? - удивитесь вы. – Известно всем, что в нынешнем шоу-бизнесе это самая надежная предпосылка, чтобы сделать карьеру». Да, если есть согласие ее делать таким способом. Но я уже говорил, что Лиля была в принципе приличным и нелегкомысленным человеком, а такие качества определенно помеха «компромиссу», который необходим для достижения успеха в современной рыночной структуре искусства.

И кроме стремления к порядочности – в наше время едва ли не архаичное слово, - была еще одна, боюсь, не менее веская причина: Лиля была болезненно брезглива, то, что в народе называют «чистоплотью». Чужие не слишком стерильные постели, чужое тело с чужими запахами были для нее как острый нож в сердце. Какое уж там удовольствие! А без «компромисса» – как мы это называли - красивой и сексапильной женщине на сцене пробиться гораздо труднее, чем банальной замарашке. Я думаю, все это понимают. А для тех, кто не понял, привожу конкретный пример.

Не так давно, примерно год тому назад, был набор в филармонический ансамбль с модным названием «Виртуозы Города». Лиля по классу была одним из первых кандидатов. Но дирижер, приезжая знаменитость, не столько слушал Лилию во время кастинга, сколько смотрел на ее ноги. И в конце, не стесняясь, сказал:

- Не дашь - не возьму.

Открытым текстом. Хотя он принял весь остальной состав без выкупа, не было больше подходящих претенденток на дирижерское ложе.

А предполагались заграничные гастроли, даже Япония. Хорошие деньги, это вам не советские командировки. И Света уже большая. В наше время нет ни профкома, ни парторганизации, жаловаться бессмысленно. Можно только отказаться от предложения... и от ансамбля. А участие в этом перспективном небольшом коллективе означало не просто продолжение карьеры, это могло быть возрождением надежды на будущее. Лилия объективно была сильнее всех скрипачей ансамбля и если не первая, то вторая скрипка была безусловно за ней. Если учесть, что симфонический оркестр, где она числилась, существовал практически только на бумаге, то момент был поистине переломный...

Но Лилия шла на эти подвиги – «компромисс» действительно был для нее подвигом - в исключительных случаях, может пару раз за карьеру. И долго еще искренне страдала от воспоминаний, за что потом доставалось на орехи, естественно, Алику и рикошетом Свете. Лилия только месяц тому назад вернулась из турне по Японии и Южной Корее. Пресса отмечала большой успех гастролей «Виртуозов Города», но по настроению Лилии это было не заметно...

И все-таки успехи были. Теперь начался новый этап. Первая скрипка, тоже знаменитость, но местного масштаба, решил заняться сольными гастролями. На его место был один несомненный кандидат – Лилия. А утверждение почему-то задерживалось... Но вот наконец все уладилось, и оркестр стал репетировать «Чардаш» Монти в современной оранжировке, солировала, разумеется, первая скрипка оркестра Лилиана Метельская. Имя и фамилия звучала не хуже любого придуманного псевдонима. Словом, объективных причин для расстройств вроде бы не было. Во всяком случае, по линии творческих успехов.

Что еще о ней можно рассказать? Да, вот еще. Все описанное выше совершенно не означает, что она была фригидной. Далеко не фригидной. Ее сексуальная внешность полностью соответствовала содержанию. Лилия любила эту работу, но весь свой недюжинный темперамент обрушивала на Алику. Это был родной человек, с родным вкусом и запахом. Свой собственный, его можно было не стесняться, а это имело большое значение. Лилия при сексе впадала в шумный экстаз и – чего греха таить – питала слабость к небанальным способам любви. У Алики желания были попроще, но он в принципе был мужчиной в приличной форме и песню не портил. Хотя давно уже считал, что семейная пара с таким стажем могла бы быть и поспокойнее.

И вообще он все чаще думал, что весь этот воз достоинств, сложностей и эксцентричности, называемый Лилей, ему не по силам. И с каждым годом такие мысли все чаще к нему возвращались. «Ах, зачем так много мне одной?»

Любили ли они друг друга? На этот вопрос мало кто из давно женатых пар сможет ответить убедительно. «Привыкли, сроднились, она часть меня самого» - словом, уйдут от ответа. Но у наших супругов в молодые годы была несомненная влюбленность. Он был красивый, с гитарой, она красивая со скрипкой и контральто. Как тут не загореться? А вот поженились ли бы они, если бы не уже известное вам привходящее обстоятельство – на это ни один, ни другой твердого ответа не дадут. Кстати, об обстоятельстве – оно дало себя знать в продолжительном заграничном турне, там об аборте и речи быть не могло. Когда

вернулись, было уже поздно. В нашей жизни привходящие обстоятельства часто многое решают за нас. Хорошо это или плохо - бывает по-разному. Но, на мой взгляд, чаще всего не на пользу...

Когда муж возвратился, Лиля почти овладела собой. Алик не стал ничего объяснять, молча подошел к ней, погладил по голове, почти не касаясь волос, поцеловал в щеку. Эти действия напоминали пасы экстрасенса. Он знал, что если начнет уговаривать и успокаивать, то его размеренный голос произведет прямо противоположное действие, приведет к очередному взрыву. Многие мужья знают это на своем опыте. Проверенная методика не подвела и на сей раз. Лиля благодарно прижалась к нему.

- Ну и хорошо. Проехали. Будем убирать или оставим все как есть назавтра?

- Давай уберем сегодня, завтра отоспимся... и все остальное, – к Лиле возвращалось ее контральто, и в нем даже стали появляться воркующие нотки. Переход от одного настроения к другому у нее происходил быстро. - Наелись, напились. Разве можно ложиться спать? И мухи налетят. Гадость всякая. Все хватит, давай приниматься за дело.

Она натянула резиновые перчатки, оба привычно надели фартуки и принялись деловито переносить посуду и шампуры в кухню. Потом Лиля стала мыть тарелки, Алик занялся шампурами и камином... впрочем, зачем я вам все это описываю? Каждый самостоятельно может представить себе уборку после застолья. Лучше расскажу, о чем они говорили.

- Неплохо посидели. Мне во всяком случае очень понравилось, - это Алик.

- Да. Особенно в конце. У нас, у камина, - это Лиля.

«Конечно, когда ты перестала всех шпынять», - подумал Алик. Но вслух этого не сказал по вполне понятным причинам. Вместо этого стал над ней подшучивать:

– Еще бы, ты сидела с самим Анатолием Петровичем Стручковым. Богатым человеком, моим боссом. И о чем-то шушукались за моей спиной. Я пытался подслушать, но сидел слишком далеко.

- Рядом с Инночкой, - вернула ему парфянскую стрелу Лиля.

Этой темы касаться не стоило, и Алик вернулся к прежней.

- Нет, серьезно, о чем вы там толковали? –

- Ревнуешь?

- Нет, не в этом дело.

- А зря. Я женщина красивая...

- Кто бы в этом сомневался, - и он снова ласково поцеловал Лилу в щеку.

- Второй братский поцелуй за вечер.

- Милая, если поцелуй будет не братский, а страстный, ты такой крик поднимешь, всех соседей перебудуешь.

По-моему, Лиля была польщена такой высокой оценкой ее темперамента и на мгновение застыла в раздумье: «А может, действительно бросить эту уборку к черту?..» Но Алик был настороже:

- Нет, серьезно. Вы говорили обо мне?

- Ну да, - Лиля продолжила движение. - Ты опять отказался от предложения. Не хочешь быть бизнесменом.

Алик пожал плечами – фамильный жест. Подобный разговор у них происходит уже который год. С тем же результатом, точнее с его отсутствием.

- Анатолий говорит, что твой Сердюк уже давно мышей не ловит.

Сердюк был номинальным хозяином фирмы, в которой работал Алик, солидной фирмы с красивым английским названием «Эйр кондишин», так и зарегистрированным в русской

транскрипции. Это давало повод для многочисленных острот. Но автор названия, Анатолий Стручков, фактический хозяин фирмы, был непоколебим. Так вот, Сердюку перевалило за шестьдесят, и он действительно не мог уже угнаться за молодыми и хваткими, которые приходили на смену старшему поколению дельцов. Тем более что он был из бизнесменов эпохи конца восьмидесятых годов, нахрапистым, не очень образованным и плохо поддающимся новым веяниям. Стручков очень хотел модернизировать этот участок, тем более что перспективы кондиционирования на рынке росли не по дням, а по часам. Лето последние годы становилось все жарче, здания буквально раскалялись.

Всю техническую работу в фирме возглавлял и осуществлял Алик. Холодильщик по специальности, сильный профессионал, он занимался проектированием, надзором при монтаже и так далее. Но категорически отказывался брать на себя другие обязанности, а их хватало. Искать заказчиков, договариваться с ними, затем обманывать, выкручиваться. Не просто двойная, как минимум тройная бухгалтерия. Но самое ужасное с точки зрения Алика, то, без чего нельзя обойтись в нашем бизнесе – взятки на всех этажах, откаты, налоговые комбинации и прочие прелести постсоветского капитализма. Ставить подпись на документах, где правда смешивалась с липой в любых пропорциях, в том числе и в пропорциях очевидно уголовных, - нет уж, увольте. Алик даже не пытался стать совладельцем, хотя прибавка к зарплате могла быть солидной.

Лиля, разумеется, изо всех сил пыталась толкнуть его в бизнес. И дело было не только в желании быть богаче – вполне разумном желании. Ее амбиции распространялись и на членов семьи – на мужа и на ребенка. Лиля хотела, чтобы они добились чего-то значительного, раз уж ей это не удалось в полной мере. Но как назло, муж отказывался стать богачом, а дочь никого не удивляла ни талантами, ни успехами в учебе. И даже, кажется, не собиралась становиться красавицей.

- Лилечка, неужели тебе не надоело говорить на эту тему? Раньше нам было плохо, кто спорит. Но сейчас, слава Богу, я как профи получаю неплохо, без риска, уголовщины и всех этих хлопот. Ты последнее время, тьфу-тьфу, тоже зарабатываешь хорошо. Молодец, добилась положения. Солистка ансамбля «Виртуозы Торода». Звучит!

При этих словах на лице Лили промелькнуло облачко.

- Мы ездим отдыхать за границу, правда не каждый год, но можем и каждый. Зачем тебе золотая рыбка?

- Да, ты не честолобив, - со вздохом сказала Лиля. – А мне на даче Стручкова стало завидно.

- Я определенно не честолобив, - и Алик широко улыбнулся.

Лиля подумала, что улыбка у него добрая, искренняя и даже какая-то наивная, что ли. В сущности, он человек мягкий и покладистый, но только до какой-то границы...

Она продолжала думать, теперь уже вслух:

- Все считают тебя белым и пушистым, – с недомытой тарелкой в руках она повернулась к нему. – Мы-то знаем, что это не так.

- Ну почему? Только в чем-то самом главном. Я же по мелочам не...

Лиля его перебила.

- Вот что интересно. Тебе почти пятьдесят...

- Сорок восемь с половиной, - не сдержался Алик, – звучит приятнее.

- И ты для всех до сих пор Алик. Не Александр Федорович. Не Александр. Даже не Саша. Алик. Для Валентины Алик, для соплячки Регины тоже Алик. – Еще одно облачко промелькнуло на лице и растаяло. - Даже для дочки ты не папа, а Алик.

- Ну и что?

- Ничего. Алик он и есть Алик.

В том, как Лиля произнесла последнюю фразу, чувствовалось что-то обидное.

Алику не хотелось затевать склоку, и он попытался перевести все в шутку:

- Не пора ль тебе, мальчик, жениться, // Не пора ли мужчиною стать!

Но его задело, безусловно задело. Он помолчал, потом не сдержался и ответил немного резче, чем намеревался:

- Если человек не хамит, не скандалит и гадостей не делает – это недостаток?

Лиля пожала плечами.

- Иногда. Иногда хочется, чтобы человек вышел из себя. Чтобы был огонь, а не такие угли. С золой, – и она кивнула в сторону поддона мангала, где еле-еле тлели остатки недавнего живого огня.

Картина была образная. Алик ее оценил.

И во многом Лиля была права. Он и с юности не отличался избытком темперамента, но там его заменял – он долго подбирал определение - скажем, мягкий романтизм. Подумал, подумал и добавил еще одно слово к определению – душевный мягкий романтизм. Но последние годы, как и положено с возрастом, романтизм улетучился сам собой.

Неожиданно для себя он с сочувствием посмотрел на свою красивую молодую – тридцать восемь лет для современной женщины не возраст - жену, которая, даже сбрасывая объедки из тарелки в пластмассовое ведро, делала это изящно и темпераментно. И фартук на ней был кокетливый, с оборочками, подчеркивал несомненные достоинства фигуры. Лиле нужен был человек, который бы всегда ею пылко восторгался, не уставал говорить об этом, страстно любил, готов был ради нее на безумства. Так во всяком случае Алику казалось. А судьба выделила ей спокойного, уравновешенного, а последние несколько лет явно ко всему остывшего человека.

И он без сожаления выплеснул на тлеющие в поддоне остатки угля кружку воды. Легкое шипение, поднялось облачко пара – и все на этом закончилось. Огня больше не оставалось. Алик вздохнул. Было в этом что-то символическое...

- Давай, я домою, - он оттеснил ее от раковины.

Лиля отодвинулась и посмотрела на него чуть удивленно. Голос у Алика был какой-то виноватый. И затем последовал третий поцелуй в щечку за вечер. А может, действительно бросить эту дурацкую уборку?..

Раковина для мытья посуды когда-то в старые наивные времена служила одновременно и умывальником, поэтому перед ней висело довольно большое зеркало. Над зеркалом размещалось бра, массивное, бронзовое, сталинской эпохи. И зеркало и бра благополучно дожили до наших дней.

Алик без всякого удовольствия посмотрел на свое отражение.

«Лиля бы за меня сейчас замуж не вышла».

Да, были времена. Был успех. Была молодость. И не было безразличия, которое овладело им в последние годы.

Алик стал всматриваться в результат этого безразличия, отражающийся в чуть мутноватом зеркале.

Из достоинств его былой внешности остался, пожалуй, только более-менее приличный рост, метр восемьдесят пять сантиметров, и то он постарался его подпортить – стал немного, но все-таки заметно сутулиться. Нужно бы обратить на это внимание... Но самое неприятное – за последние годы он набрал килограмм тридцать, большая часть веса, как водится, пошла в бывшую талию и, извините, чуть ниже. Лицо в молодости интеллигентно-продолговатое

стало округлым. Особенно с учетом отсутствия шевелюры. Надо бы наконец заняться спортом, походить в фитнес-клуб. Со следующей недели обязательно!

Алик невесело улыбнулся. Сколько раз был уже обещан самому себе этот мифический понедельник. Стимула нет...

Правда, полнота имеет и некоторое преимущество – лицо гладкое, без морщин. Жирок растягивает, разглаживает морщины. И полные лица всегда выглядят благодушными. Но одухотворенности нет и следа. А ведь была, была же она когда-то!

Он уже лет десять не брал в руки гитару. А теплопередача, энтальпия, испаритель, критерий Прандтля – всем этим он занимался четверть века изо дня в день. В общем-то, ему работа нравилась, еще не так давно нравилась. И делал он ее хорошо. И вообще все бы ничего, если бы не эта цифра, маячившая в сознании – впереди еще таких же двадцать пять лет, плюс минус... Прав отец. Нужно думать. И не только о работе...

- Алик, ты шо, оглох? Не слышишь, шо я талдычу? – судя по произношению, Лиля начала злиться не на шутку.

Он тряхнул головой и вернулся в настоящее.

- И шо ты талдычишь?

- Не груби. Ты должен хотя бы ради дочери забыть про свои высокие принципы.

- Здрасьте, а Света тут при чем?

- Я тут тебе уже полчаса...

- Талдычишь...

- Не груби! Ты сам не понимаешь? Ее через год нужно отправлять учиться за границу, только откуда у нас такие деньги? Конечно, если ты не согласишься на предложение Стручкова.

- Этого я действительно не понимаю... Вот чертов шампур, не очищается, хоть убей. Так прикипело... Зачем это нужно нашей Свете? Итон или Гарвард, она после них станет великим экономистом или дипломатом? Умерь свои амбиции, Лилиана. Ей вполне хватит нашего доморощенного института, с избытком. Света сама не знает, чего она хочет. А точнее она ничего не хочет.

- Дело не в этом, – очень тихо сказала Лиля, Алик ее с трудом услышал. Посмотрел внимательно - в ее глазах вместо привычного боевого огня блестели слезы, что-то из ряда вон выходящее. - Ее надо увезти от этой компании, я уже сделать ничего не могу.

Последние пару лет Света тусовалась в компании девочек и мальчиков из семей «новых русских». У них всегда были деньги. Довольно часто, а в последние полгода едва ли не каждый день, они собирались в кафе, где-то на квартирах, организовывали коктейли, пикники. Алик был против этого, против категорически, но помогало мало. Лиля считала такие взгляды совковыми, а его самого диким ретроградом.

- Весь Париж сидит в кафе, и от этого бандитами не становятся. Пусть привыкают с детства, что это не злая жизнь, а обычная. А иначе для чего мы трудимся? Кстати, мы тоже стали часто обедать в кафе, я меньше стою у плиты – и что в этом плохого? Мы тоже бандитами не стали.

И деньги дочери давала.

Особых хлопот родителям она не доставляла, не скандалила, не надоедала, училась довольно прилично. Тихо и с явным удовольствием исчезала из дома при любой возможности, наверно, нередкие скандалы родителей ей жизнь не облегчали.

Но в последнее время в поведении девочки произошли неожиданные перемены. Света стала резкой, в голосе появлялись скандальные интонации – часто Алику хотелось сказать: «Вся в маму». Впрочем, он ни разу себе этого не позволил. И что удивительней всего – она

демонстративно отдалилась от Лили, а иной раз, казалось, была настроена к ней просто враждебно.

- Переходный возраст, - вздыхал Алик, - этих современных девочек сам черт не разберет. Но активно вмешиваться не пытался.

И сейчас, в ответ на явный испуг, который светился в заплаканных глазах Лили, он мог бы с полным основанием сказать: «Видишь, я говорил. Я предупреждал!» Другой бы на его месте непременно так и сказал. Но не Алик. Он только погладил ее по голове, почти не прикасаясь к волосам, и печально улыбнулся.

Лилю прорвало:

- Я знаю, я понимаю все, шо ты хочешь мне сказать. Наверно, ты был прав. Но сейчас я не знаю, шо делать. Она стала приходить все позже и позже. Ты сам это видишь. И денег стала просить все больше. Однажды она повторила мои слова: «Весь Париж сидит в кафе». Я ответила твоими: «Париж сидит на заработанные деньги, а не на выпрошенные». Знаешь, шо она ответила?

- Что?

- «Больше просить не буду». И не просит. Уже больше месяца. Почти два месяца.

- Хорошо. Значит, есть характер.

Лиля почти захлебнулась.

- Не просит и не берет. Но ходит. Регулярно.

- Как, куда?

- В кафе. Даже в рестораны.

- Как это, как это? Откуда ты знаешь?

- Знаю, видела. И Люба говорит.

Люба была школьной подругой Светы с третьего класса, а теперь получила отставку. Причина отставки была экономическая. Мать Любы переехала в Город из области, воспитывала дочь одна. Она снимала квартиру, работала горничной в гостинице. Какие там коктейли для дочери... Люба наверняка знала, что говорит.

Алик почувствовал, как все внутри похолодело.

- Лиля, ей еще нет и шестнадцати!..

- Будет, через четыре месяца.

Краем глаза он увидел граненый стакан среди недомытой посуды, там еще оставалось довольно много виски. И потянулся за ним...

Федор Метельский

Когда Федор Васильевич подыскивал себе новое жилье – надеюсь, вы еще помните, что он в свое время уступил квартиру молодой семье сына, – то заранее определил примерный район проживания. Он считал, что старый отец-одинокка должен жить достаточно близко от детей, чтобы было не очень трудно до них добраться, но в то же время и достаточно далеко, чтобы не было соблазна сидеть у них на голове с утра и до вечера. Три квартала – в самый раз. Примерно такое расстояние и разделяло квартиры Метельских. Пятнадцать минут неторопливой ходьбы.

Слегка покачиваясь, Федор Васильевич вошел в небольшую прихожую, предбанник, как он его называл, и стал последовательно включать все имеющиеся в квартире светильники. В прихожей, в комнате, потом в спальне, потом в кухне. Не забыл ванную и туалет. Последние три месяца он делал это всякий раз, когда приходил домой затемно. Тараканы завелись у него в голове, тараканы, он прекрасно это сознавал. Но справиться с ними не мог. И даже

себя оправдывал. В конце концов, каждый в его возрасте имеет право на тараканов и каждый пользуется этим правом без всяких ограничений. Он вспомнил еще уцелевших знакомых его возраста. Их оставалось не так много, и все были с прибабасами. Может, его насекомые еще не самые худшие...

Двухкомнатная квартирка была в полном порядке, все, что можно, было отремонтировано, сантехника новая – Федор Васильевич с успехом пользовался своими многолетними связями.

Даже несмотря на вполне очевидное подпитие, он переоделся – надел шлепанцы, домашний спортивный костюм, снятую одежду повесил в шкаф и только тогда уселся в любимое кресло. Этим, как вы догадались, я хочу подчеркнуть его аккуратность. Кресло стояло у окна, таким образом, чтобы при дневном свете было удобно читать. Но увы, при дневном свете Метельскому читать практически никогда не удавалось. И дело вовсе не в чрезмерной занятости, нет, причина была иной – некие обстоятельства, о которых я расскажу чуть позже, ему этого не позволяли. И началось это давно, сразу же по окончании института.

Почему Федор Метельский после защиты дипломного проекта при распределении попросился в армию, он уже и сам толком не помнил, прошло с того времени, страшно сказать, пятьдесят пять лет. Вероятней всего не хотел ехать по назначению, а могли послать в самую страшную тмутаракань. И не отвертись. Но оказалось, что при этом он выбрал род деятельности почти на всю жизнь.

Он с самого начала и до ухода на пенсию осуществлял надзор за гражданским строительством квартир для офицерского состава, была такая должность при Городском строительном управлении военного округа. Знаний это дело особых не требовало, зато таило угрозу профессионального заболевания. Очень серьезного заболевания. Федор Васильевич находился на стыке желающих получить качественно построенное жилье и желающих сдать с рук на руки халтуру, то есть будущих жильцов с одной стороны и строителей - с другой. Представляете себе конфликт интересов? Те и другие твердо знали, что есть только одно самое надежное средство, которое способно решить все проблемы, – бутылка. Не забывайте, в те уже почти доисторические наивные времена бутылка была почти таким же вездеходом, каким ныне является взятка или откат. Товарищ капитан, впоследствии товарищ майор Метельский был человеком достаточно солидным и интеллигентным, поэтому офицеры, а тем более строители не пытались совать ему бутылки в карманы. Нет, ему по-дружески и весьма уважительно везде, буквально везде предлагали выпить по рюмочке коньяка или по стаканчику хорошего марочного вина. Народ знал, что водку или бормотуху Василич не употребляет. И – тоже было известно – денег не берет. А предложить выпить – дело святое.

Рабочий день Федора Васильевича начинался с девяти часов утра, прохладиться в конторе на глазах у начальства можно было недолго, и добросовестный служака, тяжело вздыхая, отправлялся на объекты. Ну час, ну два, максимум три он мог отговариваться от настойчивых предложений. Мол, так рано приличные люди не начинают... нет, я вас уважаю, но и вы меня поймите... Постепенно его сопротивление ослабевало. Потом, ближе к обеду, кто-то открывал бутылку любимого им «Абрау Дюрсо» или тем более «Хванчкары».

- Василич, разве же это выпивка, это ж вода! Сегодня так жарко.

Или:

- Василич, коньячок армянский, для вас сберег. Сегодня так холодно.

Или душно, или ветрено, или влажно...

Причины были разные, результат один. Как правило, начиная с полдня, а частенько и раньше Федор Васильевич, который и без возлияний был человеком добродушным и неунывающим, становился с каждым объектом все более жизнерадостным, бодрым и

общительным. А объектов, как правило, было три-четыре в день. И так почти сорок лет беспорочной службы.

Казалось бы, такой режим русского человека неминуемо должен довести до белой горячки, в лучшем случае до тихого запоя. Хотя каждый из нас лично знаком с кем-нибудь, кто пьет регулярно, пьет немало и с удовольствием, но несмотря на это, живет и здравствует до благополучной старости. Правда, эти примеры скорее исключение, чем правило.

Сам Федор Васильевич был убежден, что ему такой образ жизни только на пользу. Есть много народов, объяснял он желающим слушать, которые в отличие от наших земляков живут «припиваючи» до глубокой старости. Хотя бы французы. А грузины? Тут важна порода и наследственность. Наследственность у Федора Васильевича не подкачала. Его бабушка была грузинкой из едва ли не княжеского рода. Ее предки столетиями и помногу пили и пели за длинными столами в сопровождении еще более длинных цветистых тостов. И при всем при том славились долголетием. Правда, они не употребляли бормотуху и каленвал, но и Федор Васильевич, как я уже вам докладывал, изо всех сил старался избегать этой отравы. Сухие натуральные вина, как ему завещали предки по бабушкиной линии, в крайнем случае немного марочного коньяка - таков был лимит. К счастью, во времена социалистического застоя это было вполне доступно и не слишком дорого. Последние лет двадцать, правда, стало дороже, возникли серьезные проблемы с качеством напитков, но зато и потребности с возрастом уменьшались.

Была, разумеется, кроме генетики, и вполне реальная причина, которая помогала избегать опасных последствий и поддерживала равновесие в прямом и переносном смысле этого слова. Каждый из нас, тех, кто не прочь при случае выпить, теоретически (а некоторые и практически) знают, что главная опасность - это желание добавить. Неумение остановиться. Именно эта слабость и рождает алкоголиков. Федора Васильевича Бог миловал, такой потребности, а тем более возможности у него не было. Во-первых, каждый день к концу рабочего дня, то есть к пяти часам, Метельский был обязан являться пред светлые очи начальства и, само собой, в божеском виде, об этом забывать во время инспекций не следовало. И как правило, все было под контролем. При появлении в конторе товарищ майор был доброжелателен и оптимистичен, не болтал глупостей, не качался. Да, от него слегка пахло спиртным, лицо было приятного розоватого оттенка, глаза за очками не скрывали прекрасного настроения. Но зато принятые им напитки, чувствовалось, были неплохого качества, ароматные, не сивуха какая-нибудь. Луком, селедкой или рыбными консервами товарищу майору даже не предлагали закусывать, это полностью исключалось. «Гладко выбрит, слегка пьян, приятно пахнет отличным коньяком» - все признаки настоящего джентльмена были налицо, и это не только прощалось, но даже ценилось в офицерских кругах, которые в массе своей были очень далеки от аристократизма. Определенно, к Федору Васильевичу относились неплохо - хороший мужик - но чуть-чуть иронично. Все-таки не совсем свой. Может, если бы был он попроще, закусывал водочку пивом с воблой, то к концу службы стал бы полковником. А так ушел на пенсию в чине майора при полной выслуге лет.

Но и после отставки он, ко всеобщему удивлению, продолжал работать до семидесяти пяти лет. Где-то устраивался, то при институте, то при больнице, то еще в каком-нибудь госсекторе, и все по тому же профилю - надзор над квартирным строительством. Конечно, деньги небольшие, неполный рабочий день - старость не радость, - но зато главное оставалось неизменным: по-прежнему объекты и примерно все тот же режим жизни. Кстати, чтобы не забыть, теперь, надеюсь, вы поняли, какие обстоятельства мешали ему сесть днем в любимое кресло и спокойно почитать любимую книжку.

Но ни в армии, ни на гражданке после нелегкого рабочего дня Метельский не потреблял. Дома была любимая и очень уважаемая им Марта Максимовна. Она, как многие русские, а если верить пояснениям Метельского, то грузинские и даже французские жены, смирилась с реальным положением вещей. Но уж вечером – извините. «Ты, милый мой, сегодня свою норму выполнил и перевыполнил». Это было законом. А когда жены не стало, то Федор Васильевич уже втянулся в режим и по-прежнему вечерами не испытывал ни малейшей потребности добавлять к дневной норме.

Правда, время от времени по праздникам и на именинах приходилось, хочешь не хочешь, нарушать правила... Кстати сказать, и новоселье, с которого Федор Васильевич только что вернулся, было таким исключением. Нужно признаться, что кроме обязательных празднеств, были и другие обстоятельства. Довольно быстро выяснилось, что ни одна даже самая интеллигентная подружка не пойдет с ним гулять, если по дороге не заскочат в кафе. А для того чтобы посмотреть у него дома телевизор, обязательно понадобится бутылочка «Марло» или что-то покрепче, в зависимости от вкуса дамы. Но это было не слишком часто, и к тому же в предвидении встречи он уменьшал дневной рацион. В основном благоразумие и порода одерживали верх.

Может быть, по следам моего описания вам представился этакий бравый гусар, породистый, высокий, поджарый, с пронзительным взглядом и орлиным носом грузинских князей? Ничего подобного, все с точностью до наоборот. Славянские черты деда, отца и матери одержали безоговорочную генетическую победу.

Когда Метельский заходил в гости к детям, а делал он это после смерти жены часто, раза два в неделю и, как правило, в своем обычном состоянии легкой эйфории, то Светочка объявляла его появление примерно так:

- А вот появился красивый, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Но без пропеллера.

Или в музыкальном оформлении:

Как яблочко румян,
Одет весьма беспечно,
Не то чтоб очень пьян,
Но весел бесконечно.

Федор Васильевич не сердился. Во-первых, Светочке все прощалось, а во-вторых, он был, как вы уже поняли, действительно добродушен и необидчив.

Да и на что обижаться? Все, и Метельский том числе, прекрасно сознавали, что оба этих определения прекрасно ему подходят, дают отличную и полную характеристику. Одно было не совсем справедливо – «одет весьма беспечно». Не совсем так. Нельзя сказать что военная форма, а после отставки гражданская одежда отлично, как влитая сидела на Федоре Михайловиче – не та фигура и не тот характер. Но он всегда, даже после смерти жены, выглядел ухоженным, аккуратным. И в квартире всегда были чистота и порядок, а это очень нравилось его подружкам, которые еще навещали вдовца, правда, к сожалению, все реже и реже. Подружки - с неодобрением отмечали его сверстницы, дежурящие на скамеечке и в открытых окнах во дворе, - были, как правило, далеко не старые.

В жизни, к сожалению, сплошных белых полос не бывает. Придется рассказать и о серых.

Еще совсем недавно это была глыба, гранит, на котором высился эталон легкой, жизнерадостной, а главное бескомплексной старости. Хоть и одинокой. Человек не доживал свой срок в ожидании неизбежного конца, а наслаждался каждым днем. Образец, достойный подражания.

И вот три месяца назад гранитный постамент дал трещину. Причем ничего необычного, из ряда вон выходящего не произошло. Дело житейское. Все знали случаи, когда одинокий человек мертвым лежал какое-то количество времени или даже дней, пока кто-то не заподозрит неладное. Иногда этим неладным оказывался специфический сладковатый запах. Все такие примеры знали, а уж пожилые одинокие люди тем более. Но не напрасно говорят – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В данном случае применимо определение «хуже». Не хочу размазывать эту историю, не люблю ужастиков.

Короче, однажды у квартиры соседа по лестничной клетке, бывшего преподавателя физкультуры в школе Гриши появилась милиция, нужны были понятые, постучали к ближайшему соседу Метельскому. Он и не подумал отказаться, мужчина, офицер, а бывших офицеров не бывает. Гриша там лежал уже четыре дня. Все остальное происходило на глазах у Федора Васильевича и даже было скреплено его подписью как понятого.

И с того дня, как я уже сказал, появилась трещина. Именно трещина, постамент не рухнул и не обвалился. Федор Васильевич казалось жил так же охотно и жизнерадостно, не рисовал себе никаких ужасных картин. Но где-то в глубине сознания почувствовал – жить один он больше не может. Особенно когда в квартире темно и нужно укладываться спать. Беспокойный и тревожный сон стал для него не отдохновением, а какой-то напастью.

Никакие самовнушения не помогали. Сознание, что он в таком состоянии может пролежать два, ну максимум три дня – Алик звонил почти ежедневно, иногда звонила Лиля, тоже беспокоилась, и внучка не забывала, – особого облегчения не приносило.

Появились и еще более зловещие признаки – уже несколько раз он вставал ночью, шел на кухню и приговаривал бутылочку Мерло. Это могло разрушить весь уклад жизни. Тем более, что почти год тому назад он уволился с последней работы. И больше не мог устроиться – не брали.

Нет, определенно мужчина должен умирать первым. И при ком-то. Так он устроен. Одинокий мужчина стареет некрасиво.

Было бы совсем скверно, если бы Алик не нашел ему занятия. Фирма «Эйр кондишин» получила заказ на кондиционер для новой строящейся виллы недалеко от их дачи, неплохой заказ. Дом поменьше, чем у Стручковых, но тоже довольно приличный. Хозяйкой была достаточно богатая женщина, которая сделала состояние на швейных изделиях и абсолютно ничего в строительстве не понимала. Вот она по рекомендации Алика и наняла Федора Васильевича, по ее собственному определению, сексотом по строительству. Нужно отдать должное хозяйке, она была остроумной, этого не отнимешь. И довольно часто – хоть и не всегда – остроты ей удавались. К тому же жизнерадостной, наверно не меньше, чем сам Метельский еще три месяца тому назад. Но у нее были деньги, что придавало остроумию и жизнерадостности прочную основу.

Работа заключалась в том, что Федор Васильевич должен был являться в воскресенье утром, когда не было рабочих (у хозяйки рабочие на стройке не ночевали), обследовать, как идет работа, те ли материалы, что положены по смете, какие дефекты, все тщательно записать и в обед доставить донос хозяйке. Ссориться со строителями она не хотела, но и своего упускать не собиралась. Потом она с удовольствием тыкала носом в огрехи прораба, вызывая у него удивленное уважение. Иной раз Рита Аркадьевна – так звали хозяйку – могла бесцеремонно позвонить в любое время и приказать явиться на объект завтра в пять утра, до прихода рабочих, потому что завезли новые материалы. «Неплохо бы проверить качество и цену. Вам это нетрудно. Вы на этих делах не одну собаку съели, приятного аппетита».

700 гривен в месяц и сам факт работы компенсировали некоторую бесцеремонность хозяйки. Хотя нужно признать, бесцеремонность эта казалась добродушному Федору

Васильевичу необидной и какой-то дружеской. Была еще одна компенсация - доклад, точнее донос проходил в обед на старой маленькой даче, которую пока не снесли, стоящей рядом со стройплощадкой. Эта хозяйка, представьте себе, сама готовила борщи, пирожки и прочую снедь и угощала ею своего работника. Наверно, любила готовить и не любила кушать одна. А кстати, и пить – за обедом появлялась бутылка простого местного натурального виноградного вина, того, который продавали в винарнях. Может, в этом и была существенная причина хлебосольства?

Федор Васильевич отказывался, потом сдавался. Рита Аркадьевна над ним непрерывно подшучивала, он неуклюже оборонялся. До первого бокала. А потом - с какой стати! - сам переходил в наступление. Общение давалось легко. Люди, которые любят и умеют острить, как правило, сами не очень охотно смеются. Рита Аркадьевна же была очень смешлива. И все-таки Метельский дистанцию держал – работа, хоть и эпизодическая ему очень помогала и морально, и материально.

Хозяйка жила одна. Дети ее разбрелись по свету. Сын, гобоист, получил приглашение в какой-то симфонический оркестр в Японии. Там и женился. Жена не слишком красивая, зато настоящая японка. Дочь поехала учиться в Лондон и вышла замуж за ирландца. «Не совсем англичанин, - смеялась Рита Аркадьевна, - но хотя бы рядом...»

Она нисколько не заискивала перед своими новыми иностранными родственниками. Скорее наоборот. Как-то в телефонном разговоре, в присутствии Федора Васильевича, она начала беседу с матерью невестки подчеркнуто по-восточному, очень вежливо: «Здравствуйте глубокоуважаемая японамать», - подмигнула Метельскому и перешла на довольно сносный английский.

Кончался обед-донос стандартно. Хозяйка объявляла:

- Пора, скоро должен явиться - не запылиться Брагин. Нужно приводить себя в божеский вид.

Брагин был официальным бойфрендом Риты Аркадьевны и по совместительству соседом по вилле. Почти олигархом. Ему было примерно 65 лет, и они с герлфренд были одногодками. Предыдущий брак Брагина, уже второй, и как водится у олигархов, на молодой красотке, закончился печально. Он потерял – говорили сплетники – едва ли не половину имущества, а взамен приобрел ветвистые рога. Рита Аркадьевна его не слишком жалела. Однажды во время обеда Брагин позвонил ей, видимо приглашал куда-то пойти. Ответ последовал незамедлительно, в стихах:

Но что случилось? Что с тобой?
Ты огорчен своей судьбой?
Сменился ветер своенравный,
И ты опять приходишь к равной?

То ли она любила читать Лопе де Вега, то ли часто смотрела «Собаку на сене». Метельский почувствовал себя неловко.

«Удивительно, что олигарх нашел в этой обычной и немолодой женщине», - думал Федор Васильевич. Кроме веселого нрава и неплохой для ее возраста фигуры, вроде бы ничего особенного не было. Деньги? Ну, они и у него самого водятся. Метельский видел пару раз издали Брагина, нормальный мужик, подтянутый...

Завтра с пяти утра она приказала прийти к ней на строительство. Что-то опять завезли. Из-за этого он как дурак не остался ночевать на даче. Не хотел чуть свет своих беспокоить.

Эта полуработа безусловно украшала жизнь, но не решала основную проблему В квартире приходилось оставаться одному. И ночью тоже.

А сойтись с кем-то в таком возрасте было почти нереально. Несмотря на общительность и легкий характер жениха, желающие в очередь не становились. Одно дело провести время и сходить куда-нибудь, другое дело брать на себя такую ношу.

За время довольно длительного вдовства Федор Васильевич пришел к твердому убеждению – распространяемая старой литературой легенда, что в женщине самой природой заложена потребность о ком-нибудь заботиться, ухаживать, кормить, поить и ласково заглядывать жующему в глаза, подперев подбородок ладошкой, все это ничего общего с реальностью не имеет. Полная чушь. Не заложено ничего такого в современной женщине, разве что еще при царе горохе... Во всяком случае по отношению к мужчине, к мужу. Иначе бы они выбирали себе такого спутника жизни, который больше всего нуждается в заботе. Почему-то происходит все с точностью до наоборот. Правда, многим женщинам достаются хлопоты с детьми, пока они маленькие, и то если нет возможности нанять няньку или перепоручить их бабушке. А кстати, последние годы кормящий отец становится массовым явлением.

В эпоху Федора Васильевича, может, такие потребности у женщин и обнаруживались – он вспомнил Марту Максимовну и Дарью Семеновну, – но тоже только в какой-то степени, не в чистом виде...

Однако решать проблему было необходимо. Федор Васильевич даже обращался к знакомому психиатру. Тот сказал, что последствия стресса снять можно при помощи антидепрессантов, но одно условие – ни грамма спиртного, они несовместимы. На такую жертву больной пойти не мог.

Свободного времени оставалось слишком много – целая неделя, кроме воскресенья. Вместо посещения объектов приходилось забегать в соседний винный подвальчик, а это совсем другой колорит. Словом, одно к одному. Ситуация стала просто невыносимой. Федор Васильевич даже дошел до того, что однажды за дружеской беседой с очень интеллигентной и одинокой подружкой Лизой у себя дома, чокаясь с ней рюмками, в которых был коньяк «Аист», сказал следующее:

- Знаешь, что я хочу тебе предложить?

- Что? – спросила Лиза, ласково глядя ему в глаза.

- А не попробовать ли нам пожить вместе? Ты одна, и я один. Как ты думаешь?

Подтолкнуло его к этому предложению хорошее отношение Лизы. Она столько раз печалилась: «Как это ты, Феденька, живешь один? Тяжело мужчине, наверное?»

Лизе тоже приходилось несладко. Ей было уже 62 года, что само по себе нелегко. Жила она вместе с детьми и внуками, работала, помогала трудами и деньгами тем и другим. Фигаро тут, Фигаро там. Не позавидуешь.

Реакция Лизы Метельского удивила. Она перестала ласково смотреть ему в глаза, а внимательно окинула взглядом квартиру, даже отклонившись заглянула в кухню. И немного подумав, сказала:

- Только, Феденька, если официально. Через ЗАГС.

- А... зачем это?

- Но мы же люди взрослые. Немолодые. Все под Богом ходим. Случись чего, куда я денусь? Назад дети меня не примут.

Федор Васильевич хотел сказать, что если все под Богом ходим, то почему Бог обязательно должен был начать именно с него? Промолчал. Разговор на эту тему как-то затих сам собой.

Н-да. А спать все-таки нужно ложиться. И свет выключать. Фу-ты ну-ты.

Резко и неожиданно раздался телефонный звонок. Метельский взял трубку. Конечно, это беспардонная Рита Аркадьевна. Легка на помине.

- Федор Васильевич, не разбудила?

- Нет, нет, ничего.

- Завтра приходите с утра не нужно. Ты вот что. Завтра я к тебе часов в двенадцать заеду. Годится? Давай адрес.

Метельский безропотно и автоматически продиктовал адрес.

- И приведи себя в полный порядок. Побрейся и все такое. Надень костюм получше и галстук.

- А что случилось?

- Случится. Еду к тебе с предложением!

- Каким предложением?

На том конце зазвучал заливистый смех. «Может, выпила? Кажется, выпила, и довольно прилично», - подумал Метельский.

- Какое может быть предложение? Руки и сердца. А что прикажешь - ждать, пока ты топчешься? Так и жизнь пройдет.

И опять смех, еще забористой.

- У тебя есть, чем отметить событие? Выпить, закусить?

- Есть, - растерянно сказал Федор Васильевич, - две сосиски и еще, кажется...

- Ой, ты меня уморишь! Две сосиски, - Рита Аркадьевна захлебывалась от смеха. - Ладно, заедем в ресторан, поедим, а потом нужно будет выбрать джакузи.

- Джакузи, - он перевел дух. - Вот оно что. Другое дело. Ох уж эти ваши шуточки...

- А кто тебе сказал, что шуточки? Ладно, завтра разберемся. Галстук не забудь.

В трубке зазвучали сигналы отбоя...

Семья Стручковых

- Доча, когда девочки закончат, - Анатолий имел в виду официанток, - закрой за ними ворота и двери запри, пожалуйста. А мы пойдем спать.

- Хорошо, предки. Все сделаю. Спокойной ночи.

Регина привычно чуть наклонила голову и подставила отцу одну щеку, вторую маме - в этом случае наклоняться не нужно было.

- Спокойной ночи, Инночка. - Региночка нелегко выговаривалось, а без ласкового уменьшительного суффикса Валентина дочь никогда не называла. Пришлось постепенно перейти на Инночку.

Регининой резиденцией были две гостевые смежные комнаты внизу. Это было удобно, Сережа имел свою и был под надзором.

А родители стали медленно взбираться на второй этаж по лестнице, ведущей наверх прямо из холла.

Пары со стажем, по моим наблюдениям, бывают двух типов - разговорчивые и молчаливые. И это вовсе не говорит о том, хорошо ли, дружно ли они живут. Мнение - раз помалкивают, значит, нет контакта, - ошибочное.

Конечно, есть различие. Молчаливые пары идут рядом и думают каждый о своем. Разговорчивые волей-неволей думают о чем-то одном. Но и это ни о чем не говорит. Просто стиль такой.

У разговорчивых пар беседу, как правило, обеспечивает жена. Иногда она стрекочет, как пулемет, но это тоже не говорит об общих интересах, чаще наоборот. Словом, по таким

признакам судить об отношениях супругов тяжело. А вот по взглядам можно. Когда супруги смотрят друг на друга, то их отношения видны как на ладони. Тепло и забота или безразличие, переходящее в раздражение, – даже не слишком наблюдательный человек легко разберется в этом.

Итак, Валентина и Анатолий медленно поднимались наверх. Они явно относились к молчаливым парам. А вот остальные далеко идущие выводы пока делать рано. Ясно было одно – оба были в настоящее время не совсем, скажем так, трезвыми, что неудивительно после такого приятного и насыщенного во всех смыслах вечера. Валентина даже иной раз покачивалась, Анатолий держался на ногах прочно, но глаза его – не знаю, как поточнее описать, – налились кровью слишком сильно сказано, но близко к истине. Бывает такое внешнее проявления «перебора» у мужчин.

Наверху Анатолий сказал:

- Неплохой получился вечер. Я даже не ожидал.

- Очень хороший.

На этом обсуждение закончилось.

- Ты будешь принимать ванну?

- Нет, я для этого слишком устала. Только душ. Когда закончу, я тебе постучу.

- Хорошо. Ну, я пошел.

Валентина чуть склонила голову и подставила щеку, в точности так, как это сделала только что Регина. Судя по всему, мы с вами наблюдали семейный ритуал. Анатолий, чуть приподнявшись на носках, коснулся губами щеки жены и повернул налево, к холостяцкой спальне. Валентина пошла направо, на женскую половину. Эти названия нуждаются в некоторых разъяснениях. По проекту и по замыслу должна быть большая семейная спальня – «мастер бедрум» называл ее увлекающийся английскими штампами Анатолий. А по другую сторону общей большой и прекрасно оформленной ванной комнаты – «мастер басрум» по Анатолию – была еще одна спальня, поменьше. Глава семьи по-джентльменски уступил «мастер бедрум» жене, а сам в основном перешел в малую, что в конце концов неудивительно при таком стаже семейной жизни. Поэтому вторая спальня естественным образом превратилась в холостяцкую. И нужно заранее сказать, что не только по названию, но и почти по сути, с добровольного согласия обеих сторон.

Спустя примерно час Валентина, поворочавшись в постели, включила настольную лампу. Сон в последнее время у нее окончательно разладился, а к снотворному привыкать не хотелось. Она попыталась почитать лежащий для таких случаев на прикроватной тумбочке томик Гейне, но буквы расплывались, сказывались последствия застолья. И в это время раздался вежливый стук в дверь.

- Входи, Толик.

Анатолий был в пижаме. Он сел на пуфик, стоящий рядом с кроватью.

- Толя, извини, но мы оба так устали. Что-то случилось?

Анатолий помолчал, собирался с мыслями.

- Хочу рассказать тебе анекдот.

- Самое время...

- Погоди. Однажды вечером муж пришел в спальню в пижаме. Как я. Принес аспирин и стакан воды и подает жене. Та окрысилась. Ты, мол, с ума сошел. Не нужен мне, говорит, аспирин. Ага, сказал муж, теперь ты не сможешь соврать, что у тебя болит голова, и быстренько нырнул в кровать.

Валентина улыбнулась, Анатолий от души рассмеялся, даже закашлялся.

Но никаких попыток претворить смысл анекдота во что-то практическое не последовало. На всякий случай Валентина сказала:

- Ты развеселился. С чего бы это? Но не будем начинать сказку про белого бычка. Я действительно слишком устала.

- Не так слишком устала, как слишком выпила.

- Толя!..

- Ладно. Ты девочка взрослая.

Опять пауза. Анатолий явно собирался с духом.

- Это Метельский своей болтовней расстроил тебя?

Чувствовалось, это главное, что его интересовало.

Валентина молчала.

Он пытливым взглядом посмотрел на нее и огорченно покачал головой. Какая чушь! Столько лет прошло, а он где-то в подсознании до сих пор боится, что она от него уйдет. Бред! Хрень! Но за последние три года она изменилась. Нет, не постарела, во всяком случае не для него, только в уголках рта что-то появилось, складка какая-то. Или тень. Усталость, что ли? Хотя от чего ей уставать? Работает на своих высших курсах экономики, две-три лекции и то не каждый день. Дома уборщица, кухарка. Он все делает, чтобы ей было... Кто, блин, это ценит? А вообще-то нехорошо. Раньше почти не пила, чуть сухого вина или шампанского. А сейчас martini к ужину, довольно часто. Много времени она проводит одна, вот беда. И в этом во многом его вина, против правды, блин, не попрешь. Не потому, что он поздно приходит – Анатолий зло улыбнулся, – веселья он ей не добавит. Это уж точно. Друзей у нее почти не осталось, вот проблема. И компании общей нет. Тут он, конечно, тоже руку приложил. Но не назло же? Он тоже, в конце концов, человек, не бревно бесчувственное.

- А что он такого сказал? Этот философ? Что впереди еще много лет? Так это один Бог знает сколько.

- Он сказал, что в наши годы пора подводить итоги первой половины жизни, перед тем как начать вторую. Остановиться, оглядеться. Или скорее оглянуться. Нужно для себя решить, что было хорошо, а что плохо. И вообще, - последовала большая пауза – может, все было не так, как надо?

Монолог лежавшей до этого с полужакрытыми глазами Валентины прозвучал неожиданно и резко, мне кажется, даже для нее самой. Вопрос в конце монолога требовал ответа. Каждый из них ответ знал, и нисколько в нем не сомневался.

Анатолий считал, что все главное в его жизни было сделано правильно.

Валентина считала, что все было ошибкой.

Но оба они ясно сознавали, что изменять что-то уже поздно, да и смысла не имеет. Менять – на что?

- Мне иногда кажется, что ты вышла за меня замуж назло мне. Спокойной ночи. - Он тяжело вздохнул, поднялся с пуфика и осторожно закрыл за собой дверь.

Где-то в начале рассказа я обещал знакомить вас с моими героями более подробно, когда для этого представится удобный случай. Вы, надеюсь, обратили внимание, что я добросовестно стараюсь это делать. Сейчас настала очередь семьи Стручковых. Их история, по мнению многих была романтической, еще большее количество людей считали ее дикой и по меньшей мере глупой. Вам судить.

Но сначала, так сказать, о корнях. Хотя хочу вас успокоить, особенно далеко я отклоняться не буду и дальше родителей моих героев не зайду.

У Николая Стручкова, соседа Метельских, был старший брат Петр. Хороший, спокойный, толковый человек. Николай в свое время после окончания школы не хотел продолжать учиться и от звонка до звонка отпахал три года в армии где-то на Дальнем Востоке. Петр, человек более рассудительный, поступил в институт (кстати, в тот же, который закончил Алик, только тогда он назывался чуть иначе). При институте была военная кафедра, таким образом, Петр избежал военной службы. Но обойти советскую власть еще никому не удавалось, каждый рано или поздно должен был пожертвовать чем-то во имя родины. И Петр, как ни любил свой город, должен был оставить родных, друзей и поехать на те же три года по назначению.

Впрочем, ему еще повезло. Он попал в Казань на новый и солидный турбокомпрессорный завод, в конструкторское бюро. Три года срок немалый, за это время он прижился в новом городе, привык к смешанному русско-татарскому населению. Тогда это было нетрудно, язык везде был русский, дружба народов еще не подвергалась сомнениям. Так и остался жить в Казани навсегда.

Женился Петр на очень симпатичной, невысокой, улыбчивой татарочке с красивым именем Алфия, получил через пять-семь лет квартиру – по тем временам очень быстро. Родились у них, как по заказу, сын и дочка. Сын и есть тот племянник, которому Николай Стручков продал свой дачный участок.

В семье Петра Стручкова вроде бы серьезных проблем, которые бы мешали спокойному течению жизни, не было. За исключение одной, зато очень даже серьезной. Этой проблемой был сын Толик. Он буквально со дня рождения являлся полной противоположностью своим спокойным и серьезным родителям. А вот влияние генов Алфии во внешности сына было заметным. Толик уродился небольшого роста, в таких случаях принято говорить – росточка. Сухощавый, но крепко сбитый. Лицо получилось довольно оригинальное и симпатичное, как если бы щирому украинцу Петру, со всеми положенными национальными чертами – широкие брови, кирпичный нос и даже ямочка на подбородке, - поставили черные, чуть раскосые глаза, немного расширили крылья носа и слегка усилили скулы. Украинско-восточный колорит смотрелся бы неплохо, если бы его не портил тяжелый характер – а скрыть характер почти невозможно.

Я уверен в том, что темперамент и характер ему достались во всей полноте от далеких и забытых предков, судя по всему по материнской линии. В первозданном чистом виде. Мне кажется, периода татаро-монгольского ига.

Вначале в младших классах прозвище его было Стручок, согласитесь – хорошего мало. Несмотря на невысокий рост, он имел привычку ходить набычившись, всегда готовый к отпору или атаке. Где-то ко второму классу после нескольких отчаянных драк он добился официальной замены клички – Стручок на Батый.

С малых лет основным качеством Анатолия была отчаянная боевитость. У каждого из нас в школе был такой маленький хулиган, готовый в любую минуту броситься в драку, не считаясь с ростом противников или их количеством. Он при необходимости мог применить любые подручные средства, не задумываясь о последствиях – камень, бутылку, стул, трубу, все что попадет под руку.

Чуть повзрослев, Анатолий добавил некоторые новые качества, но из той же серии – упорство в достижении цели, не слишком обращая внимание на этичность методов в глазах окружающих.

Вы можете выбрать любую причину, то ли генетический всплеск, то ли Наполеонов комплекс, как хотите. Мне больше нравится представлять себе его на маленькой мохнатой лошадке, мчащимся с копьем в руке в безумном порыве с одной-единственной целью - или

самому умереть, или врага уничтожить и чем-то там овладеть. А для этого все средства хороши.

Такие таланты не могли не обратить на себя внимание различных молодежных группировок с хулиганским или даже бандитским уклоном. Тогда в Татарстане в этом смысле положение было сложным. А впрочем, где и когда оно у нас было простым в любом смысле? Анатолий с двенадцати лет числился на учете в милиции. Лет в пятнадцать, используя уникальные физические данные, даже подрабатывал «форточником» у домушников, ума хватило вовремя смыться. Словом, сразу после выпускных экзаменов (кстати сказать, Анатолий учился довольно прилично) участковый зашел к Петру Стручкову и сказал:

- Если его сегодня не заберет военкомат, завтра заберем его мы.

Выбрали военкомат.

Анатолий отслужил весь срок в стройбате – все знают, это штрафной батальон мирного времени. И отслужил на удивление неплохо.

После окончания службы Анатолий наконец смог осуществить давнюю мечту - переехать, в некотором смысле вернуться в Город на Море, о котором ему в детстве с таким восторгом рассказывал отец. Нужно сказать правду, его не столько привлекало солнце и море, сколько легенды о веселых и удачливых авантюристах, бандитах и хулиганах, которые вроде бы всегда правили бал в этом городе.

По приезду в Город он ненадолго остановился у дяди Коли, пока не сдал экзамены в кредитно-экономический институт. Тогда там был очень низкий конкурс – народ еще не успел понять, что это самая хлебная профессия будущего. Экзамены он прошел удачно – солдат, парень неглупый, хотя звезд с неба не хватает. И был принят на экономический факультет. Почти сразу же после экзаменов ему предоставили место в общежитии – Анатолий всегда был очень самостоятельным. Все складывалось удачно.

И тут произошло непредвиденное событие, неожиданно для себя он впервые в жизни влюбился. Влюбился с первого взгляда и, ему показалось, навсегда. Разумеется, героиней была Валентина Ивановна, тогда еще Валя Соколова.

Я описывал ее в зрелом возрасте, поверьте мне на слово, что в восемнадцать лет она была не хуже. И все из той же почти исчезающей породы Василисы Прекрасной. По-моему, в сказке не было указано, что Василиса была интеллигентна, начитана, проста в обращении, улыбчива, так что приходится мне немного добавить к портрету, а так сходство удивительное. Впрочем, и с Марьей-царевной тоже много общего. И с царевной из сказки Пушкина о семи богатырях.

Для Анатолия это был шок. Он с первого дня знакомства с ней понял, что появилась наконец, главная цель в его жизни. Точнее две цели, объединенные в одну. Валя должна стать его женой, и он должен обеспечить ей в жизни все необходимое, то есть разбогатеть. Впрочем, разбогатеть он и так намеревался – именно разбогатеть, а не добиться успеха, это не одно и то же.

Отец Вали Иван Соколов был главным инженером стройтреста номер три, или номер четыре уже точно не помню. Ее мать, некогда первая красавица Города, оставила мужа и дочь и уехала с каким-то солидным французским чиновником. Чиновник был такого высокого ранга, что ему в хрущевские времена разрешили вывезти самое дорогое, что было у нас в стране, – советского человека. Хотя и женщину. С точки зрения практичного кандидата на должность зятя, все перечисленное выше являлось только плюсом.

Соколов больше не женился, баловал дочь, как мог, но испортить ее ему все-таки не удалось. Хотя безбедное детство и беззаветно любящий отец создали почву для зарождения в

ней разновидности советского идеалистического романтизма. Опасные для реальной жизни идеалы. Например, что человек рождается не столько для себя, сколько для других. И прочее в таком же роде.

Анатолий расписал для себя диспозицию наступления. Сначала подготовка. Он примерно полгода не набивался в друзья, хотя на лекциях они встречались каждый учебный день. Чтобы пригласить куда-нибудь такую девушку, нужны деньги. И вообще нужны деньги. Подрабатывать официантом в ресторане, грузчиком в магазине – такой идеи даже не возникало. Не его профиль. Он занялся фарцовкой, которая в конце семидесятых процветала в Советском Союзе. Сколотил группу, где добился авторитета привычными методами – кого-то побил, кому-то ручку в ухо вставил. Деньги у Анатолия появились. В то же время ему нельзя было светиться и следовало учиться сносно, чтобы его не исключили из института. Пока все намеченное получалось.

Он приоделся, и хоть вкусом его господь не наградил, стал выглядеть довольно прилично. А его оригинальное лицо производило впечатление на женский состав попроще.

Одновременно Анатолий пытался войти в окружение Вали, но как раз эта часть диспозиции получалась хуже всего. Было что-то такое, что разделяло эти миры. Происходило отторжение. Поэтому спустя примерно полгода он решил идти напрямую.

Однажды после лекций Валя одна сидела на скамейке возле института, поджидая подругу. Анатолий решительно подошел и стал напротив нее. Мизансцена была задумана заранее – он стоит, она сидит. Причины такой режиссуры, надеюсь, вам понятны.

В начале были общие темы: как дела, сдала ли ты курсовую, лекции Васильевой скучны, а Сергеева интересны. Валентина вежливо, хоть и с некоторым недоумением отвечала. Чувствовалось, она не понимает, почему этот странный и довольно нелюдимый – такое было мнение о нем на курсе – парень вдруг затеял с ней беседу. Когда Анатолий почувствовал, что Валентина собирается встать и, вежливо извинившись, уйти, он взял быка за рога.

- Валя, я давно хочу пригласить тебя куда-нибудь пойти развлечься. В ресторан, - он спохватился, что начинать нужно было не с ресторана, - ну, в театр... там, на концерт...

Она так удивленно посмотрела на него, что пришлось пойти ва-банк.

- Ты мне давно нравишься, и я хотел, чтобы мы... подружились.

Главное было сказано. Оставалось ждать ответа.

Валентина была прямым и добрым человеком, ни юлить, ни обижать она не собиралась. Потому так мягко, как только было возможно в такой ситуации, сказала:

- Толя, - она даже не сразу вспомнила его имя, - я тебе отвечу прямо, не люблю недомолвок. Ты, Толя, мне не нравишься, - Валя почувствовала, что прозвучало обидно, и уточнила, - не вообще, а в том смысле, в котором я тебе нравлюсь. И не понравиться никогда. А насчет дружбы, как говорили нам в приемной комиссии, - на общих основаниях. Не хотелось бы, чтобы мы друг другу морочили голову. Давай забудем этот разговор. Извини, меня ждет Нина.

Все это прозвучало ужасно и было значительно хуже самых мрачных предположений Анатолия. Он набылся, лицо пожелтело – так он бледнел в минуты гнева. Валя попыталась встать, но он довольно грубо придержал ее за плечо.

- Напрасно ты смотришь на меня свысока, - прошипел он ей прямо в лицо.

Это уже было слишком. Она сбросила его руку со своего плеча, решительно встала. Они буквально касались друг друга. Валентина была почти на голову выше; чтобы смотреть ей в глаза, Анатолий должен был задрать подбородок, что выглядело боевито, по-петушиному, но довольно-таки смешно. Он явно перегнул палку, и поэтому в ответе Валентины прозвучали несвойственные ей презрительные нотки:

- А как я могу на тебя смотреть?

Это был удар сокрушительной силы. Анатолий еще больше пожелтел, глаза налились кровью, он занес руку для удара и... сдержался. Один бог знает, чего это ему стоило. С этой секунды любовь – если это была любовь – и вендетта сплелись в один неразрывный узел. Добром такая история закончиться не могла.

Мой рассказ об отношениях Валентины и Анатолия оказался длиннее, чем я думал. Если вы не возражаете, прервемся и вернемся к ним чуть позже. Я передохну, и вам дам передышку. А пока в качестве интермедии можно вспомнить о третьем члене этой семьи – Регине. Биография у нее пока небольшая, да и главное вам уже известно. Остается рассказать только об одном эпизоде в ее жизни, который будет играть довольно существенную роль в дальнейших событиях.

Она, вполне естественно, закончила тот же институт, что и ее родители, – дала, таким образом, начало семейной традиции. Но получив диплом, даже не пыталась найти работу по специальности. Главное – иметь доказательство какого-нибудь высшего образования, это престижно. Так сегодня рассуждают многие. Регина даже отказалась от должности младшего экономиста, которую отец предлагал ей у себя на фирме. Скорей всего она прослышала о жесткой руке своего папаша и решила не портить нервы и отношения. Она выбрала иной путь и воспользовалась предложенной помощью по-своему.

Не без кредитов отца она стала владелицей двух бутиков. Одним занималась сама, второй поручила своей подруге Дине. Регина вполне могла считать себя бизнес-леди, хотя и не слишком крупного масштаба. Так она и считала.

Вполне можно понять симпатию, которую испытывал к ней Федор Метельский. Регина была приятной и неглупой женщиной, может только немножко резкой в манерах и суждениях. Иной раз безапелляционной. Эти задатки у нее были и в детстве. Не без оснований она считала себя продвинутой и современной. Красивой, статной – что я уже отмечал – и пока не слишком счастливой. Бывший муж, ее одноклассник, оказался немного бездельником, немного альфонсом и вдобавок немного бабником. Вскоре после рождения ребенка он затерялся где-то в миллионном городе. Дело житейское. Ну и хватит о нем.

Когда родители после бала отправились к себе наверх, Регина села в уголке на веранде, чтобы не мешать девочкам из ресторана наводить порядок в салоне, на кухне и веранде. Девочки делали это привычно и споро. Регина закуталась в плед и слегка прикрыла глаза. Со стороны участка Метельских доносились приглушенные разговоры. Регина поняла – Алик и Лиля. Скандала не было, хотя по темпераментному поведению Лили в течение вечера он мог вполне состояться. Регину Лили раздражала. Возможно, из-за ее отношения к Алику. Он стал откровенным подкаблучником. А каким был еще каких-нибудь 15-16 лет назад!..

Регина вздохнула – старая детская любовь не ржавеет. Она может раствориться, уйти в прошлое, но заржавеет? Нет, так не бывает.

Он еще четыре – нет, пожалуй, пять лет тому назад не был таким подавленным, безразличным... и толстым. Регина мечтательно улыбнулась.

- Хозяйка, мы закончили.

- Спасибо, девочки, вы молодцы, свое дело знаете.

Регина закрыла калитку, вошла в дом и, уже почти засыпая, заперла наружную дверь. Отправилась в ванную, оттуда с полузакрытыми глазами добралась до постели и отключилась. Что вы хотите – молодость.

Придется мне за нее дорассказать историю, о которой я вас предупреждал.

Я уже упоминал, что Регина однажды летом жила в бывшей хибаре дяди Николая, которую в то время еще не снесли. Жила одна вместе с малолетним сыном, ловелас муж в это время был уже изгнан. О настроении ее вы можете догадываться. Вместе с вполне законным облегчением было и обостренное чувство одиночества. Почему, почему с ней такое произошло? Но сознание, что многие, и даже большинство ее подруг прошли этот тернистый путь, все-таки помогало – значит, так и должно быть.

Ее соседи Метельские в это лето, как обычно, всем составом приезжали на дачу в пятницу, уезжали утром в воскресенье или в субботу вечером.

Регина иногда заглядывала к ним в гости, но редко. Очень уж ее раздражала Лиля, ее манера командовать всеми. И какая-то инертность Алика. Лилия тоже не слишком жаловала соседку, хотя вроде бы никаких оснований не было. Скорей всего между женщинами зародилась какая-то неосознанная неприязнь. Бывает.

В одну из суббот Федор Метельский, при котором Лилия старалась вести себя сдержанно, куда-то уехал. И накачался громкоголосый скандал. Неприлично громкоголосый. Регина назвала его базарным. Обеспечивала скандал Лилия, в ответ только иногда доносилось приглушенное бу-бу-бу Алика. Не хватало, чтобы и он еще поднял крик! «Тюфяк» было далеко не самым сильным определением по отношению к главе семьи. И при этом безобразии присутствовала Светочка. Регина вошла в дом и закрыла дверь, но крики долетали. До боли, до слез было жаль Алика. Она уже собралась было пойти на море, чтобы не слышать скандала, но в этот момент раздался дольно громкий и решительный голос пострадавшего.

- Все, я сыт по горло. Остаюсь здесь на неделю, беру заслуженный-перезаслуженный недельный отпуск от вас обеих. Езжайте!

Регина ушла на прогулку с Сережей. Когда вернулась, Алик возился в саду. Один. Они обменялись парой незначащих слов. Обоим было неловко.

Ночью Регине не спалось. Горло сдавила жалость к себе. Жалость к Алику только добавляла горечи. Вспомнились далекие детские годы. Песни у камина. Как было прекрасно. Почему хорошим людям – к ним не без оснований она относилась и себя и Алика – так не везет!

Около часа ночи она встала. Годовалый Сережка крепко спал. Накинула халат, дверь оставила открытой нараспашку. Прямо напротив их дач была охрана, с собакой, поэтому и они, и Метельские не слишком заботились о надежных запорах. Так как Алик Метельский в детстве (да и в юности) часто терял ключи, то над бордюром второй двери – со стороны веранды – всегда лежал запасной. Все близкие – а в их круг входила и Регина – об этом знали. Регина решила – если ключа уже нет, тем лучше. Не судьба.

Ключ оказался на месте. Дверь на балкон она тоже распахнула – вдруг Сережа заплачет. В темноте пошла в спальню. Путь знала отлично – столько лет хозяйничала на этих дачах. В спальне был слабый свет от уличного фонаря. Она решительно разделась и нырнула под одеяло.

- Ты кто? – спросил Алик, еще мало что понимая со сна.

- Это я, Регина.

Алик слегка растерялся. Но, во-первых, он по характеру своему не мог обидеть женщину и выгнать ее из кровати, это для нее было бы слишком унижительно. А во-вторых, чего греха таить, Регина ему нравилась. И не нравится не могла. Молодая, красивая, одинокая. Немалую роль играла и обида – очередная, – нанесенная ему женой. Все к одному.

Им было очень хорошо. Особенно Регине. Она относилась к тому типу женщин, для которых в сексе самое дорогое – лежать, прижимаясь всем телом к любимому человеку,

иногда целовать, иногда гладить. И чтобы он нежно иногда целовал и гладил, прижимал к себе. И вполголоса говорить всякие глупости... Она даже не представляла себе, каким контрастом ее поведение было по отношению к традициям семейной жизни Алика.

А знаете, в чем Регина призналась Алику, как только у нее появилась первая возможность что-нибудь сказать?

- Я с четырнадцати лет хотела с тобой переспать. Не удивляйся, девочки взрослеют рано.

Пять дней промчались как один миг. В пятницу вечером прозвучало мелодичное контральто Лили:

- Все, дорогой, твой отпуск закончился. Пора возвращаться в семью.

И затем немного тише:

- Извини, я взбалмошная дура.

Регина с Аликом ничего больше друг другу о случившемся не сказали. Было обоим понятно, что такое больше не повторится. Регина продолжала жить дальше, даже в мечтах не строя никаких планов. И была далеко не уверена в том, что что-то имело смысл продолжать. Даже в будущем. Даже если Алик станет свободным. Что было, то прошло.

Но, может, воспоминания о счастливой неделе все-таки в чем-то мешали ее дальнейшей жизни? Кто может понять этих женщин, если они сами себя понять не могут?

Однако вернемся к истории, точнее предыстории Анатолия и Валентины. Мы с вами остановились на сцене на скамейке.

Что мог сделать разъяренный Анатолий? Только то, что он знал и умел - угрозы, насилие. Он стал время от времени запугивать и избивать тех ребят, которые – как ему казалось – слишком близко походили к Валентине. Разумеется, не лично, личное участие было бы слишком опасно. Его «братва» - он подобрал себе соответствующую компанию – с удовольствием развлекалась экзекуциями в свободное от фарцовки время. Серьезного результата добиться пока не удалось, потому что Валя чисто по-дружески относилась ко всем подозреваемым и вспышку хулиганских выходок с собой никак не связывала. Хотя подозрения у нее нет-нет да и возникали.

Применить физическое насилие по отношению к ней Анатолий – будем к нему объективны – даже в мыслях себе позволить не мог. Моральное – сколько угодно. Его мировоззрение было устроено таким образом, что моральное насилие считалось чем-то вполне обычным и естественным.

Однажды один из его мордovorотов простодушно предложил:

- Толян, давай мы ее скрутим, и ты сможешь оттрахать ее в хвост и гриву за милую душу.

Кстати, слова оттрахать тогда еще не придумали, и мордovorоту пришлось употребить глагол похлеще из огромных запасов своей неформальной лексики.

Сразу же после этого разговора автор предложения отправился в больницу, где пролежал не меньше недели.

Анатолию оставалось только одно - вести профилактическую зачистку в окружении Вали и терпеливо ждать, когда обстоятельства дадут ему шанс. Внешне по отношению к ней он вел себя так, как будто разговора на скамейке не было. Терпения и хитрости нашему Батью было не занимать.

Так прошло еще полтора года, и вот во время летних каникул после окончания второго курса события приняли совсем другой оборот. Анатолий уехал на практику, затем к родителям в гости. Визит неожиданно затянулся и принял невеселый характер – у Петра случился инсульт. Анатолий вынужден был пропустить первый месяц занятий, а когда

вернулся, то узнал новость, которую можно сформулировать примерно так: «Пришла пора – она влюбилась». Знакомая фраза, не правда ли?

Валя не разменивалась на мелочи – как и положено царевне, она ждала как минимум королевича. И вот он явился, королевич Елисей, студент последнего курса исторического факультета государственного университета. Давайте я так и буду его называть Елисеем, мне все равно, а вам легче запомнить...

Они были прекрасной парой, Валентина и Елисей, все это признавали. Елисей увлекался спринтом, бегал стометровку за 10,3 секунды, мастерский результат. Как и положено спринтеру, он был мощным и легким одновременно, хорошего роста. Красивый торс венчала не менее красивая белокурая голова. Глаза естественно голубые, может быть только чуть светлее, чем положено королевичу. А еще секретарь комсомольской организации факультета.

Валя влюбилась в него без памяти, и Елисей отвечал ей взаимностью. Они довольно быстро решили, что будут вместе, пока смерть не разлучит их. Чувства были глубокими и серьезными. У обоих.

Анатолий понял, что настал решительный момент. Он оседлал свою мохнатую лошадку и готов был мчаться в атаку, чтобы убить или быть убитым. Пока не в прямом смысле этого выражения. Но решил в борьбу вступить сам, лично, подстава в таком случае была бы просто позором.

Впрочем, сначала все-таки выслал парламентаря. Парламентар – тот мордovorot, который уже пострадал один раз из-за Вали, - подошел к Елисею прямо на перемене и без обиняков сказал, что ему советуют дать от ворот поворот и близко к Валентине не походить. Для надежности он добавил – пока жив.

- И кто же мне это советует? - поинтересовался Елисей, ничуть не удивившись. Валя уже рассказала ему о странном ухажере и цепочке загадочных угроз и избиений.

- Сам Стручок, - простодушно ляпнул громила.

Кличка, или если хотите прозвище, дошла неведомыми путями в Город из Казани. Батый остался на родине.

- Передай ему, что каждый стручок должен знать свой шесток, - довольный родившейся экспромтом остротой, Елисей добродушно похлопал посыльного по плечу и ушел.

Долго ждать продолжения не пришлось. Дня через три Елисей поздним вечером возвращался после свидания с Валей. В полутемном переулке его обогнал Анатолий. Резко повернулся, подошел поближе.

- Тебе же было русским языком сказано, близко к Валентине не подходить.

- Ах, это ты и есть, - Елисей возвышался над щуплым противником. – Только-то и всего. Ты даже не стручок, а скорее сморчок...

На этом переговорная часть закончилась. Елисей, любитель экспромтов, намеревался рассмеяться, но не успел. Он почувствовал сильный удар по скуле, почти одновременно треск зуба - удар по челюсти и вслед за этим сильнейшую боль в районе печени. Судя по силе ударов, в руках у Анатолия что-то было. Видимо, кастеты.

Елисей взревел от злости и боли, схватил противника за предплечья, легко приподнял и двинул со всей силы о стенку, которая, к счастью, была всего в двух шагах от них. Анатолий охнул и кулем свалился на пол.

- И дух вон, - с удовольствием сказал Елисей, он оказался не таким уж добреньким и безобидным. – На этот раз временно. А на следующий будет навсегда. Запомни.

Анатолий зашевелился и попытался приподняться.

Елисей сплюнул – то ли презрительно, то ли оттого, что болело все во рту, – и пошел, не оглядываясь, потирая по дороге ушибленные места. Анатолий остался лежать у стены.

Назавтра Елисей явился на лекцию с огромным синяком под глазом и не менее впечатляющим на скуле. Выбитый зуб он выплюнул еще вчера. Болели то ли ребра, то ли печень, трудно было держаться прямо. Пришлось объяснять, что на него напали бандиты, пытались ограбить, но он не из тех, кого легко запугать. Ему сочувствовали.

Дальше - больше. Ваня Павленко, один из немногих ребят в его группе - факультет был наполовину женский – подошел к нему после занятий.

- Давай, посидим. Побалакать надо.

- Ваня, я тороплюсь, у меня свидание...

- То-то и оно, я и говорю, надо побалакать.

Вид у него был не то расстроенный, не то виноватый.

Они остались в опустевшей аудитории.

- Ну что у тебя стряслось?

- Не у меня, у тебя. Я вижу, они и до тебя добрались.

- Та-а-к...

- Детектив какой-то, бис его знает. Вчера ввечери иду я по садику к Лене, еще не поздно было. Чуть стемнело. Подошли ко мне громилы, сбоку ножичек приставили, пойдём побалакаем. Не боятся, гады, там еще люди были. Повели на скамейку в глухом месте. Детектив, ей-богу...

Словом, подгоняемый вопросами, после каждой фразы повторяя: «А ты бы на моем месте што бы сделал? Ножичек к горлу...» - Ваня постепенно все рассказал.

Хулиганы хотели знать все о нашей паре влюбленных. Но главное, пожалуй, их интересовало будущее Елисея. На что он рассчитывает. Ваня им рассказал, что Елисея при кафедре не оставят, потому что он не тянет на красный диплом. Зато он на отличном счету как комсомольский вожак. И ему уже готово место в стае комсомольских вожаков - место инструктора горкома комсомола, если все будет благополучно. Не райкома какого-нибудь, а сразу горкома!

Тут в словах Вани прозвучала не слишком большая симпатия к этой конторе – не забывайте, начались восьмидесятые, запахло перестройкой.

Но если что-то не сладится, то его ждет место учителя истории где-то в селе, в крайнем случае в районе. Как всем простым смертным. Туда сейчас только и посылают по назначению. Это конец мечтам о карьере. О которой сам Ваня даже не мечтал.

В исповеди Вани странно сочетались стыд за свою трусость с некоторым злорадством. А закончил он словами:

- А ты бы што сделал? Ножичек к горлу...

И предупредил, что ни в какую милицию не пойдет, они знают, где живет Лена. И про него, Ваню, все знают. А на амбразуру – это слово молодому историку далось с трудом – он не полезет.

Все, что сказал Ваня о планах Елисея, было правдой, правдой на двести процентов. Скандал в любом варианте был губителен для его будущей карьеры. Этот Стручок оказался хитрее, чем можно было ожидать. И опаснее. История не напрасно учит всех, в том числе и студентов-историков, что противника недооценивать нельзя.

Вечером Елисей все рассказал Вале. Он был всерьез озабочен. Даже напуган. Таким Валя его еще не видела. Она сочувствовала ему от всей души, но его страхами не прониклась. Как можно такому большому и умному человеку бояться такого невзрачного и странного? И все-таки она предложила:

- Хочешь, я сама с ним поговорю? В конце концов вся эта каша заварилась из-за меня. На удивление Елисей с охотой и даже явным облегчением с ней согласился.

Но Анатолий в институте не появлялся несколько дней. И тогда Елисей неожиданно предложил ей по телефону:

- Знаешь что, давай не будем видеться, пока ты с ним не поговоришь. Не могу же я каждый день всем рассказывать, что на меня напали бандиты.

Очевидно, он опасался нового нападения. Странно...

Наконец Анатолий явился. Вид у него был помятый, еще более желтый, чем обычно. И он слегка прихрамывал. На Валю подчеркнута не обращал никакого внимания.

Она после лекций поджидала его у входа в институт. Решительно подошла:

- Нужно поговорить.

Не дожидаясь ответа, повернулась и направилась к скамейке, у которой разыгралась некогда известная вам сцена. Благо та оказалась свободной.

Они сели рядом. Сидя, Анатолий не так заметно проигрывал – у него были коротковаты ноги. И чуть-чуть кривые. С такими ногами удобно заниматься верховой ездой... Опять я за свое, уже сам себе с этим пунктиком надоел!..

- Толя, чего ты добиваешься?

- Ты прекрасно знаешь, чего я добиваюсь, - пробурчал он.

- Такими дикими методами? В наше время? Мы живем не в эпоху татаро-монгольского ига.

Этого явно не стоило говорить. Анатолий сверкнул глазами.

- Не боишься, что он тебя прибьет?

- А ты не боишься, что я его прибью?

Они уже почти кричали.

- И сядешь в тюрьму.

Анатолий отвернулся и снова еле слышно пробурчал:

- Если ты не выйдешь за меня замуж, то все равно. Тюрьма – не тюрьма.

На Валентину такие слова и чувства не произвели никакого впечатления, что, согласитесь, странно. Женщинам, насколько я знаю, подобные признания нравятся в любом исполнении. Но уж слишком диким казалось все его поведение. И даже смешным. А то что смешно, уважения вызвать не может. Анатолий это почувствовал.

- Посмотрим, на что он пойдет ради тебя, - проговорил глухо и устало.

- На все!

- Посмотрим.

- Господи, какая это все чушь!

- Я тебе уже говорил, - голос Анатолия снова стал уверенным, - не нужно смотреть на меня...

В этом месте произошла заминка. Он вспомнил, чем эта фраза кончилась для него полтора года тому назад. А вдруг Валя опять встанет? Поэтому он выбрал другой вариант.

- Не нужно смотреть на меня, как на дурака.

И неторопливо, довольно внятно доложил ей о принятых им мерах.

Во-первых, после драки он снял побои и подал заявление в милицию. О том, что на него в темноте напал неизвестный хулиган, избил и оставил лежать на тротуаре. Если он, пострадавший, узнает, кто был этот хулиган, то сообщит об этом в милицию. Чтобы не было сомнений, он дал ей ксерокопию заявления.

Разумеется, такой ход не был задуман им с самого начала, Анатолий стратегом не был. Но воспользоваться подвернувшимися обстоятельствами соображения и хитрости хватило.

- Как ты думаешь, если комсорг факультета, без пяти минут инструктор горкома комсомола избил соперника, ростом и весом вдвое меньше себя? И оставил его беспомощного лежать на тротуаре – это звучит? Не быть ему инструктором, если не уйдет с моей дороги. Все. Разговор окончен.

Анатолий встал, поморщился от боли и, слегка хромя, ушел. Валя осталась сидеть на скамейке. Кажется, она начинала понимать беспокойство Елисея.

В этот же вечер она передала ему весь разговор. Дословно. Добавила все, что должен был в таких случаях говорить порядочный и любящий человек. Что если его пошлют в какую-нибудь Хацапетовку, то она оставит институт и поедет за ним, будет учиться заочно. В конце концов везде живут люди, а они молоды, и все еще можно...

Давайте не будем продолжать то, что давно уже всем ясно. Елисей сказал, что нужно все обмозговать, дело нешуточное. Но на следующий же день с утра пораньше позвонил и сказал, что всю ночь не спал, что принял тяжкое решение: им на время, пока он не упрочит свое положение в горкоме, нужно расстаться. Что у него сердце кровью обливается, но сознание ответственности за их общее будущее, и т. д. и т. п... Он даже не слишком старался быть убедительным.

Валентина могла быть верной, как ее сказочные предшественницы, преодолевая все испытания. Но вероломства простить не могла. Это разбило ей сердце.

Она впала в глубокую депрессию. Но тем не менее наотрез отказалась делать аборт. Ее ребенок не виноват, что его отец оказался негодяем. Если бы не ребенок под сердцем, то еще неизвестно, чем бы дело кончилось. Даже мысль покончить это мучительное существование приходила ей в голову. Перепуганный насмерть отец водил ее к знакомому психиатру. Психиатр решил действовать по методике «клин клином вышибают». Он долго внушал ей, что этот мир достаточно лжив и коварен, и в ответ нужно самому быть по меньшей мере реалистом.

А может, так оно и есть? Вопросы, вопросы... У меня нет на них ответа.

Я не уверен, что Валентина действительно бросила бы институт и поехала в Хацапетовку. А если поехала, то была бы счастлива в роли жены школьного учителя истории, который считал бы ее виновницей всех своих неприятностей. И как бы они выбирались оттуда?

Больше того, должен вам признаться еще в одном: я не уверен, что Лиля поступила бы разумно, если бы из-за верности мужу в тридцать шесть лет не использовала наверно единственный шанс, оставшийся у нее, чтобы состояться как музыкант. Использовать данный ей богом талант. А если добавить то, о чем Алик даже не знал: сейчас ей предлагают контракт со столичным оркестром виртуозов, бренд международного уровня. Плюс звание. Из-за семьи она не соглашается, пока не соглашается... Отказаться от всего из-за верности мужу, который к ней относится хорошо, но давно не пылает? А может, никогда и не пылал. Который – мы уже это знаем – изменял по куда менее важным поводам. И кстати, потом не раскаивался. Вы возразите, что речь идет в первую очередь об измене самой себе? Может, вы и правы. Но... нет, не знаю, не уверен.

Такова ныне реальная жизнь, все в ней сложно и неоднозначно. И борьба с моралью с каждым днем все больше обостряется...

Что касается Елисея, то он дал убедительный ответ на подобные вопросы. Войдя в стаю комсомольских вожаков, он поступил так же, как очень многие из них во время перестройки – стал олигархом. Одним из самых крупных в Украине. Вряд ли он стал бы им с низкого старта учителя из Хацапетовки. Не случайно этот олигарх в моем рассказе выступает под псевдонимом Елисей. Стоит ли связываться с сильными мира сего?

Каждый из нас дает ответы на такие вопросы по-своему.

Как ответила на эти вопросы Валентина?

Не знаю, какими путями, но Анатолий очень быстро выяснил, что она беременна. В критических ситуациях он проявлял удивительную интуицию и настойчивость. Вооруженный этими сведениями, Анатолий немедленно явился к Вале домой прямо и открыто. Я бы добавил - нагло.

Поздоровался, но ответа не получил. Ничуть не обескураженный, он продолжал говорить твердо и уверенно. Он сказал, что вины за собой не чувствует, потому что избавил ее от подлеца, который бы рано или поздно все равно предал ее. Он тоже не ангел – при этих словах Валя только возмущенно покачала головой. Но он и на большее пошел бы для того, чтобы она осталась с ним. Она должна быть его, другого выхода он для себя не видит. И для нее тоже.

Поняв, что ошарашенная таким нахальством Валя вот-вот выставит его из дому, он перешел к главному. Сказал, что признает ребенка своим, что будет любить этого ребенка больше своих детей, если они будут.

- Выходи за меня замуж. Неважно, каким я был. Это не имеет значения. Я буду таким, каким ты захочешь. Мое слово железо. Подумай, - и он, не дожидаясь ответа, вышел.

Как поступила Валя? Вас мне удивить не удастся. Вы уже знаете. Но все окружающие были в шоке. А почему она так поступила, я могу только предполагать. С цельными натурами происходят в критических ситуациях удивительные превращения.

Конечно, это был жест мести и отчаяния. Хотели – получайте! Но кажется мне, не только. В конце концов – она вспомнила это уже без насмешки - Анатолий готов был ради нее на все, даже в тюрьму. «Если ты не выйдешь за меня замуж, то все равно. Тюрьма – не тюрьма». По романтическим канонам верность должна быть хоть как-то вознаграждена. И если у нее уже счастья не будет – а в этом нет сомнений, - то она хотя бы постарается из этого... Стручкова сделать хорошего человека. Очень кстати были его обещания, особенно финал предложения руки и сердца: «Я буду таким, каким ты захочешь». Не зря говорят, что надежда умирает последней.

И еще, уверен, была причина. Не о Валентине речь, она была выше пересудов. Но в те времена все-таки безотцовщина еще была проблемой, травмой для ребенка. Это сейчас такие мелочи уже не имеют ни малейшего значения. Но как могла будущая мать предполагать, что нравы настолько изменятся? Валентина читала Достоевского, и на многое готова была пойти, чтобы не допустить даже гипотетической слезинки ребенка. Еще один камушек.

Не нужно забывать и главное – душевное состояние Валентины не способствовало принятию разумных и здравых решений. А тем более ее вера в идеалы.

Она вышла за Анатолия замуж. Но все-таки я уверен, что Анатолий был недалек от истины, когда после застолья, которое я описывал, почти тридцать лет спустя сказал: «Мне иногда кажется, что ты вышла за меня замуж назло мне!»

Я и сам искренне огорчен таким поворотом событий. Но что поделаешь, даже автор не может бесконтрольно вмешиваться в судьбу героев. Есть правда жизни. И часто она не так благополучна и красива, как этого бы хотелось. К сожалению, большому сожалению, женщины довольно часто склонны уступать натиску и настойчивости вопреки чувствам и разуму, а уж в критических и сложных ситуациях особенно. И потом казнят себя всю оставшуюся жизнь или, что не лучше, награждают победителя ветвистыми украшениями на лбу. Хорошо, если ситуацию еще возможно исправить. Но не у всех это получается.

Когда Валентина поняла, что жертвоприношение слишком тяжело для нее, было уже поздно. Родилась Регина. Анатолий Регину любил, любил по-настоящему. Других детей у них не было. Не получалось. Жену он возвел на пьедестал, никогда ей ничего не приказывал,

даже не просил. Зато все ее пожелания выполнял беспрекословно. Он давал Валентине полную свободу. Наверно, считал ее верховной властью в его тейпе – снова та же моя идея фикс. Уходить вроде бы не было повода.

Он делал для жены все, что мог. Но увы, мог он не все. Вы знаете, самое сложное для человека – справиться с самим собой. Поэтому стать другим, таким, как она хотела, стать близким ей человеком он был не в силах. При всем своем желании.

И не только это. Анатолий не мог изжить чувство ревности и собственника, он в каждом мужчине видел соперника. Даже если этот мужчина муж подруги. Волей-неволей он создавал напряжение в отношениях. Он не мог стать общительным и компанейским. Не каждому дано переродиться. Поэтому окружение Валентины постепенно таяло. Кому нужны в нашей нелегкой жизни лишние сложности?

Валентина осталась одна.

В бизнесе, правда, Анатолий преуспевал. Иван Соколов в восемьдесят восьмом году приватизировал свой трест и стал владельцем строительной фирмы со скромным названием «Валентина». Он взял новоявленного и нужно признать нелюбимого им зятя в качестве менеджера. Менеджером Анатолий оказался очень энергичным и жестким. Одна беда – он так и не научился видеть границу между допустимым и недопустимым. Этот делец новой формации несколько раз так подставил патрона, что наконец Соколов сдался и передал владение фирмой зятю. Он не хотел остаток лет провести в тюрьме. Последней каплей был скандал в начале двухтысячных годов с поддельными документами на большую сумму, почти полмиллиона, который едва не привел к банкротству. Соколов громко хлопнул дверью и в фирме больше не появлялся. Валентина тоже не соглашалась участвовать в правлении этой, как она говорила, «преступной организации», но оставила небольшую часть акций за собой. Анатолий Стручков остался единственным владельцем строительной фирмы «Валентина». Человеком богатым и довольно-таки уважаемым в деловых кругах. Впрочем, состав наших деловых и политических верхов никаких из ряда вон талантов и достоинств, включая какую-то особую интеллигентность и культуру, в сущности не требует.

Вы, возможно, снова усомнитесь. Как хулиган с бандитскими задатками мог превратиться в солидного бизнесмена? Случай, может быть подумаете вы, нетипичный. Ну, во-первых, и сама жизнь, я убежден, состоит из огромного набора нетипичных случаев. Больше того, мне кажется, что типичные случаи скорее являются исключениями. А во-вторых, оглянитесь вокруг, сколько внешне приличных бизнесменов во время перестройки вышло из криминального мира? Наш Анатолий был только на подходе к тому, чтобы стать уголовником, хотя в нем были для этого отличные природные задатки. А нам известны сильные мира сего, и даже очень сильные мира сего, которые в свое время – и не так уж давно – отсидели положенные им сроки. И не за какие-то там политические или экономические преступления, которые сейчас кажутся делом простительным и даже благородным, а за банальную уголовщину. И что? И ничего. Это никому не мешает, не только бизнесменам, но даже политикам. Другое дело, что по моему глубокому убеждению, в их душах навсегда остается след этого прошлого, все-таки они видят мир немного в ином свете, чем обычный человек, смотрят на него другими глазами. Эдакая душевная абберрация.

Безусловно, изменениям в имидже Анатолия способствовала женитьба на респектабельной невесте. Но он бы и без этого подарка судьбы вполне мог стать богатым человеком. Рэкет, крышевание, рейдерство – вполне проторенный у нас путь к богатству, а к этому у него, как мы помним, были все данные. Просто судьба – и не без его участия – предложила более законный и приличный вариант.

С годами Анатолий немного пополнил, но в принципе оставался таким же поджарым. Правда, он больше не сутулился, не бычился, как это было в юности, не смотрел исподлобья – научился ходить с высоко поднятой головой, положение и рост обязывали. Теперь он выглядел не каким-то там стручком, а этаким крепышом, своеобразным восточным мачо, хоть и небольшого роста.

Валентина и Анатолий уже не выглядели такой противоестественной парой, как в первые годы брака. Время сгладило контрасты. Внешне все выглядело вполне пристойно. Но внутренне... Контакт в семье так и не появился. Они по-прежнему были людьми из разных миров. Никогда не скандалили, не ругались, за тридцать лет ни одного грубого слова не было сказано – не каждая даже очень счастливая пара может этим похвастаться. Валентина по характеру и воспитанию не могла себе этого позволить, а Анатолий просто-напросто боялся не угодить. Он понимал - малейший повод, и Валентина от него уйдет.

Дома Валентина всегда ощущала пустоту, особенно когда Регина повзрослела. Делать ей было решительно нечего, была прислуга, повариха. И способная целеустремленная женщина в свободное время стала заниматься наукой. Она защитила кандидатскую диссертацию, наверняка могла бы докторскую, но решила, что нет смысла. А злые языки уверяли, что она отказалась от этого потому, что был бы слишком сильный контраст в семье – доктор наук и... Стручков.

Так они и жили – вежливые, заботливые, помогающие друг другу при необходимости, но, в сущности, абсолютно чужие люди.

Правда, был в их жизни момент, когда все еще могло измениться. Эти события произошли лет десять тому назад, может, чуть больше. Валентина не так давно прошла сорокалетний рубеж – самый опасный для непрочных браков возраст.

На высшие курсы экономики, где она преподавала, поступил бизнесмен из Литвы, из Клайпеды. Альгирдас, фамилию, уж простите, забыл. Помню, что заканчивалась на «явичус». Впрочем, кажется Синкявичус. Настоящий литовец, не из русских. Лет пятидесяти, но в отличной форме. Скандинавского типа, близкого к классическому. Высокий, худощавый, подтянутый. Тонкое интеллигентное лицо. Очки в золотой оправе. Седина на висках оттеняла светлокаштановые волосы, но не старила. Правда, на мой вкус, излишне выдвигался вперед подбородок, но в глазах женщин это был еще один показатель мужественности. Вдовец, один воспитывал сына. Теперь сын женился, уехал в другую страну, и отец стал тяготиться своей полной и абсолютной свободой. Неудивительно, что всему женскому составу курсов – как слушательницам, так и преподавательницам - он определенно нравился. А ему нравилась Валентина Ивановна, и это было очень заметно.

Альгирдас занимался серьезным бизнесом и намерен был выйти на украинский рынок. Естественно, его интересовали практические формальные и неформальные деловые отношения в нашей стране. В принципе, это была основная тема лекций Стручковой. То есть возможностей проявить свой интерес к уважаемому преподавателю Валентине Ивановне у него было много. Курсы стоили недешево, поэтому группы были небольшие, поощрялись индивидуальные консультации. Продолжительность учебы три месяца. Вряд ли можно придумать более благоприятные условия для того, чтобы деловые отношения переросли в нечто большее. И к этому дело определенно шло.

Несмотря на то, что Валентина, казалось, махнула рукой на свою женскую судьбу, а может, именно поэтому, они довольно быстро сдружились. Пока только сдружились. Перешли на «ты», что среди преподавательского состава было не принято. На все учащающихся индивидуальных занятиях замороженная Валентина Ивановна оттаивала прямо на глазах и превращалась сначала в Валу, а потом и в Валечку. Меньше чем через два

месяца она пошла с Альгирдасом после занятий обедать в отдаленный ресторан на берегу моря, потом последовала прогулка по очень малолюдной – все-таки замужняя женщина – набережной. И даже несколько поцелуев. Удивительные для нее темпы. И все было очень серьезно. Альгирдас уверял, что для него это не какой-то там рядовой флирт. Валентина ему верила, для нее это тоже не было просто приключением. Во всяком случае, вне зависимости от планов на будущее, она приняла очень важное решение. Она должна прекратить суррогат семейной жизни во что бы то ни стало. Валентина твердо решила как можно быстрее объявить Анатолию о разводе. Повторю еще раз, не потому, что появился кандидат на вакантную должность. Просто возникшие нормальные человеческие чувства, на которые она уже не надеялась, подтолкнули Валентину к решительным шагам. И уже только за одно это она была благодарна новому другу. Другу, который с огромной скоростью становился близким человеком. Она сама понимала, что их близость, настоящая близость, это вопрос буквально дней. А может, часов. Только одно ее пока удерживало – прежде чем это произойдет, Валентина должна объявить о разводе мужу. Все-таки это была Валентина...

Она сказала Альгирдасу, что Анатолий через два дня должен возвратиться из отпуска, тогда все будет решено.

- Мы всегда будем вместе, - ответил на это Альгирдас.

А на следующий день исчез. Растворился без следа.

В этот день около обеда он позвонил секретарю курсов. Отрекомендовался, сказал, что должен срочно вернуться домой. Что у него все уплачено до конца курсов. Сказал, что постарается как можно быстрее вернуться. И все. Напрасно Валентина ждала весточки, телефонного звонка. Ничего.

Она настолько не верила в реальность происшедшего, что не удержалась и позвонила в аэропорт, чтобы проверить, действительно ли Альгирдас улетел. Такую справку давать отказались. Тогда она, багровая от стыда, на ходу сочинила целую историю. Что слушатель курсов исчез, не заплатив за учебу, что курсы не хотят обращаться в милицию, что их рейтинг... Наверно, звучало убедительно, потому что ей все-таки подтвердили – Альгирдас действительно ночным рейсом вылетел в Вильнюс.

Вы уже достаточно знакомы с Валентиной, с ее характером, историей жизни, чтобы понять, какой силы удар на нее обрушился. Поэтому позвольте мне не описывать ее состояние, каждый из вас это сделает не хуже меня. Никаких надежд, никаких желаний – выжженная пустыня в душе. Она продолжала добросовестно работать, по-прежнему ходила два раза в неделю на фитнес, но единственным стимулом для этого было врожденное чувство собственного достоинства – Валентина не могла допустить, чтобы ее жалели.

Аналогия с драмой ее первой любви напрашивалась сама собой, невольно у нее – как и у вас – возникали мысли о причастности к этому загадочному и непредсказуемому исчезновению своего мужа. Но, во-первых, он ничего об Альгирдасе не знал, а во-вторых, уже двадцать дней был в отъезде – в отпуске - и должен возвратиться только завтра. Но самое главное – если Альгирдас, как некогда Елисей, испугался каких-то угроз Анатолия, значит, вся ее любовная история только печальное и постыдное повторение прошлого...

Валентина распростилась с любыми надеждами на перемены в своей жизни. Ей жаль было себя, жаль было и своего мужа - этого одинокого, в сущности, человека.

Так они и жили.

Валентина находила отдушину в лекциях на курсах и институте. Вечерами готовила публикации на экономические темы. Ее книга под эффектным названием «Риски малого и среднего бизнеса в Украине и России» пользовалась успехом и за рубежом. Пару раз ее приглашали читать лекции в университетах Европы и Америки, Массачусетский

университет предлагал постоянное место. И даже три года тому назад присвоили звание доктора экономических наук по совокупности работ. Но особого впечатления это ни на кого не произвело – в Украине сейчас полным-полно всяких академиков и академий.

Валентина просто плыла по течению, в душе было пусто, любые перемены требовали душевных сил и энергии, а ни того, ни другого у Валентины уже не оставалось.

Вот вам предыстория семьи Стручковых. Она кажется романтической или все-таки дикой, глупой... и грустной? Впрочем, не так уж много семей, в шкафу у которых не спрятан какой-нибудь скелет...

Мы с вами и моими героями последовали мудрому совету Федора Метельского - остановились, оглянулись. Можно двигаться дальше.

Часть вторая

Ускорение

Тайное становится явным

Лиля и Алик уснули только под утро. Всю ночь они драматическим шепотом обсуждали дальнейшие планы. Кто должен говорить со Светой, как построить разговор, как не обидеть и не навредить. И в то же время, как с толком употребить родительскую власть, если она еще осталась. Я думаю, родители, которые не забыли подобные проблемы со своими детьми, поймут их беспокойство, тревогу и даже предчувствие чего-то непоправимого. Поймут и посочувствуют. У многих похожие волнения были.

Правда, у оптимиста Алика еще оставалась надежда: а может, это просто недоразумение и все как-нибудь объяснится? Но трезвомыслящая Лиля на недоразумение не надеялась. Бесплатных обедов, как известно, не бывает, тем более в кафе и ресторанах, тем более в течение двух месяцев. На безвестного альтруиста надеяться было бы наивно.

Разговор напоминал закольцованную запись, прерываемую время от времени словами:

- Т-с-с. Разбудишь.

Пауза, тишина, и спустя некоторое время все начиналось сначала.

- Вот результат наших скандалов. Пожинаем плоды.

- Алик, я знаю, что характер у меня не сахар. Но и ты тоже...

- Давай хоть сегодня не будем начинать.

- Давай

- Ты мать, ты должна была поговорить с девочкой обо всем этом. Заранее. Ну не мне же вмешиваться в эти дела.

- С ней поговоришь. «Мама, нам лекции обо всем читают в школе. И ты туда же!» Я сколько раз пыталась... И про мальчиков – с кем дружишь, что да как... Как в танке! А в последнее время, сам видишь, смотрит на меня волком... то есть волчонком... или волчицей? Словом, со злостью. Как к ней подступишься?

- Не знаю. Но ты же понимаешь, я не могу на такие темы. А как ты думаешь, - длинная пауза, – она еще девочка?

- Думаю, нет.

- Почему ты так думаешь?

- Есть основания.

- Ну как же ты...

- Ах, оставь... Такое время. Молодежь сейчас такая... Не убережешь.

- А ты и не пыталась.

- Алик, я уже сказала, если б я могла...

- Ладно, проехали.

- Т-с-с. Разбудишь.

...Спустя некоторое время.

- Все-то ты обо всех знаешь. А родная дочь... Насчет ресторанов, как ты могла молчать?

Целых два месяца!

- Мне Люба только позавчера доложила. Я чувствовала, шо шо-то не слава богу, но точно не знала...

- Все! Ты завтра же в открытую с ней поговоришь. Воскресенье, будете одни дома. Я здесь задержусь, чтобы вы без посторонних.

- Ну да, ты и есть посторонний...

- Да как я могу на такие темы?.. Ты соображаешь?..

- Т-с-с. Разбудишь.

И новый цикл:

- Знаешь, Алик, я хочу посмотреть у нее в комнате.

- Только обыска нам не хватало.

- А если у нее есть наркотики?

- Лиля! Ты что? Ты что?

- Сам подумай. Необычное поведение. Грубость, злость. Раздражительность. Ты телевизор смотришь? Это могут быть признаки. А отношение ко мне? Она же за мной хвостом ходила. На все должны быть причины.

- Да, но не... С ума сойти.

- Мы за нее отвечаем.

- А если заметит? Она не простит. И стыдно. Ужас! Да, приехали... Ничего не скажешь...

- Т-с-с. Разбудишь.

Начало светать, когда Лиля подвела итоги:

- Завтра я с ней поговорю. И все-таки посмотрю у нее в комнате. Мы должны это сделать.

А ты часам к восьми приезжай. Может, придется мне помочь.

Алик ничего не возразил, и это можно было считать согласием.

Несмотря на бессонную ночь, Алик встал не намного позже, чем обычно – часов в восемь. Он был жаворонком. Лиля, как и положено человеку искусства, - глубокой совой. Света старалась не отставать от мамы и в школу всегда поднималась с огромным трудом и стонами.

Завтрак в выходные дни был за Аликом, чтобы девочки могли поспать. На даче ели обычно в кухне. Он привычно нарезал салат, запек в микроволновке три картофелины, в блюдо положил остатки селедки, хлеб масло. В семье такой завтрак называли «еврейский воскресный», вроде бы так было принято в еврейских семьях Города. Я, кстати, тоже слышал нечто подобное. Затем он поставил на стол кофе, сахар, молоко в пакете, три ватрушки. Нарезал остатки колбасы. В холодильнике не должно оставаться скоропортящихся продуктов, все нужно было доесть.

Алик готовил завтрак механически, а сам в это время думал о том, как встретится с новой взрослой дочкой. А стала ли она новой?

В это время заскрипела дверь, и Света, зевая, вышла из своей комнаты. Заглянула в кухню. Отец, как и обычно в выходные, готовил завтрак. Все как всегда.

- Доброе утро, доченька. Как спалось? – с удивлением услышал свой какой-то слащавый голос Алик. И доченькой он ее давно не называл. Обычно – дочка, Света, реже Светочка.

Света тоже почувствовала что-то странное, приподняла левую бровь – была у нее такая привычка.

- Спасибо, хорошо, Алик... папа.

Папа. Доченька. Нестандартное начало.

Алик внимательно посмотрел на нее. Никаких особых изменений он не увидел. Рослая, крупная – собиралась, к своему большому неудовольствию, пойти ростом в папу, – но еще девочка, даже полностью не оформившаяся. Как же это может быть?.. Он внимательно посмотрел ей в глаза. Да нет, все это ерунда. Зрачки как зрачки.

- Что-то не так? – она смутилась и запахнула халатик.

- Да нет, все нормально. Выросла. Я и не заметил, - это тоже прозвучало неловко. Алик смутился. - Ладно, иди, приводи себя в порядок. Сейчас мама встанет, будем завтракать.

Лиля действительно стала подавать признаки жизни. Ей тоже не спалось.

Начались обычные утренние хлопоты.

За завтраком, слегка прочистив горло – першило, - Алик спросил Свету:

- Какие у тебя планы на сегодня?

- Я же говорила, поеду к Неле, мы с ней договорились.

- Светочка, будь добра, приезжай сегодня не поздно. Часов в пять. Лучше раньше.

- Но мама...

- Никаких но. Нам нужно серьезно поговорить.

- Опять. Не наговорились, - в голосе у Светы чувствовалась нескрываемая враждебность.

Лиля посмотрела на Алика. «Видишь, что творится? Помоги, не сиди как чурбан», - явственно читалось на ее лице.

Алик опять прокашлялся и довольно твердо и уверенно сказал:

- Дочка, будь добра. Если мама просит, значит, есть в этом необходимость. У тебя, надеюсь, ничего очень важного на вечер нет? Не запланировано?

Это был сильный ход. Света смутилась и ответила:

- Хорошо... папа.

Кажется, догадывалась, о чем речь пойдет.

- Ну вот и отлично. Алик, ты справишься с уборкой? У меня в одиннадцать репетиция.

- Репети-и-ция... - странно протянула Света.

- У нас горячие дни. «Чардаш» Монти на выходе.

- Без проблем. Извините, я вас не отвезу. Займусь деревьями...

- Ничего...

- Доедем на маршрутках.

Сразу после завтрака уехала Света. Алику показалось, что она не хотела ехать с мамой. Затем появилась Лиля с инструментом и сумочкой через плечо. В полной боевой форме и не слишком – на взгляд Алика – длинном платье. Зато ноги красивые, этого не отнять. Позволила поцеловать себя в щечку и удалилась. Он убрался в домике, помыл посуду. Потом действительно занялся деревьями. На душе было беспокойно, ох как беспокойно.

У соседей возле веранды о чем-то громко разговаривал сам с собой Сережа. Потом Регина стала с ним купаться в бассейне. Потом вышла на веранду Валентина Ивановна. Через калитку Алику было видно - она сидела в пластмассовом кресле на веранде в тени. В красном сарафанчике с бретельками.

Нужно было поздороваться. Он приоткрыл калитку:

- Можно? Добрый день.

Поздоровались. Алик так и остался стоять возле калитки. Поговорили о вчерашнем вечере. Регина поднялась из бассейна, тоже уселась в кресло, но на солнце. Красивая фигурка. Все дружно поблагодарили друг друга за отличное новоселье, и было за что. В дверях салона иногда появлялась Тамара – наверно, убирала. Ее мужа Григория видно не было.

- А Толя уже уехал? Я знаю, он летит сегодня в Крым.

Все подчиненные Стручкова знали, что босс почти на месяц улетает в городок в Крыму Полетное. Там разворачивается серьезный строительный комплекс, на него Анатолий возлагал большие надежды. А недоброжелатели, которых у Стручкова хватало, говорили, что это последние надежды. Кризис и массовая смена прикормленных им чиновников в связи с новой властью сильно пощипали его финансы. Он взял с собой в Крым ведущего экономиста Дарын Сабитову, потому что там нужно было составлять массу бумаг. Те же недоброжелатели говорили, что не только для этого. Но Алик не очень доверял сплетням. Стручков принял на работу Дарын не за красивые глаза – которых у нее, кстати, не было. Женщина лет сорока, разведенная, сыну 13 лет. Самая обычная. Правда, невысокого роста, но нет, все равно вряд ли... Просто Дарын была прекрасным экономистом. Один знакомый опытный бизнесмен сказал как-то Алику, что если бы Анатолий слушал Сабитову, то и бед бы нынешних не знал. У него были только упорство и жесткость, а сейчас этого мало...

Конечно, эти сплетни ни на чем не основаны. Глупые сплетни. Алик посмотрел на Валентину Ивановну. Голубой балкон. Красный сарафан с бретельками. Светлые воздушные волосы. Картина «Женщина в красном с бокалом красного вина». Стоп, стоп, стоп! А у нее в руке действительно бокал красного вина. Еще только двенадцать часов дня. Она раньше вроде бы вообще не пила. Ну впрочем, мало ли что. После вчерашнего...

- А твои уже уехали? – вступила в разговор Регина. – Ну и отлично. Отдохнешь. Отдышишься.

Она с какой-то материнской заботой и участием смотрела на Алика.

- Вы, Валентина Ивановна, теперь здесь будете жить? – он осекся, но было поздно. Проявил очевидную бестактность. Всем было известно, что Стручковы недавно продали городскую квартиру, приданое покойного Ивана Соколова: двухэтажный пентхауз площадью около пятисот метров, большой участок – редкость в городе. Продажа отцовского наследства не могла не быть травмой для дочери. Судя по всему, Анатолию действительно припекло, если он решился на такой шаг в такое время - сейчас цены на жилье упали почти вдвое. Кризис. И обычный бардак. Обычный, но обновленный. С новой властью.

Очень спокойно Валентина Ивановна ответила:

- Зачем двум немолодым людям, - Алик пытался возразить, не удалось, – два огромных этажа? Нелепость. Инночка ушла, она у нас самостоятельная, - это было сказано без иронии, с одобрением. – Может, купим что-то поменьше, а может, и тут останемся. По соседству.

Валентина Ивановна с явным удовольствием допила вино. Алик почувствовал, что пора ретироваться.

Говорят, самое тяжелое это ждать и догонять. Алик ждал. Время тянулось бесконечно. Он уже мысленно готов был смириться с любыми известиями, только бы ужасное предположение Лили о наркотиках не оправдалось. Впрочем, и без этого могут быть варианты... Думать о неприятностях не хотелось, но мысли никого не спрашивают, хозяйничают в голове без разрешения.

Читать тоже не хотелось. Позвонить кому-нибудь? Лиля на репетиции отключала телефон, это правильно. Поговорить бы с отцом, они друг друга понимали без слов. Нет, нельзя, не нужно волновать старика, он очень любит Светочку. Позвонить ребятам? Постоянная компания Алика состояла из четырех школьных друзей и их жен. С музыкальными кругами Города дружба не получалась. Кстати сказать, друзья Алика к Лиле относились хорошо, несмотря на ее несдержанность и острый язык. Но это так, к слову. Алик позвонил им всем. У каждого спрашивал, как дети. Их чада были постарше Светы, и тоже по одному ребенку в семье. Но дети как дети, хотя старшие поколения почтением не балуют. Ну, у них это так сейчас принято. Но неплохие, толковые и довольно воспитанные. Не то что у них с Лилей...

И после всех разговоров было только два часа дня.

Он решил поспать. Умение спать днем дается не каждому. Алик не умел. Днем ему снились кошмары, болела голова. Кошмары снились и на этот раз, тем более сейчас оснований для них было больше, чем обычно.

В начале шестого он выехал в город, перекусил в знакомом кафе. Начало седьмого. Посидел в машине. Позвонил Лиле. Мобильник отключен. Решил ехать домой. Будет там почти в семь, Лилия сказала в семь-восемь...

Алик не был слишком наивным человеком и понимал, что полностью правду он не узнает. Света не все расскажет, Лилия о чем-то умолчит. Но его это вполне устраивало. Меньше знаешь, крепче спишь.

Но он ошибался. Он узнал все и из самых надежных источников.

Алик поставил машину на стоянку возле дома, поднялся к себе на третий этаж, открыл дверь и вошел в прихожую. Дверь захлопнулась следом за ним. Но за закрытыми дверями гостиной раздавались такие громкие голоса, почти крики, что если бы взорвалась бомба, вряд ли спорщики бы это заметили. Баталия в гостиной велась на равных. Лилин голос был ниже, зато Светин резче и громче. О почитании старших никто явно не задумывался. Алик решил было себя обнаружить, но реплика Светы остановила его.

- Мама, я из наших в классе была последней. Целками, – девочка не стеснялась в выражениях, – на весь класс остались только три зануды.

Не самое подходящее время после таких слов мужчине и отцу появляться. Алик затих. Может, неслышно уйти? Ну не подслушивать же?

- И не спрашивай, кто был первый. Какая разница? Ваши старперовские глюки. И когда это было. Почти год назад. С тех пор столько всего... Если хочешь знать, у нас в компании на эти вещи смотрят...

- Нет, не хочу я этого знать. Волосы дыбом встают.

- У тебя?

Вопрос Светы прозвучал не слишком уважительно. Нет, определенно нужно было вовремя смыться. Тут и до беды недалеко.

Он на цыпочках направился к выходу.

- Да, у меня. Я своего первого мужчину всю жизнь помню. Я его любила. Даже когда мы с отцом встречались, я не знала, кого из них выбрать.

Алик замер. Становилось все интересней. Он этого не знал. Конечно, подслушивать ужасно. Но каждый ли из вас решился бы уйти и потом мучиться загадками всю оставшуюся жизнь? Тем более следующая фраза Лили, сказанная шепотом, переходящим в крик, буквально обрушила его на стоящий у двери табурет.

- А это, что ты носишь с собой в сумочке? Наркотик?

Вот оно, самое страшное. Алик мгновенно покрывшись потом.

- Ма, ты что? Как ребенок. Это травка, мы ею иногда балуемся. Ее во всех странах допускают. Кроме нас. Я даже курю меньше всех. Не люблю. Кой-там наркотик! Я что, больная? И нечего было рыться в сумке. Не прощу.

Отлегло. Но ненадолго.

- Нечего было рыться? Нечего? Я уж не говорю об этой гадости...

- Резинки? Тьфу. Нам их в школе дают свободно. Особенно перед выездом на экскурсии. Ну, ношу. Мало ли что. Здоровье дороже.

Господи, какой цинизм! Как мы все это умудрились просмотреть? Не заметить, не вмешаться. Алик схватился за голову. Понятно, это она так дерзит матери назло. Но почему?

- А двести долларов? Вам их тоже в школе дают?

Чем дальше, тем страшнее. А ведь это – чувствовал Алик – еще не вечер. К сожалению, он не ошибся.

- Нет, мамочка. И в школе не дают, и вы не даете. Я не транжира, но рюмка ликера – мы торчим от ликера - и чашечка кофе денег стоит. А Виктор Леонидович дает.

- За красивые глаза?

- Не у всех они такие красивые, как у некоторых, - это было сказано с ненавистью.

Дальше мать и дочь кричали вместе, почти дуэтом, и без пауз. Обстановка, обостренная казалось бы до предела, еще больше раскалялась. Алик подумал, что Лиле нужно быть помягче, дипломатичнее.

- Ужасно. Ужасно это слышать от дочери. Не думала, что доживу. Сколько ему?

- Папику? Старый. Говорит, что сорок. Я думаю, больше.

- Ну ты и нахалка! Ладно, ваши пацаны, если так уж у вас принято...

- А в чем разница? Почему с пацанами можно, а с папиком нельзя? Объясни? Если с ним интересней? И польза есть.

Алик невольно задумался. А действительно, почему? Лиля частично ответила на этот вопрос:

- Потому что с ними ты просто так...

- Ага, по любви, - в этой реплике Светы была бездна цинизма.

- А с ним за деньги. Как проститутка. Ты сейчас проститутка!

Это было чересчур. Алик встал.

- Проститутка? Не тебе меня так называть.

Раздался громкий звук пощечины. Нужно было вмешаться. Но как признать, что он слышал весь этот кошмар? Нет, нужно уходить. Он осторожно привстал, табурет, как назло, закрипел.

Света всхлипнула, и голосом, который казался очень тихим по контрасту с предыдущими криками, заговорила:

- Ладно, я не хотела тебе говорить. Но теперь скажу. Ты знаешь, почему я это сделала? Когда я позвонила папику? Когда узнала о твоих репетициях с Раевичем.

Раевич – это Алик знал – был главным дирижером «Виртуозов Города». Он опять сел. Хоть чувствовал себя премерзко.

- Ну и что? Репетиции как репетиции, - Лиля тоже сбавила обороты, в ее голосе была растерянность.

- Репети-и-ции, - снова презрительно протянула Света. – В гостинице Приморской. У него в номере.

- Кто тебе это... эти глупости наговорил?

- Кто, кто! Любка. Ее мама после ваших репетиций убирает номер... со всеми этими делами.

Лиля негромко, но с каким-то надрывом заплакала. Это и был ответ по существу.

Все, Алик получил полный комплект. Теперь можно было идти. Он встал и осторожно направился к двери.

Но Света продолжала, и в ее голосе не было жалости.

- Я уже взрослая. И все поняла бы. Я знаю, как для тебя важна работа. И терпела, до одного дня. Однажды эта сука Любка...

- Света...

- Сука, сука. Специально как-то под вечер пришла, не поленилась. И сказала, что у вас в тот день в номере была больша-а-ая репетиция с Раевичем. С шампанским. Часа на три. А ночью я вышла в туалет и слышала твои стоны и охи... Этой же ночью. Как так можно? Я чуть не сдвинулась.

- Света, я... - и опять тихий, надрывный плач.

- Я не могу с тех пор смотреть вам в глаза. Тебе и этому тюфяку Алику.

- Он-то при чем?

- Как можно быть таким? Как можно это допускать? Крем-брюле в брюках.

Это уже было сверх комплекта. Алик решительно вышел и громко хлопнул дверью. Пусть слышат.

Он не помнил, как доехал до дачи. Мотался по городу часа два. Мобильник звонил беспрерывно. Лиля. Разговаривать с ними он не мог. Зашел в спальню и улегся в костюме на постель. С ногами. Это считалось недопустимым преступлением, но теперь все изменилось.

В таких случаях есть единственный выход, чтобы смягчить шок, – напиться как следует. Что он за человек, если даже этого не может? Организм, видишь ли, не принимает. А если надо? Он встал, нашел бутылку «Мерло» из отцовских запасов и заставил себя выпить полный стакан вина. В два приема. Полегчало или просто показалось? Телефон продолжал непрерывно звонить.

Он подумал - они там решат, что у него инфаркт, или что он руки на себя наложил, или в аварию попал. Жестоким Алик не был. Он взял трубку. Не дожидаясь вопросов, внятно сказал:

- Я все слышал, стоял в прихожей. Я знаю, что это не выход, но не могу вас видеть. Пока не могу. Ни одну, ни вторую. Прошу вас, оставьте меня в покое, хотя бы на время. Я буду на даче. Все. Прошу вас.

Кто-то на том конце всхлипнул. Он положил трубку. Звонки прекратились.

Он вышел во двор. Знобило, хотя на улице еще было по-летнему тепло. Взял из гаража пару дровишек, немного щепок, бутылочку с растопкой. Разжег камин. Вынес кресло и табуретку – вместо стола, - прихватил бутылку вина и стакан. Начался одинокий вечер у костра. Сколько их еще будет, одиноких вечеров? Воскресенье, было тихо. Соседи, те, кто еще оставался на дачах, уже укладывались спать - *завтра* рабочий день. На вилле Стручковых тоже было темно. Регина с Сережкой должны были уехать в город. Детский сад, работа... Валентина Ивановна наверно уже спит.

Кажется, Ванга-Метельский был прав. Кажется, начинается новая жизнь. Возврат в старую невозможен, в таком случае его будет презирать даже собственная дочь. За новую жизнь стоило выпить. Он налил полный стакан. До краев.

- Выпьем за будущее. Не знаю пока, - вслух сострил Алик, - пить за это будущее нужно чокаясь или не чокаясь?

Джентльменское соглашение

Федор Васильевич, как и его сын, был жаворонком. И вообще у мужчин Метельских с каждым годом во внешности, поведении и манерах становилось все больше общего. Не знаю, доволен ли был всем этим сходством Алик, но против очевидности не попрешь.

Итак, Федор Васильевич был жаворонком. А последние годы, когда рано вставать никакой необходимости не было, эти птичьи тенденции доходили до гротеска. Он просыпался часов в шесть утра и дальше мог валяться в кровати сколько душе угодно – даже намек на сон не было. Только бока начинали болеть.

В описываемое нами утро исторического визита самой Риты Аркадьевны он проснулся еще раньше. На улице чуть светало. Вставать в такую рань никакого смысла не было, и он остался в постели. Решил поваляться, пока не заболит правый бок. Последнее время он его беспокоил. Где-то в районе печени. Не исключено, что это действительно связано с печенью. Давно пора, удивительно, что никаких признаков этот орган пока не обнаруживал. Заслуга в таком долготерпении – подумал с привычной самоиронией Федор Михайлович – исключительно его грузинских предков. Сам он делал все возможное и невозможное, чтобы проверить, сколько эта прекрасная наследственность может выдержать. Оказалось, много, как минимум 50 лет беспорочной службы печени в тяжелом режиме. Можно праздновать юбилей.

Ворочаясь с боку на бок, он стал составлять график работ для встречи почетного гостя.

Визит состоится в двенадцать часов. Мыться, бриться и одеколониться нужно поближе к этому времени. В половине одиннадцатого начнем. Подготовка костюма, рубашки, если нужно глажка - часов в девять. А нужно еще убрать в квартире. Ого, не так много времени остается! За последних два-три года безделья Федор Васильевич научился все делать крайне неторопливо и очень много времени терять попусту – бесценное качество для безработного пенсионера.

Насчет угощения. Его не нужно. Не стоит позориться ни с сосисками, ни с яичницей. Она сказала – заедем перекусить. Хотя обед у нее дома одно, а вот ресторан принципиально другое. Он не может позволить себе, чтобы богачка водила его в ресторан как какого-то – он чуть не подумал «альфонса», но потом опомнился. Совсем другой случай, ни с какими амурами это не связано. И переформулировал: как какого-то бомжа. Он сам поведет ее в ресторан и оплатит счет. Еще осталось двести долларов, тех, что в обязательном порядке, со скандалом ежемесячно дает ему Алик. Вполне хватит на ресторан. Хотя, конечно, дорого, но тут уж ничего не поделаешь. Чувство собственного достоинства и должно стоять недешево.

Но возникает другая сложность. Федор Васильевич привык часов в одиннадцать, за час-полтора до обеда заскочить в соседнюю винарню и выпить стаканчик холодного сухого вина. Для аппетита и тонуса. К хозяйке на обед-отчет он всегда, естественно, приходил без этой заправки. Как стеклышко. Но сейчас – признался себе Федор Васильевич - он все-таки немного нервничал, и для большей легкости в общении было бы нелишним... А кстати, может, и она захочет немного «Солнечного», того, которым каждый раз его угощала? Вот и соломоново решение – он спустится в винный подвальчик и возьмет бутылку «Солнечного». Если возникнут варианты, то можно будет пригубить при встрече, а если сильно припечет, то и до встречи.

Диспозиция была готова, а вставать еще рано. И мысли Федора Васильевича повернули в неожиданном направлении. Конечно, хозяйка женщина напористая. Чересчур. И временами доходит до бесцеремонности. Да и шуточки у нее... Еду с предложением руки и сердца... Не каждая женщина позволила бы себе такую шутку.

Но, кстати, о женщинах. В этом смысле Федор Васильевич рассматривал достоинства Риты Аркадьевны только по отношению к ее бойфренду Брагину, еще относительно молодому, подтянутому и богатому. И нашел, что хозяйка в этом варианте проигрывает. А вот как она смотрится с его точки зрения, простого раба божия на пенсии? Как женщина? Что бы он в этом смысле о ней думал, если бы она была на месте, скажем, бедной Лизы? Не Карамзина, а той, которой он делал предложение, но без руки и сердца. Коммунальное предложение. Для которой, кстати сказать, и сам Метельский, как оказалось, не вариант. Конечно, хозяйку нелегко даже мысленно отделить от ее материальной базы и при этом быть объективным. Потому что сознание независимости влияет на ее поведение, манеры и отношение к окружающим. А ее бестактность может быть не нахальством, а просто раскованностью, вполне нормальной для некомплексующего человека. Ведь она его никогда не унижала, просто подкалывала, как это всегда было принято в Городе. Чем Город и был славен.

«Теперь уже можно вставать», - наконец решил Федор Васильевич.

А к двенадцати часам все было выполнено в соответствии с планом. Он успел в том числе сбежать в винарню. К сожалению, «Солнечного» не было, пришлось купить белое, типа «Алиготе», продавщица сказала, что необыкновенно вкусное. Они всегда так говорят. Сообразил в магазине напротив купить еще красивую коробку конфет. К белому вину пойдет.

Рита Аркадьевна, как и положено женщине, немного опоздала. В десять минут первого раздался звонок в дверь. В прихожей Федор Васильевич бросил последний взгляд в зеркало. Кажется, все в порядке. Светло-серые наглаженные брюки, светлая рубашка с розоватым оттенком, гармонирует с цветом его щек – он все-таки успел пригубить стаканчик и еще чуть-чуть белого и действительно вкусного вина. Темный пиджак, еще довольно новый, и строгий галстук. Нормально.

Открыл дверь. Рита Аркадьевна тоже не ударила лицом в грязь. Он всегда видел ее в брюках, когда было жарко - в шортах. Сейчас она надела приятных голубых тонов платье из какой-то шелковистой ткани, выгодно подчеркивающее достоинства ее фигуры. Впервые он увидел ее в макияже, с аккуратной и довольно пышной прической. Туфли на высоких каблуках... Федор Васильевич должен был признать, что все в комплекте выглядело очень эффектно. В таком виде она могла быть достойной парой и самому Брагину. В руке она держала красивый довольно большой пакет...

Федор Васильевич так впечатлился всей этой картиной, что не двигаясь с места, брякнул:

- Добрый день, Рита Аркадьевна. Я готов, мы можем идти.

Это было не самое удачное начало.

- Федор Васильевич, это значит «позвольте вам выйти вон»?

- Нет, я вовсе не в том смысле, я... чтобы не заставлять вас ждать, - Метельский окончательно сбился и затих. Мелькнула мысль – совсем сбрендил, то ли перепил, то ли недопил. Но от двери отодвинулся.

Рита Аркадьевна понимающе засмеялась и пришла ему на помощь.

- Ясно, демонстрируете усердие. Отставить, вольно. Теперь пригласите меня войти, отдохнуть, посмотреть, как вы живете.

Он начал приходить в себя. И уже с долей иронии повторил за ней:

- Рита Аркадьевна, приглашаю вас войти. Отдохнуть, посмотреть, как я живу.

- Уже лучше, - и она привычно и весело рассмеялась.

Нет, определенно общение с нею давалось легко.

Дальше все было по-свойски и без всякого напряжения. Она оставила пакет на журнальном столике в гостиной и действительно прошлась по квартире, посмотрела, как он живет. Одобрила чистоту и аккуратность. На кухне отметила, что по набору посуды видно - яствами хозяин себя не балует. Даже открыла холодильник, и как ни странно, это не показалось Метельскому бесцеремонным.

На верхней полке одиноко лежала бутылка вина в соседстве с коробкой конфет. На нижней - коробка яиц и слегка зачерствевшая булка. Не густо.

- Это для меня или для ваших подружек? Или НЗ?

Рита Аркадьевна, очевидно, имела в виду вино и конфеты.

- Специально для гостя куплено, еще свеженькое. Даже недостаточно охладилось.

Метельский старался поддержать ироничный стиль беседы.

- Федор Васильевич, должна вас предупредить. У вас могло возникнуть обо мне превратное мнение. Я с утра никогда не пью, - Метельский пытался вставить слово, ему не дали, - и в обед тоже редко. Для вас, дорогой мой, делала исключение.

«Дорогой мой» - отметил Федор Васильевич - прозвучало исключительно как форма вежливого обращения.

- А вот вечером, у телевизора или за приятной беседой люблю выпить бокал-другой сухого вина. Лучше нашего, Лиманского винзавода. Вкус у меня простой.

Он развел руками, хотел как-то пошутить - не дали.

- Но так как вы купили белое вино, хотя мы всегда пили красное, то может, это знак свыше? А я – вот совпадение - принесла виноград, как чувствовала, что будет «Алиготе». Давайте по этому поводу нарушим традицию и несите все это на стол.

Метельский с радостью схватил бутылку и конфеты.

- Федор Васильевич!

- Да? - он остановился.

- Не обольщайтесь, я имела в виду только мою традицию не пить с утра, - она наклонилась к его лицу, демонстративно приносиваясь, давая понять, что хозяин квартиры разоблачен.

- А может, я для смелости и для облегчения контакта, - развеселился он, - не каждый день на дом начальство приезжает.

- Или по привычке? Бросьте, Федор Васильевич, я деловая женщина, и на вас у меня полное доверие. И не только от Алики.

- Ох уж эти дети...

Рита Аркадьевна вынула из пакета две огромные грозди белого, просвечивающегося винограда, сама лично помыла их под краном, сама в шкафчике нашла большую и глубокую тарелку, сложила туда виноград. Вынула два фужера, две плоские тарелочки, сполоснула. Все это установила на журнальном столике. Федор Васильевич бестолково болтался где-то поблизости.

Но потом он спохватился, придвинул журнальный столик в угол между одинарным и двойным креслом, предложил госте более удобное одинарное. Сам разлил вино по фужерам. Чокнулись - за здоровье, вежливо пригубили. Вино определено было вкусным и прохладным. А виноград оказался без косточек – очень кстати. Если бы приходилось куда-то сплевывать косточки или вынимать их аккуратно пальчиками изо рта и сбрасывать в тарелочку, то беседа утратила бы интеллигентность.

После первого фужера и разговоров о погоде Федор Васильевич перестал думать: «А зачем она пришла?» - задал вопрос, который его давно интересовал:

- Рита Аркадьевна, как становятся богатыми? Это талант такой?

- Каждый по-своему. Большинство что-то присвоили, когда было можно. Или украли. Можно и почти честным путем, но до какого-то предела. Но в человеке должно быть желание разбогатеть. И инициатива. Это точно способности, не каждому дано.

Метельский невольно ухмыльнулся – сказано все это было с самоуважением. Рита Аркадьевна расшифровала ухмылку и, кажется, обиделась.

- Я, между прочим, была обычной училкой географии...

- Ну-у? Как моя покойная жена.

- И когда жрать было нечего, двое детей на руках и муж доцент, стала челноком. Помните такое? Привозила на себе шубы из Греции, кожу из Турции. Но я человек энергичный...

- О да! – смело вставил Метельский, была уже середина второго фужера.

- Нечего ехидничать. И объединила несколько челноков.

- Не таких энергичных?

- Представьте себе.

Они чокнулись и пригубили. На равных.

- Потом вошла во вкус, в голове обнаружился компьютер и где-то еще интуиция. Где у женщины интуиция?

- Боюсь предположить...

Хозяйка заливисто рассмеялась. Смех стал звучать примерно в той же тональности, что и вчера вечером, когда речь шла о предложении руки и сердца.

Рита Аркадьевна с воодушевлением продолжала мемуары:

- Три контейнера на оптовом рынке - это было только начало. Потом родилась главная идея. Я посадила в помещении тридцать безработных швей, мы распарывали импортные платья, делали шаблоны и шили такие же свои. По виду не отличишь. Был грех, и наклейки делали «мейд ин...». Тогда все было можно. Это и был большой бизнес. Потом несколько мастерских, новое оборудование, наши дешевые товары во всех будках, на рынках, в маленьких магазинах – везде.

Она вздохнула и продолжила:

- И наши взятки тоже везде.

- А муж что делал?

- Он у себя в науке так ничего и не изобрел. И умер.

Все-таки на взгляд либерального Метельского, это было жестко сказано.

- Сочувствую, - вежливо сказал он и еще долил немного. Выпили не чокаясь. Но Рита Аркадьевна не взгрустнула.

- Давно это было. Шесть лет тому назад. Он был старше меня на одиннадцать лет. Сейчас ему было бы столько же, сколько вам. С чем вас и поздравляю.

- Меня? С чем?

- С тем, что вы живы. И еще неплохо смотрите.

Метельский попытался было долить вина, но Рита Аркадьевна решительно прикрыла ладонью свой фужер.

- Пока хватит, пора поговорить о деле.

- О каком деле, - осторожно спросил Метельский, - о джакузи?

- Нет. О предложении. Только давайте сначала перейдем на «ты» и по имени. Слишком много времени уходит на Федора Васильевича и Риту Аркадьевну.

- На брудершафт? – с готовностью пошел по накатанному с подружками пути Метельский. Однако почему-то немного встревожился.

- Пока без брудершафта, - и она продолжила, легко перейдя на новые рельсы. – Федя (даже не Федор), я все о тебе знаю. С одними твоими недостатками можно мириться, другие

можно смягчить. Я думаю, что, скажем, одного стакана хорошего вина в конце дня в твоём возрасте вполне достаточно. Иногда два.

Федор Васильевич удивился ее чутью – он и сам в последнее время думал в точности то же самое.

- А вот теперь, что тебе нужно бы знать обо мне. Через три года после смерти мужа я еще крутилась по инерции. Потом как отрезало. Работа опротивела. Видеть все это не могла. Я продала дело хорошим двум партнерам, оставила себе проценты. Да и за границей отложено, мне хватит. Тем более, что я не хочу ни островов, ни яхт, ни футбольных клубов. Я хочу спокойно и с удовольствием пожить. Насколько это возможно в моем возрасте.

Бывший Федор Васильевич, отныне просто Федя, налил себе еще полный фужер. Кажется, дело действительно шло если не к предложению руки и сердца, то к чему-то похожему. Вот уж действительно быка за рога! И как на это реагировать?

Он выпил почти весь стакан и стал немного упускать подробности ее рассказа. Хотя общий смысл понимал.

У нее есть большая квартира в городе, но она расположена над бывшим ее офисом. А во дворе мастерские. И жить там ей нелегко. Кукует одна, как дура. Дел нет, домой незамеченной ни войти, ни выйти - здарсьте Рита Аркадьевна, как себя чувствуете, что-то вы все время дома, все время одна, не скучаете ли? Как под микроскопом. Тусоваться в обществе она не хочет и не умеет, всю жизнь вертелась как белка в колесе. Потому и строит дачу, потому и живет в хибаре. Это ему было понятно.

А на даче одной страшновато, уже осень. Охрана есть, но будка охранников за углом. Непокойно.

Метельский почувствовал, что стало горячо. Наступила долгая пауза, но он эту паузу не заметил. Рита Арк... простите, Рита молчала и вопросительно смотрела ему в глаза. Он тоже буквально уставился на нее – красивая женщина, умная, богатая. Все прекрасно. Непонятно одно – он-то ей зачем?

И минуя все предварительные этапы – сказалось «Алиготе» – так напрямую и спросил:

- Вам-то я зачем? Как охрана? Какой из меня телохранитель?

И тогда богатая, энергичная и остроумная Рита, буквально теми же словами, которыми простой пенсионер Федор Васильевич объяснялся с бедной Лизой, предложила:

- А не попробовать ли нам пожить вместе? Ты один, и я одна. Как ты думаешь?

Федору Васильевичу невольно пришло на ум: «Богатые тоже плачут». Хоть понимал, что такая аналогия некорректна. Правда, Рита добавила очень важные слова, которые он даже не собирался говорить Лизе:

- Ты мне нравишься.

Это принципиально меняло дело.

- Рита Арк... Рита! Я не слепой и не дурак. Я же вижу тебя. Прямо перед собой. Ты не можешь не нравиться!

Это было сказано очень непосредственно и не могло не произвести впечатления. Произвело. Рита заулыбалась.

- Но есть очень много различных «но». У меня нет денег. А у тебя много. Как ты говорила: «Сменился ветер своенравный, и ты опять уходишь к равной». Так и получится.

- Зачем мне богатый, у меня хватит на двоих.

- Как зачем? Чтобы человек не чувствовал себя альфонсом.

- Старых альфонсов не бывает.

Они оба дружно рассмеялись. В чувстве юмора им не откажешь.

- Допустим, но ты без труда можешь найти кого-нибудь помоложе. В этом качестве.

- И буду чувствовать себя с ним старой. Все в мире относительно.

- Понятно, а со мной ты будешь...

Рита совсем развеселилась.

- Да, красивой и молодой. А ты поможешь мне остаться веселой и жизнерадостной. – Она стала серьезной. – Федя, сейчас очень мало осталось жизнерадостных и добрых людей, – опять заулыбалась, – и симпатичных. Как Карлсон, который живет на крыше. Но без пропеллера.

- Ох уж этот Алик. Болтун - находка для шпиона.

Он пытался собраться с мыслями. Хватит уже вопросов, нужно было что-то отвечать. Зря старался. Все-таки между богатыми и бедными, точнее между бизнес-вумен и обычными матронами-подружками есть разница. И немалая.

Решительно и совсем другим тоном Рита Аркадьевна продолжила:

- Все что я сказала, это только информация к размышлению. Подумай. Но смотри, сейчас даже молодые не слишком долго приглядываются друг к другу, а все решают опытным путем. Они знают, что нравишься-не нравишься это теория, а совместная жизнь - практика. В нашем возрасте тем более - для нас время дорогого стоит. Все. Пошли за джакузи.

Она легко поднялась, унесла и сполоснула посуду, тарелку с остатками винограда положила в холодильник. Федор Васильевич явно не успевал за событиями. То испытывал подъем и воодушевление, то временами казалось, что по нему проехал каток.

- Пиджак возьми. Сначала зайдем куда-нибудь. Поедим.

Метельский сделал последнюю попытку сохранить лицо:

- Хорошо, но при одном условии - я угощаю.

Он нащупал в кармане двести долларов. Невольно вынул – проверить, деньги ли это. Рита Аркадьевна все замечала. В глазах у нее снова запрыгали веселые чертики:

- Последние доллары? Хорошо, ты угощаешь. Все равно, теперь тебе деньги скоро не понадобятся.

Вендетта

Алик проснулся довольно поздно, часов в восемь. Сказалась предыдущая бессонная ночь, очень напряженный день и разгульный – в смысле бутылки «Мерло» - вечер. И если вчера им безраздельно владела только обида, огромная, чудовищная обида, то утром на свежую голову мысли и чувства стали более сложными. Появилось, разумеется в дополнение к обиде, осознание вины, пока только перед дочерью. И жалость к ней вместе со злостью. Чего больше, Алик понять не мог. Но твердо знал одно - видеть ее и Лилю он пока не хотел. Сказать ему было нечего. Он по-прежнему оставался «крем-брюле» не только в глазах дочери, но и в своих собственных.

А как должен с точки зрения молодой современной максималистки в данном конкретном случае поступить нормальный мужчина, мужик, не тюфяк? Тут сомнений не было – не тюфяк и не размазня должен набить морду дирижеру, а может даже дать пощечину опозорившей его бывшей жене – слово «бывшей» он мысленно произносил с особым мстительным удовольствием.

Впрочем, насчет пощечины Алик уверен не был, это противоречило всей его сущности. Нет, и речи быть не может. На такой шаг он не пойдет даже ради спасения жалких остатков своего авторитета. Но зато основной вариант все больше и больше овладевал его мыслями.

Хотя может, дирижер ни в чем и не виноват? Может, Лиля сама?..

Нет, вряд ли. Нужно изо всех сил постараться быть объективным к своей бывшей жене. Его бывшая жена могла бы увлечься – это при ее-то темпераменте! Но соблазнять мужчину ради карьеры – нет, на его бывшую жену при всех ее вопиющих недостатках это не похоже.

И тут Алик вспомнил, что давно, несколько месяцев тому назад его бывшая жена рассказывала сомнительную с моральной точки зрения – она именно так ее и назвала – историю одной своей знакомой. Подробности он запомнил, но определенно были важные гастроли, солидная антреприза, решалась судьба актрисы. И кажется, режиссер прямо сказал женщине, открытым текстом – не дашь, не возьму! Да, да, именно так и сказал. Алика тогда наглость формулировки поразила. А вот чем дело закончилось, он не помнил.

Ну конечно же! Нет никаких сомнений, очень похоже на Лилину манеру покаяния – это была автобиографическая история под псевдонимом некой актрисы. Чистоплюйский характер его бывшей жены – он не стеснялся в выражениях – требовал самобичевания, ее безусловно тяготила эта нелегкая ноша, пепел Клааса стучал в ее сердце. Кажется, тогда Алик сказал что-то вроде «не судите да не судимы будете», и это без сомнения было воспринято как индульгенция. Но сейчас дело не в этом, главный вывод – вне всяких сомнений патлатый стареющий мелкий музыкальный бонвиван поставил ей нелегкое условие. Нагло и напрямую. В какой-нибудь Америке он бы отмотал за это приличный срок. Но у нас...

С соседней дачи донеслись голоса Тамары, Валентины Ивановны и, к удивлению Алика, Регины. Она не уехала? По некоторым репликам, он понял, что Сережка вчера перекупался и простыл. Любящая бабушка не разрешила вести его в город. Нужно было не демонстрировать свое присутствие, не хватало еще вопросов типа «что случилось?». Тактичная Валентина Ивановна не будет вмешиваться, а вот непосредственная Регина вполне может проявить заботу. А заодно и любопытство. Из домика выходить не стоило.

Алик отварил на завтрак немного замороженных пельменей, ничего другого в холодильнике не было. Как и положено, вчера его бывшая семья все добросовестно доела. Механически он эти пельмени сжевал, даже не полив их маслом. Вкуса не почувствовал. В голове царил абсолютный хаос, он забивал все ощущения.

Через сумбур мыслей проходила одна основная, она требовала немедленного решения. Вопрос гамлетовского масштаба - бить или не бить морду Раевичу? Бить или не бить?

Я несколько не преувеличиваю масштаб этого решения. Речь идет о перестройке мировоззрения, о другом подходе к реальной жизни. Если хотите, Алика посетила философская проблема, которая больше подошла бы Федору Васильевичу в состоянии солидного опьянения, чем тому крем-брюле, которым пока еще являлся его сын.

Может, действительно Лиля права, и ему следует занять более активную жизненную позицию? В данном конкретном случае бить морду. А в более общем варианте - не отлынивать, а добиваться максимального успеха – и денег, – чего он определенно не делает. А ведь на этом весь прогресс держится. В этом его долг перед собой и своими близкими. И даже долг перед уже упомянутым прогрессом. Если бы большинство к этому не стремилось, то мы бы до сих пор голыми бегали по лесам с камнями наперевес.

Но Алика по-прежнему смущало, что такая активная позиция плохо стыкуется с сомнениями, идеалами, романтикой, с пониманием и терпимостью. И в конце концов с удовольствием от жизни. У человека, который сражается, борется, а главное добивается успеха – и денег, – все эти сантименты только отнимают время и силы, уменьшают решительность. Ограничивают. Как витязя пред камнем - направо пойдешь... налево пойдешь... прямо пойдешь... – смотришь, а тебя уже обошли.

Алик перемыл посуду, подмел, даже помыл пол в кухне. Затем позвонил своему начальству – Сердюку, который, по мнению Лили, мышей не ловит, сказал, что пару дней на работе не появится.

- Нет, не заболел. Дела, - он чуть не сказал семейные, но спохватился, - разные.

И не дожидаясь ответа, положил трубку. Разрешения ему не требовалось. Положение у Алика в фирме было куда более прочным, чем у Сердюка. Алик мышей ловил. Ловил неплохо. Его регулярно приглашали в другие фирмы на более солидные оклады, чем он получал в «Эйр кондишин». Но консервативность и почти полное отсутствие жизненной активности в Лилином понимании... Словом, Алик ценил свою независимость и возможность успешно совмещать работу с другими интересными вещами, о которых я расскажу немного позже.

Чем теперь заняться? На территорию дачи выходить не стоило, Регина и Валентина Ивановна по-прежнему были у себя на террасе. Читать не хотелось. Телевизор Алик не любил. Лег на кровать в одежде – демонстративно. Лиле назло.

А ведь эта история с дирижером длится как минимум год – он помнил, когда начались ее успехи. И кто-то из великих сказал, что один плохой поступок тянет за собой цепочку еще худших. В данном случае он увидел прямое тому подтверждение. Если бы Раевич не сделал наглое предложение, его бывшая жена не пала бы так низко, и главное, вполне возможно, что дочь не связалась бы назло матери с каким-то богатым извращенцем. И – может быть – не докатилась бы до такого озлобленного цинизма.

А тогда со всей определенностью следует вывод – если Алик набьет морду павиану, то тоже возникнет цепочка, но положительная. Какая - он пока себе не очень представлял. Н-ну хотя бы, предположим, Света хоть немного зауважает отца, что само по себе уже неплохо. А может, поверит, что какая-то справедливость есть на этом свете и бывает иной раз наказание за моральное преступление...

Словом, он с большой неохотой решил, что хватит валяться на кровати, пора действовать.

Стараясь не шуметь, Алик вышел на дорогу, сел в запаркованную у тротуара машину и отправился в гостиницу «Приморскую», ощущая себя в роли мстителя Зорро полным идиотом.

Ему не повезло – Раевич оказался в номере. Еще бы, ведь не было и одиннадцати часов, для деятеля культуры раннее утро. И в гостинице Алика никто даже не пытался остановить – девушка в роли портье без лишних расспросов ответила:

- Раевич, дирижер? Триста двенадцатая комната. Третий этаж, лифт за углом направо.

И номер оказался недалеко от лифта. Алик вежливо постучал, хотя по канонам подобных историй нужно бы грубо с треском, а еще лучше ногой открыть дверь.

- Войдите.

Алик вошел, дверь за собой прикрыл неплотно.

Зато сам павиан канонам вполне соответствовал - он выглядел как соблазнитель из дешевого фильма. Был в роскошном бордовом халате, невысокий не то стройный, не то щуплый – из-за халата трудно было определить. Длинные седые волосы сзади перехвачены черной ленточкой, не резинкой. Квадратные современные очки. Лицо потрепанного бабника, как определил Алик. Может, вы считаете такое описание лица необъективным и недостаточно конкретным, но я за Алика вступлюсь – есть лица, на которых написано «бабник», или как еще более точно определяли пару веков тому назад – «сладогострастник». У Раевича было одно из таких лиц. Это облегчало задачу мстителя.

- Чем могу служить? – литературно и музыкально – профессия обязывает – спросил дирижер и вежливо приподнялся со стула.

Как конструктор со стажем, Алик был последователен и методичен. Необходимо прежде всего убедиться, справедлива ли его версия и насколько виновен Раевич.

- Я Метельский, муж той самой Лилианы, с которой...

Алик затормозил, в поисках нужного определения.

- Ну и что? Ну и что? – заторопился Раевич. - Что за сплетни...

Алик начал терять терпение.

- Какие к черту сплетни?! Вы ей сказали прямым текстом: «Не дашь – не возьму в оркестр?» Сказали? Да или нет?

- А кто, кроме нее, это слышал? Есть свидетели? Кто? Мало ли что она наговорит, – начал наглеть Раевич, видя, что никаких действий рога носец пока не предпринимает. Тут бы ему остановиться, но куда там. – Ну, сказал. И не взял бы в оркестр. Но не силой же тащил? И вообще, милейший, не напрасно в народе говорят – сучка не захочет, кобель не вскочит!

Это было лишнее. Наглое хамство павиана и почему-то особенно фальшивое и допотопное обращение «милейший» наконец развязали руки Алику. В переносном смысле.левой рукой он притянул к себе поближе оказавшегося легким наглеца, правой снял с него очки, бросил на пол и неожиданно для себя с хрустом раздавил их ногой. Затем отвесил той же правой рукой звонкую оплеуху. Рука Алика была очень приличного размера, тяжелая рука. Раевич выскользнул из захвата и, как в кино пролетев метра два, шлепнулся на постель. Оказалось, что возмездие не только не сложное, но даже приятное дело. Алик шагнул к кровати, схватил Раевича за отвороты халата правой рукой, рывком поставил его на ноги, и оплеуха обрушилась на дирижера слева. Он плюхнулся на журнальный столик, с грохотом опрокинул его на себя и на сей раз совсем уже немзыкально завопил:

- Вы что творите? Бандит!

Из носа у него буквально фонтаном хлынула кровь. Это было слишком эффектно и остановило Алика. Он пришел в себя и даже почувствовал неловкость. В двери постучали.

- У вас все в порядке?

- В порядке?! – совсем визгливо вопил музыкант. - Уберите этого бандита.

Дверь открылась, появилось две женщины. Одну из них Алик откуда-то знал. Он развел руками и пояснил:

- Это не могло оставаться безнаказанным.

И вышел из номера. Женщины испуганно шарахнулись в стороны. Крупный, даже массивный, с одной окровавленной рукой – левой – он производил эффектное впечатление. Сзади раздавались вопли Раевича, но Алика никто не остановил. Он сел в машину, вынул из бардачка салфетку, тщательно вытер руку от крови и брезгливо бросил салфетку на пол.

Приехав на дачу, он сполоснулся под душем, прямо из бутылки допил остатки «Мерло» и улегся спать. Перековка началась? Может быть. На душе было немного противно, но чувство исполненного долга все-таки побеждало.

Света будет довольна.

Проспал Алик часа три. Но когда проснулся, все положительные эмоции исчезли без следа, а ощущение, что он вляпался во что-то непристойное, усилилось. Кажется, перековка пока отменяется. Он чувствовал, что свалил дурака и долго еще будет сожалеть о своем благородном поступке. Откуда взялось такое предчувствие, неизвестно, ведь с раннего утра он логически доказывал себе, что иначе поступить просто невозможно. Давайте будем считать это интуицией.

Интуиция нашла вполне реальное подтверждение буквально через несколько минут.

Раздался шум подъехавшей к забору дачи Метельских машины, затем громкий стук в калитку, вместе с возгласом:

- Открывайте, мы знаем, что вы там.

Почему стук и крики? Там есть кнопка звонка, она хорошо видна. Пока Алик надевал спортивные брюки и майку, влезал в тапочки, грохот и окрики продолжались.

- Иду, иду, перестаньте стучать, - он уже догадывался, что это милиция, кто бы другой решился появиться с таким шумом? Открыл калитку.

И действительно, почти вплотную к воротам стояла милицейская машина с работающей мигалкой, скажите спасибо, что сирену не включили, появление было бы еще более эффектным. Во двор вошли два человека, один постарше в гражданской одежде, другой совсем молоденький в милицейской форме. Шофер остался в машине.

Старший в гражданском, с дипломатом в руке был настроен серьезно. Это был мужчина средних лет, среднего роста, средней внешности. Но взгляд его довольно-таки небольших глаз был пристальным и нарочито-внимательным. Наверно, подумал Алик, вырабатывал такой взгляд перед зеркалом. А молоденький милиционер все время радостно улыбался, ему приключения, судя по всему, еще не успели надоесть.

- Метельский Александр Федорович? Следователь Рабенко. У нас есть предписание на ваш арест. Вы обвиняетесь в жестоком избиении с нанесением тяжких телесных повреждений господина Раевича, - старший открыл дипломат, достал папку, заглянул в нее и продолжил: - Раевича И. Г.

За забором со стороны соседних участков появились головы - такие приключения на дачах происходят не каждый день. Калитка к Стручковым приоткрылась, из-за нее выглядывали Регина и Тамара.

- Давайте пройдем в дом, - предложил Алик.

- И в дом пройдем, не сомневайтесь, - успокоил его следователь. - У нас есть разрешение на обыск.

- На обыск? - наконец не выдержала и вошла в калитку Регина. - В конце концов, что тут происходит? Вы можете по-человечески объяснить?

Следом за ней потянулась Тамара. И наконец в проеме появилась Валентина Ивановна, но осталась на своей территории. Все соседи в полном составе! Алик с радостью провалился бы сквозь землю.

- Очень кстати, - обрадовался следователь, - нам как раз нужны двое понятых. Вы с ним не родственники?

- Нет, не родственники. Да расскажите в чем дело?

- Очень просто.

- Дуже просто, - перевел молодой милиционер. Он только недавно приехал из села в Город, закончил школу милиции и стал не просто законным гражданином и Горожанином, но и начальником, человеком, обладающим властью. Как можно было этому не радоваться?

- Господин Метельский ворвался в номер главного дирижера оркестра «Виртуозы Города» и жестоко его избил.

- Ага, дуже жорстоко, - опять поддержал милиционер.

- С какой стати? - впрочем, Регина уже догадалась, с какой стати. Название оркестра ей все объяснило. От этой стервы Лили только такого и можно было ожидать... Бедный Алик. Но все-таки молодец.

- А из-за чего все происходит? - пожал плечами бывалый следователь. - Или из-за водки, или из-за бабы. В данном случае из-за... - он сдержался и дипломатично продолжил: - из-за последнего.

- Ага. В данном выпадку из-за жинки, - перевел милиционер и весело рассмеялся. – Точно. Вин цэ зробыв из-за жинки!..

Это было просто ужасно. Перевод жизнерадостного милиционера не оставил никаких сомнений, хотя и так было ясно, о чем и о ком идет речь. «Жинка» с украинского переводится и как «женщина» и как «жена».

Регина вопросительно посмотрела на Алика. Он пожал плечами и пробурчал:

- Ну, влепил я ему две пощечины...

- Пощечины?! – возмутился следователь. - Вы ему нос свернули набок. Он теперь в больнице.

- Ага, - милиционер радовался все больше, улыбка становилась все шире. – И нис набик! Вин у ликарни!

Алику показалось, что Регина посмотрела на него с удивлением, смешанным с восхищением. Почему женщинам нравится, когда мужчины совершают нелепые поступки?

- И что ему за это будет?

- Срок у него будет, годика эдак на два.

Регина ахнула.

- Года два? Как так можно? Разве мужчина уже не может дать по морде нахалу? Это уже совсем конец света!

Следователь давно бы прекратил дискуссию с понятыми, если бы одна из них не была такая загорелая, аппетитная, в коротеньком домашнем халатике.

- Все зависит от того, кому дали по морде. Если у нахала есть крыша, значит, виновный будет сидеть.

- Ага. Якщо е рука нагори.

- Уже и документы оформлены. Так что у нас остались только формальности.

- Быстро вы сообразили, за каких-нибудь три часа. Приличная у Раевича крыша. И меня разыскали, и все оформили, и дачу нашли.

Алик не вчера родился. Он знал ситуацию в городе. Несколько его знакомых пострадали от рэкетиров, были жестоко избиты. Не то, что какая-то там оплеуха Раевичу. И все прекрасно знали, чьих рук это дело. Но правосудие не только не торопилось, но просто откровенно и демонстративно не двигалось с места. Не говоря уже об обычных рядовых случаях хулиганства и бандитизма. До милиции было непросто достучаться. А тут такая пруть...

- И с женой побеседовали.

Теперь Лиля и Света уже знают о его подвигах. Ну и черт с ним! Собственно для этого он и старался...

Валентина Ивановна очень вежливо вмешалась в разговор.

- Извините ради бога. Инночка, можно тебя на минутку?

Следователь немедленно дал согласие. И даже поздоровался.

- Добрый день. Конечно, можно.

- День добрый. Спасибо.

Регина подошла к матери, они тихонько обменялись несколькими словами.

- Спасибо. И еще раз извините.

- Ну что вы, что вы...

Валентина Ивановна, к большому облегчению Алика, ушла и закрыла за собой калитку. Он чувствовал себя в ее присутствии как нашкодивший школьник.

- Это ваша мать?

- Да. Моя мама.

- Интересная женщина. Значительная. Между прочим, вы похожи.

- Спасибо.

- Ну все, за дело. Начнем обыск.

- А что мы ищем?

- Оружие, наркотики, - следователь рассмеялся. – Ерунда, одним словом. Я же сказал – остались чистые формальности.

В течение часа продолжался обыск. Прежде всего следователь занес данные Регины и Тамары в протокол.

- Ну вот мы и познакомились, Регина Анатольевна.

- Можно просто Регина.

- А я Сергей Вик... Можно просто Сережа.

- О-О! Как моего сына. Какое совпадение.

Милиционер с явным интересом рылся в вещах, открывал шкафы, выдвигал ящики. На место, само собой, ничего не укладывал.

Следователь распорядился, чтобы второй понятой – Тамара ходила следом за милиционером и могла подтвердить, если он найдет что-то подозрительное. А сам вместе с Региной остался в кухне и мило беседовал. Алик мрачно сидел у себя в комнате. На него никто не обращал внимания. Регина явно кокетничала со следователем, и это вызывало недоумение и даже уколы ревности у Алика. Неужели все женщины одинаковы? А впрочем, молодая, свободная. И следователь не старый...

На его взгляд, следователь был как мужчина никакой. Правда, одет дорого и хорошо. «Наверняка, - зло бурчал, но на этот раз про себя, не вслух Алик, - не на свою не слишком большую зарплату, а на добровольные взносы подозреваемых и их родственников».

Время от времени на кухне появлялся милиционер и сообщал, что ничего подозрительного, кроме бутылки из-под вина в мусоре, он не нашел. Но следователь каждый раз отсылал его с Тамарой на новые поиски. В том числе приказал осмотреть машину. Алик безропотно отдал ключи.

Регина и следователь продолжали ворковать на кухне.

Примчался с горящими глазами милиционер, в целлофановом пакете у него была салфетка со следами крови.

- Нашел?

- Найшов!

- Это уже кое что... Доказательство.

- Доказ, - эхом повторил милиционер.

- Хорошо. Поищите в саду...

Так прошло часа полтора. Наконец следователь с неохотой поднялся.

- Будем заканчивать.

Все собрались на кухне. Женщины подписали протокол. Регина была явно расстроена окончанием обыска.

- Очень жаль, что так быстро все закончилось.

Тамара с удивлением посмотрела на нее и с недоумением на следователя. Может, она в нем чего-то не разглядела?

- Алик!

- Да, кажется есть такой, - саркастически пробурчал Алик. Наконец Регина вспомнила о его существовании.

- Ты что-то сегодня ел?

- Утром. Вроде бы...

- А его кормить в милиции будут?

- Завтра будут. А пока посидит в обезьяннике. Что-то вы, Регина, слишком о нем беспокоитесь.

Следователь помрачнел. Но Регина так ласково улыбнулась, что он тут же оттаял.

- Я вот о чем подумала. Не покормить ли вас всех? Все проголодались. Конец работы, можно и по стопочке выпить...

- Аякже! Авжеж! – опять оживился потухший было милиционер.

- И шофера позовем, парень, наверно, устал сидеть в машине.

- Нет, шофера нельзя, - поддержал субординацию следователь и этим дал согласие на предложение Регины.

Алик и Тамара обменялись удивленными взглядами. И возмущенными.

Тем не менее Тамара принесла поднос с вполне приличной закуской, бутылку виски. Словом, пиршество длилось еще больше часа. Регина со следователем продолжали игривую беседу. Алик не пил и не ел, кусок в горло не лез. Он мрачно смотрел на все происходящее за его столом и на его кухне. Милиционер отдал должное столу и выпивке и даже пытался петь «Посияла огирочки», но следователь его остановил.

Наконец все поднялись из-за стола, на Алика, к ужасу женщин, надели наручники.

- Ничего не поделаешь, закон есть закон.

- Аякже. Це обов'язково, - подтвердил уже явно подгулявший милиционер.

Регина чуть не плакала.

Алика посадили на заднее сиденье, с двух сторон села охрана в лице следователя и милиционера – все как в сериале о бандитах. И сопровождаемые взглядами любопытствующих соседей, они выехали на шоссе. Милиционер еще пытался что-то сообщить, но следователь его бесцеремонно оборвал:

- Хватит. Не болтай.

Дальше ехали молча.

Алик знал, где расположено отделение милиции центрального района, туда они, судя по маршруту, и направлялись.

Вдруг что-то заурчало и захрипело. Включилась громкая связь.

- Рабенко, ты слышишь меня?

Голос был определенно начальственный.

- Слышу, Виктор Михайлович.

- Вы где?

- Подъезжаем к отделению. Вместе с Метельским. Все сделали, как вы велели. И поняты и протокол. И наручники. Все в полном ажуре.

- В ажуре? Это хорошо, - начальственный голос хохотнул. – Теперь поворачивай назад и положи Метельского на место. В целости и сохранности. Заодно извинись, мол, поторопились.

- Виктор Михайлович! Вы же сами распорядились...

Голос стал еще более начальственным.

- Я распорядился тогда, и я распоряжаюсь сейчас.

- Слушаюсь, - следователь сник. – А как же дело? Оформлено, зарегистрировано...

- Положишь в долгий ящик. Есть у тебя такой? В самый долгий. Да, еще. Там у них есть соседи по даче, Стручковы. Зайдешь к ним, спросишь Валентину Ивановну, доложишь, что Метельский уже дома. Все, выполняй.

Громкая связь отключилась.

- А у нього рука ще вище, - милиционер с уважением покосился на Алика и даже немного отодвинулся от него. На всякий случай.

Следователь отреагировал иначе, он даже не пытался скрыть свою ненависть – Алик стал причиной его унижения и позора. Прерывающимся от злости голосом он сказал шоферу:

– Разворачивайся. Сами не знают, чего хотят. Что-то им стукнуло в голову...

Алик знал, что им стукнуло. Валентина Ивановна позвонила мужу, и тот связался с властью имущими. Авторитет дирижера и его связи не могли устоять против денег, разные весовые категории. Теперь Алик обязан своей свободой Стручковым. Быть в долгу перед Валентиной Ивановной только приятно, а вот Анатолий совсем другое дело. Теперь и денег добавить не попросишь, и работу не поменяешь, если припечет. Впрочем, хозяин в основном заботился о себе – в нынешнем затяжном строительном кризисе фирма «Эйр кондишин» едва ли не единственная в хозяйстве Стручкова приносила стабильный доход. Но все равно. Нужно уметь быть благодарным. Алик умел.

Он впервые за последние сутки улыбнулся. Вспомнил, как Регина внедрялась в банду и старалась затянуть обыск. В лучших традициях детектива. Чтобы не доводить дело до обезьянника. Там могли и избить за милую душу. Разведчица в тылу врага... На душе потеплело. Хорошо, когда человек не один...

Он протянул руки с наручниками.

– Будем снимать?

- Потерпишь, - доставил себе последнее удовольствие следователь Рабенко.

Черные рейдеры

Не случайно Анатолий Петрович Стручков в нетрезвом виде на описанном мною новоселье жаловался на произвол неблагодарных чиновников. И уехал он в Полетное на целый месяц, оставив без хозяйского присмотра фирму, не из-за легкомыслия. Не от желания отдохнуть и покутить на южном курорте. На все это были серьезные причины.

Я изо всех сил старался, чтобы этот роман не оказался производственным. И политизированным. Чтобы больше походил на семейные хроники. Потому что я с каждым годом все больше убеждаюсь - у большинства нормальных людей смысл жизни должен быть все-таки в семье, среди родных и близких, среди друзей. А самое главное – у каждого по настоящему счастливого человека должен быть любимый и верный друг. Раньше считалось, что друг должен быть обязательно другого пола, противоположного, но сейчас все так перепуталось, что я решил на этом требовании не настаивать. Хотя по-прежнему придерживаюсь старозаветных взглядов.

Все остальное - только фон, на котором протекают основные события в жизни человека. Этот фон может облегчить жизнь, может даже искалечить ее – если в стране беспредел. Он бывает светлым, к несчастью в истории человечества очень редко, иногда серым, а в наших с вами пенатах слишком часто приближается к черному. И на нем, на этом фоне приходится рисовать реальные картины своей жизни.

Разумеется, есть люди, для которых дело главное. Часто это по-настоящему люди талантливые, талантливые в искусстве, политике, науке, технике, экономике. Но и им не стоит завидовать, если у них нет обычной человеческой составляющей счастья. Успехи быстро забываются, быстрее, чем кончается жизнь человека, а одиночество остается с ним до последней секунды...

Откуда взялось такое длинное вступление? Похоже на то, что я оправдываюсь. Хочешь не хочешь, а мне придется сейчас поговорить о нравах в описываемый мной период. Иначе

события, произошедшие с героями, будут непонятны. В первую очередь это касается Анатолия Стручкова.

Начинал он со строительного бизнеса, но вовремя понял, что строительный рынок слишком разогрелся и кризиса в нем не избежать. Нельзя класть все яйца в одну корзину. Он выкупил прогорающий небольшой банк «Запад» и через него инвестировал вклады в несколько предприятий, по сути выкупив их. Так среди прочих в его руках оказалась и фирма, в которой работал Алик, и завод «Металлоизделия». Я не случайно упомянул этот завод, чуть позже поймете почему.

Дарын Сабитова с успехом ведала всей финансовой деятельностью фирмы, городское начальство, в первую очередь правоохранительные органы и инспекции, к Стручкову благоволили (не бесплатно). Короче – предприятие Анатолия Петровича обрастало жирком. По охотничьим законам постсоветского пространства его уже можно было отстреливать. Наступивший кризис и смена власти сделали этот отстрел в нашем Городе удивительно несложным.

Какие условия для этого должны были быть созданы? Прежде всего, Город должен был стать управляемым. В Городе, как в соседней России, должна была утвердиться вертикаль власти. Первым шагом были замены. Новая власть, решительно и не миндальничая, заменила в Городе «чужих» на «своих» на ключевых постах. И присылала неофициального, но очень влиятельного «смотрящего» – такое жаргонное определение из мест не столь отдаленных становилось общепринятым.

Замены произвели нужное впечатление. Чиновники, которых еще не заменили, тоже немедленно становились «своими» и послушными. И вот тогда произошло то, чего не ожидали ни союзники, ни противники. Началось активное черное рейдерство. То есть – объясняю для не следящих за политическими баталиями на телевидении – рейдеры, стоящие над новой верхушкой Города, стали отнимать у прежних владельцев их бизнесы. Просто отнимали – и все. Открыто. Официально. Через прокуратуру, полицию, инспекции. Без всяких юридических излишеств. Даже без судов и следствия. Старые хозяева сами все отдавали как миленькие, только стоило их как следует прижать. В этом было отличие исторического момента.

Я не берусь судить, носило ли это явление массовый характер по всей Украине и с какой высоты отдавались пиратские команды: «На абордаж!» Но в Городе все это было, сомнений никаких у меня нет. Я сам видел на немногих оставшихся оппозиционными каналах телевидения документально запечатленные кадры откровенных и даже жестоких рейдерских операций, осуществляемых руками официальных правоохранительных органов. И это только доказывало, что свобода информации, увы, не панацея от произвола. «А Васька слушает да ест».

Народ, нужно признать, реагировал на это вяло. Подумаешь, вор у вора дубинку украл. Все равно их – дельцов – состояния не нажиты трудом праведным. Украдены у народа. Поэтому правоохранитель на службе у рейдеров в каком-то виде восстанавливает справедливость.

Не перестаю удивляться такой логике, кстати очень распространенной.

Пусть эти капиталы даже нажиты трудом неправедным, но все-таки хоть каким-то трудом! А этот правоохранитель отнюдь не Робин Гуд и не Зорро. Если бы он возвращал неправедно нажитое народу, тогда еще можно было о чем-то рассуждать. Но нет, правоохранитель говорит владельцу бизнеса: просто отдай это все другому дяде, еще менее праведному, у которого власть, причем самая страшная – возможность творить беззаконие руками закона. А за это вышестоящий дядя даст правоохранителю кусочек отобранного. Но

если правоохранитель приказ не выполнит, то дядя тут же назначит на его место другого, более покладистого, и ничего от этого не изменится.

Я не жил в средние века, говорят, там было то же самое. Но сейчас другое – вроде бы – время. Или все то же?

Начало нападения на фирму Стручкова было банальным и примитивным, словно заимствованным из детской приключенческой повести. К нему явился парламентар с «черной меткой». То ли заказчики не обладали фантазией, то ли начитались Стивенсона, то ли считали всякие изгилия ненужными. По принципу – сила есть ума не надо.

В один прекрасный день, как принято писать в романах, к Стручкову в офис зашел человек и кем-то неразборчиво представился. Человечек был невзрачный, плохо запоминающийся. Правда, какой-то уголовщиной от него пахло, но не слишком, почти в пределах нормы. Он не сказал, кого представляет, кто его послал, скорей всего и сам этого не знал. Словом, говорящее письмо. Говорящее к тому же на странной смеси украинского и русского языков с добавлением «фени». «Фени», правда чуть-чуть, в пределах нормы.

Он передал, что Стручкову предлагают отдать половину акций фирмы новому партнеру, которого назовут, когда придет время. Вот так просто и откровенно все объяснил. Буквально в двух-трех предложениях. Видимо, выучил их наизусть. Если Стручков этого не сделает, то лишится всего, и не только. «Не только» было сказано угрожающе. Даны две недели на обдумывание. Вот такая история, которая бы могла показаться дикой и невероятной в наше время, если бы я доподлинно не знал, что именно так все и происходило.

За дверью офиса всегда сидела парочка мордovorотов – личная охрана Анатолия. В другое время он бы посмеялся и вытолкал парламентаря (который вряд ли знал, что означает это слово) взащей. А то и передал бы его охране, чтобы те наглеца слегка поприжали и постарались узнать, откуда он взялся – Анатолий никогда не был слишком щепетильным в выборе средств, вы это знаете.

Но по городу уже ходили слухи, что каким-то странным образом черные рейдеры отобрали солидную сеть продовольственных магазинов у одного предпринимателя, довольно крупный банк у другого. И никто – что удивительно – не жаловался. Правда – опять-таки ходили слухи – там были аудиторские проверки, аресты документации, даже участие внутренних войск. А вдруг действительно в этих случаях были особые обстоятельства, мало ли что? Слишком проворовались или что-то натворили. Например, в торговой сети, о которой я упоминал только что, опечатали продуктовый склад, в этом участвовала санитарная инспекция. И действительно, в близких к базе кварталах еще долго витал тошнотворный запах тухлых продуктов. Одно было непонятно – антисанитария была причиной блокирования склада или, наоборот, следствием...

Точно еще ничего не было ясно, потому что Стручков одним из первых, как говорят преферансисты, попал под расписание. Это уже после, когда рейдеры расширили фронт работ, стало известно, что способы отбора удивительно однотипны. И все начинается, как в «Острове сокровищ», с парламентаря, с черной метки и условиями капитуляции. Но и сейчас основания для опасений были. Поэтому Анатолий сдержался и даже спросил, как он может с кем-то связаться.

- А зачем? – спросил человечек. «А зачем?» - это мой литературный перевод, сказано было крепче. – Тебе подзвонять.

И ушел, не дожидаясь ответа.

В ближайшие же дни Анатолий не поленился и лично обошел тех дружески настроенных к нему начальников и начальничков, которых еще не успели заменить. Дело становилось серьезным, а разговор не телефонным. Результат был нулевой – уклончивые ответы,

пожимание плечами, бегающие глазки. Но самое тревожное было то, что никто из них – ни один человек! – не захотел брать деньги. Можете себе такое представить?! Это был не просто сигнал опасности, но нечто похожее на трубный глас накануне конца света. Как же нужно запугать бедных чиновников, чтобы они пошли на такой подвиг!

Что Анатолий мог предпринять? Прежде всего, как обычно, держал совет с Дарын Сабитовой. Затем, несмотря на лимит времени и тяжелую конъюнктуру, продал дом, обналичил все, что возможно, и перевел деньги в офшор. В сумме получилось около пяти миллионов. В наших краях на сохранность чего бы то ни было рассчитывать не приходится. Найдут из-под земли. Дом принадлежал Валентине, и деньги Анатолий перевел на ее имя. Сделано это было, как вы понимаете, не из щепетильности, а для подстраховки. А последующий перевод денег за границу не вызвал у Валентины возражений, разве что некоторое удивление. Она пожала плечами, подписала необходимые документы – опять какая-то авантюра...

Потом Анатолий и Дарын стали терпеливо ждать дальнейшего развития событий. Требовать от руководства своих фирм привести в порядок документацию Стручков не пытался, это было лишено смысла. Порядок и стопроцентная законность в делах практически невозможна – такой у нас бизнес. Да и зачем? Если захотят, то найдут даже то, чего и в помине не было. Дополнительно он постарался перевести максимум возможных документов и средств в филиал банка в Полетном – а вдруг туда еще не дотянулась рука пиратов. Кажется, там пока было тихо.

Ровно через две недели раздался телефонный звонок. Глуховатый голос спросил:

- Ну как, надумал?

- Это кто?

- Дед Пихто, - очень остроумно ответил голос.

- Нет, не надумал, - коротко ответил Анатолий. И первым положил трубку. Потом на всякий случай немедленно собрал всех имеющихся у него под рукой полубандитов, в первую очередь из числа охраны. Набралось человек двадцать, они рассредоточились в отделах главного офиса.

Мера оказалась напрасной, Стручков не рассчитал направление главного удара.

Через два дня целый отряд милиции и несколько человек устрашающего вида, с занавесками на лицах и с автоматами – кажется из «Кобры», - заблокировали офис и склады завода «Металлоизделие». Арестовали всю документацию. Грубо выгнали весь персонал из этих помещений, не церемонились. Я сам, сам лично видел кадры этого побоища, записанные на мобильных телефонах. Очень неприятное зрелище. Кто-то пытался сопротивляться, но условия были неравными. Для одних это считалось нападением на органы при исполнении, деянием уголовно наказуемым, а для других – необходимой самообороной, делом святым и законным. Кадры побитых стекол, разоренного имущества были как с поля боя и впечатляли.

На официальный запрос прокуратура ответила – есть сигнал о крупных хищениях и нарушениях закона на заводе. Будем проверять. И все. Какой сигнал, сколько будут проверять, не сообщили.

Следующий этап тоже был продуман. Возле опечатанных помещений оставили охрану... и все исчезли бесследно. Очень быстро и организованно. Милиция, следователи, «Кобра» – если это была она – дружно расселись по машинам и укатили, оставив пострадавших в полном недоумении и протрации. Что делать дальше? Куда бежать? Чего ждать? И завод вроде бы открыт, а работать невозможно без складов, материалов, документации. Рабочие приходят, им надо платить... Так проходит неделя, другая. Иногда появляется пара

следователей, какое-то помещение откроют, посидят, попьют кофе – демонстративно – и опять уходят.

Дело шло к разорению. И не только потому, что завод не работал. На таможне безнадежно застряли контейнеры с оборудованием для отопления, срочно необходимого для того, чтобы закрыть и застеклить новый недостроенный жилой корпус до наступления холодов. Вертикаль надежно работала на всех уровнях. Но еще большей бедой было то, что все заказчики и партнеры шарахнулись от Стручкова как от прокаженного. Срывались поставки, повисали в воздухе договоры. Акционеры стали поспешно и любой ценой избавляться от своих активов. Это срабатывала наша ментальность, советское наследие по крови и воспитанию. Вместо того чтобы поддержать пострадавшего, сплотиться и дать отпор беспредельщикам, все бросались врассыпную, надеясь, что до них дело не дойдет. Да, к сожалению, это у нас в крови...

Бывшие покровители Стручкова старательно демонстрировали полный нейтралитет. Конечно, им было неловко (кстати, поэтому они так быстро и с охотой позже выполнили просьбу об освобождении Алика), но рисковать собственной шкурой никто не собирался. Стручков остался один. Он понимал, что это только первый акт представления, что будет еще более эффектное продолжение. Что против лома нет приема.

Снова последовали долгие совещания с Сабитовой.

Прежде всего нужно было понять, разорят ли рейдеры его полностью, до нуля и даже дальше, если он не согласится на полную капитуляцию. Казалось, какой им в этом смысл, что тогда с него возьмешь? Решили, что все-таки разорят хотя бы в показательных целях. Пусть другие знают, с кем имеют дело. Сделают это, судя по их мощностям, очень быстро. Но еще опасней другое – Стручков не сможет отдать ссуды, кредиты и просто долги, белые и черные, без чего работать в бизнесе просто невозможно. Тогда рейдерам даже не стоит марать об него руки уголовщиной, кредиторы сами с Анатолием разделаются за милую душу. И не сносить ему головы, может, не только в переносном смысле.

Наконец после долгих советов было принято компромиссное решение и разработана примерная схема будущих переговоров – без сомнения вскоре должен последовать телефонный звонок. Решили не скандалить, не сопротивляться, не бороться, а потянуть время и потерпеть. Там видно будет. А терпеть Стручков умел...

Но и рейдер, как оказалось, тоже умел выжидать. Только примерно через месяц прозвучал долгожданный телефонный звонок. Все тот же глуховатый голос, не дожидаясь вопросов, представился:

- Ало. Говорит дед Пихто.

Все было сказано на полном серьезе, без тени юмора. Очевидно, отныне эта фраза становилась паролем.

- Стручков, ты неправильно тратишь наши с тобой деньги, - и голос выжидательно замолчал.

Стручков, как и договорились с Дарын, сказал, что он должен на месяц уехать в Крым, там у него большие дела. И не удержался добавил:

- Как ты говоришь, наши с тобой общие дела.

Дарын, слушавшая разговор по громкой связи и на всякий случай записывающая его, одобрительно подняла большой палец.

Стручков продолжал. Поэтому пусть будет, как будет, от него мало что зависит. Но он предлагает не гнать лошадей и подождать месяц до его возвращения. Все равно в его отсутствие и без его подписи ничего положительно – он выделил слово «положительно» - решить нельзя. А в Крыму без него все может рухнуть.

Наступила длинная пауза, кажется, на том конце связи велись тихие разговоры. Наконец глуховатый голос сообщил решение:

- Ни черта не понял, что ты там мне наговорил, - «ни черта» тоже мой литературный перевод. – Ладно. Перезвоню через месяц.

И уже угрожающе добавил:

- Жди!

Через день Стручков и Сабитова были в Полетном.

В Полетном действительно был большой и серьезный проект – пятизвездочная многоэтажная гостиница на берегу моря. С большим пляжным участком, крытыми бассейнами морской и пресной воды и прочими европейскими прелестями. По высшему разряду. Поэтому Анатолий приехал туда не только с Сабитовой, но и с небольшим штабом. Постоянно работали четыре человека, время от времени приезжали и уезжали нужные специалисты. Стручков и Сабитова снимали хорошие номера в лучшей – по масштабам Полетного - гостинице, остальные в гостиницах похуже. Субординация!

Партнером Анатолия был Андрей Талипов, богатый человек, даже олигарх, хотя из олигархов второго ряда. Жил он в расположенном невдалеке от Полетного городке Судак, имел большое влияние в Крыму, по негласным сведениям был «смотрящим» всего района. То есть денег и возможностей для проекта у него хватало. А профессионалов на местности было очень мало. Вот зачем ему понадобился Анатолий со своими специалистами и субподрядными фирмами.

С Талиповым Стручков был знаком еще во времена боевой юности в Казани. Они были одноклассниками и даже пересекались по всяким сомнительным делам. Андрей тоже был когда-то парень не промах. Но так же как и Анатолий, вовремя уехал из Казани от греха подальше. И о нем, пожалуй, все, тем более что он на страницах моего рассказа так и не появится.

Стручкову безусловно повезло, что волею судьбы у него оказался такой помощник, как Дарын Сабитова. Именно после ее прихода он «поднялся», как принято говорить у наших бизнесменов, как минимум в два раза.

Судьба прислала ему Дарын из Алма-Аты семь лет тому назад. Тогда ей было тридцать два года, она закончила юридический факультет на родине, там же родила сына от женатого любимого человека. Дарын не захотела разрушать его семью, а для многоженства - которое, кстати говоря, в Казахстане разрешено, - была слишком современна. Поэтому тихонько снялась с места и уехала с сыном как можно дальше. Город, по ее мнению, был достаточно далеко от Алма-Аты.

Она поступила в экономический институт и жила в Городе уже на правах студента, а не гастарбайтера, подрабатывая то тут, то там, где придется. Валентина Ивановна, которая преподавала в этом институте, отметила толковую, серьезную и уравновешенную студентку. Она-то и рекомендовала ее мужу. Уравновешенность и спокойствие Дарын были очень важным критерием, так как всем было известно, что Анатолий Петрович со своими сотрудниками был далеко не таким покладистым, как с домашними.

Спустя год всем стало ясно, что Дарын пришлась ко двору. То, что она была толковой и работящей, выяснилось довольно быстро. Вскоре она стала главным экономистом фирмы и правой рукой хозяина. Скромно и тактично Дарын перехватила многие рычаги управления, но не демонстрировала свою власть, а старалась, насколько возможно, держаться в тени. Это было необходимым условием мира с хозяином, но как говорят математики, не достаточным: в таком случае Анатолий распоясывался и буквально садился на голову. От него уходили и

тихие и буйные сотрудники. Отношения с Дарын оказались прочными, потому что в них была своя изюминка.

Обычно Дарын долго и терпеливо не реагировала на агрессивное поведение хозяина, так проходили недели и иногда месяцы. А потом неожиданно для Анатолия отвечала таким темпераментным и оглушительным скандалом, что все окружающие только диву давались. Видимо, у нее в роду тоже кто-то когда-то свирепо мчался на косматой лошадке погибать или побеждать. Спустя некоторое время Анатолий понял, что с ней зарываться опасно – в любой момент может быть взрыв. И он вел себя довольно сносно неделю, месяц, другой, насколько хватало его самоконтроля. Так система их отношений устоялась – долгие периоды терпения главного экономиста перемежались кратковременным, необыкновенно громким и страстным скандалом. И потом все снова надолго входило в свою колею. Сотрудники называли эти скандалы семейными, отчего, вероятно, и поползли слухи об их внеслужебных отношениях.

С первых же дней у бригады, возглавляемой Анатолием, установился стабильный трудовой режим - работали с девяти утра и до 6-7-ми часов ежедневно. Обед в удобное для каждого время. Все были на глазах у хозяина, не разгуляешься.

Сам хозяин привычно просыпался в полседьмого утра и совершал обязательную полуторачасовую прогулку – он следил за спортивной формой и поправляться сверх меры себе не позволял.

Затем Анатолий пытался вникать в дела всех своих сотрудников, которые вели согласования и переговоры с людьми Талипова. Перемещался от группы к группе, где молча слушал, где активно участвовал. В большинстве случаев можно было бы обойтись и без его участия, но Анатолий в Полетном выступал в непривычном для себя амплуа. Обычно его основным занятием, разумеется кроме принятия принципиальных решений, был контакт с чиновничьим миром. Он говорил, что у нас изготовить или построить что-нибудь каждый дурак может, а вот получить разрешение, согласование, смазать, кого нужно, что-то протолкнуть, какие-то концы спрятать – для этого талант нужен. Это и есть основа нашего бизнеса. Анатолий с такими делами справлялся отлично. Но здесь, в Полетном, его таланты были не нужны – Талипов и сам был виртуозом в этой области.

Тем не менее, Анатолий хлопотал описанным выше способом до самого вечера. А часов в семь, иногда позже раза три-четыре в неделю они с Талиповым ужинали в отдельном кабинете неплохого ресторана и в дружеской обстановке обсуждали итоги дня. Дружескую обстановку подкрепляла бутылочка отличного коньяка. Если Талипов был где-то в бегах, то Анатолий ужинал один в том же кабинете, и коньяка соответственно уходило меньше.

Потом он шел к себе, принимал душ, надевал пижаму и перебирался в номер к Дарын.

Да, сплетни о близких отношениях Дарын с Анатолием оказались правдой.

Богач, бедняк

Поведение такого солидного и положительного человека, как Федор Васильевич Метельский, в течение последующих за визитом хозяйки суток было на удивление легкомысленным. В стиле гусара Никиты из оперетты «Холопка».

Напоминаю, мы остановились на их деловой поездке для покупки джакузи, но с заездом в ресторан. В ресторане в Федоре Васильевиче проснулся уже упомянутый гусар Никита и не засыпал до поздней ночи, а то и до самого утра. В ресторане гусар в лице Федора Михайловича заказал еду и питье по высшему разряду. От двухсот долларов НЗ остались

несколько десятков гривен, которые он пытался сунуть в качестве чаевых официанту, и сунул бы, если бы не природная финансовая бдительность его хозяйки.

В оправдание гусарства нужно сказать, что благословение на загул дала сама Рита Аркадьевна. В самом начале этого торжественного обеда, во время заказа вин и блюд она жизнерадостно сказала: «Сегодня можно!» Потом активно поддерживала Федора Васильевича во всех дегустациях. В результате - не забудьте об аперитиве с виноградом в квартире Метельского – уже к середине пиршества они стали называть друг друга Риточка и Федечка. Высокие темпы для столь солидных людей. Но не стоит думать, что я пытаюсь описать банальную пьянку. Их поведение внешне было вполне благопристойным. Может, чуть веселее и теплее, чем принято, чем у пары без сомнения давно женатых посетителей за соседним столиком.

Вышли Рита Аркадьевна и Федор Васильевич из ресторана спокойно, уверенной походкой – не придерешься. Разве что Федор Васильевич чуть-чуть подпрыгивал. Но может быть, это происходило потому, что Рита Аркадьевна была на высоких каблуках. Они подошли к машине – небольшому, но очень симпатичному новенькому «Пежо». Рита Аркадьевна села на место водителя и сказала:

- Садись, куда-нибудь поедем.

- А что если нас остановит инспектор? Вполне можно лишиться прав.

- У меня есть запасные.

- Не понял. Это как?

- Посмотри в бардачке.

Он послушно открыл бардачок. Там прямо сверху, на каких-то книжечках и бумажках лежали права.

- Открой справа, не бойся.

Он открыл. Сразу же за обложкой всеми цветами радуги переливалась банкнота в сто евро.

- Отличные права. Надежней оригинала.

Метельский веселья не поддержал. Он даже как-то сник. Явственно ощутил дистанцию, которая разделяет пенсионера и зажиточную женщину. Очень зажиточную.

Рита Аркадьевна почувствовала перемену настроения и оборвала жизнерадостный смехок. Посмотрела внимательно на скисшего Федора Васильевича, поняла причину расстройства и неожиданно ободряюще хлопнула его по коленке. Реакции не было, мера оказалась недостаточно действенной, поэтому она пошла дальше и ласково, как ребенка, погладила его по темечку.

- Федя, не бери в голову, - она частенько применяла местный сленг, – смотри трезво на эту жизнь. Не стоит пытаться ее исправлять. Лучше использовать ее в корыстных целях.

И довольная понравившейся ей самой остротой, она снова засмеялась.

- Ну, Риточка, с тобой не соскучишься, – Федор Васильевич приободрился и расцвел. Он даже положил руку на спинку ее сиденья, что было почти объятием.

- Куда едем? За джакузи?

- Ты что?! В таком состоянии никаких дел быть не может. Серьезный человек такого себе не позволит. Мы сейчас вместо джакузи можем купить бог знает что. Бассейн, унитаз, стиральную машину...

- Можно только водить машину, – вставил, не удержавшись, Федор Михайлович.

- Есть претензии? – с законной гордостью спросила Рита Аркадьевна.

Претензий не было и быть не могло. Она вела машину легко и уверенно. Даже весело, что соответствовало ее характеру.

- Федя, давай подыдем на набережную, пройдемся. Нужно растряссти калории.

- С удовольствием, - Федору Васильевичу очень не хотелось идти домой. Пусть праздник жизни продолжается. Давно уже ему не было так хорошо. И дело не в ресторане и машине. Хотя, конечно, и в них тоже... Но главное все-таки Риточка. Это не привычные унылые подружки, это что-то другое. Нет, дело не в деньгах... Главное, что это женщина. Настоящая женщина, хоть и в возрасте.

Они недолго прогуливались по набережной – уж слишком высокими были каблуки Риты Аркадьевны. Пришлось сесть на скамейку. Но и там было отлично. Беседа давалась на удивление легко.

Спустя какое-то время помолчали. Молчать тоже было очень приятно. Солнце склонялось к закату, внизу, рукой подать, плещется море, рядом близкий человек, точнее человек, который с большой скоростью становится близким. У обоих синхронно появилось опасение – не спугнуть бы это чувство. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. У каждого из них был печальный опыт последних лет, все реже возникали надежды и все чаще они оказывались ложными. Поэтому о предложении руки и сердца не было больше сказано ни слова. Тьфу-тьфу-тьфу.

А Федор Васильевич в приступе романтизма, но с вполне основательной долей самоиронии, даже подумал, что если он сегодня потерпит фиаско, то на старости лет в его сердце появится незаживающая рана. Конечно, он подшучивал над собой, над своей неожиданной наивной пылкостью, но сознавал - в каждой шутке есть доля правды.

- Федя, я уже проголодалась.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Федор Васильевич растерялся. Денег у него уже не было, а принципы независимости еще оставались. Рита Аркадьевна заметила его перепуг. Немного помолчала, явно получала удовольствие от ситуации – поддразнить она любила, это Федор Васильевич давно понял. Наконец сжалилась над страдальцем:

- Приглашаю с ответным визитом ко мне на ужин.

- Когда?

- Прямо сейчас.

Федор Васильевич с таким облегчением и так громко вздохнул, что они оба рассмеялись.

- Но ужин будет легким. В нашем возрасте на ночь есть вредно.

- А пить? - расхрабрился Метельский.

Подъехали к даче Риты Аркадьевны еще засветло. Рабочие уже разошлись. Новый дом, почти готовый – оставалось работы на пару недель, кое-что подправить, подкрасить, последние штрихи – был закрыт на замок. Федор Васильевич на этот раз смотрел на участок другими глазами – ему здесь, вероятно, придется жить. Какие чувства он испытывал, глядя на довольно большой и симпатичный дом? Скорее всего неприязнь. Три комнаты и большая гостиная внизу, наверху под скошенной крышей мансарда... Нет, радости от свалившейся на его голову собственности он не испытывал, и отметил это с удовольствием - так и должен думать порядочный человек.

Когда Метельский был только работником, его угощали на веранде, во внутренние покои не приглашали. Теперь ситуация изменилась. Он хотел было с ехидцей повторить то, что сегодня в полдень (как давно это было!) сказала бескомплексная хозяйка в дверях тогда еще наемного работника – «теперь пригласите меня войти, отдохнуть, посмотреть, как вы живете». Но все-таки Федор Васильевич на этот демарш не осмелился. Он – в отличие от Риты Аркадьевны - не был в себе слишком уверен.

Через маленький коридор они зашли в кухню.

- Садись, посиди минутку, я приведу себя в порядок.

Федор Васильевич сел за обычный, ничем не примечательный стол на обычный, ничем не примечательный стул. Судя по обстановке на кухне, хозяйка во многом по-прежнему оставалась «училкой географии». Кухня как кухня. Холодильник, плита газовая, обычная. Даже не встроенная. Шкафчики, правда красивые, но тоже обычные. Между ними пристроился телевизор, средних размеров. Впрочем, может, все это не говорит о скромности, просто временное жилье в ожидании нового дома.

Рита Аркадьевна вернулась в своей обычной форме – джинсы, легкий свитерок. Федор Васильевич подумал: «Во всех ты, душечка, нарядах хороша». Так примерно и высказался, но своими словами. Произвело впечатление.

- Приятно слышать умные речи. Продолжай в том же духе. Теперь тебя можно и покормить. Вымой руки, приведи себя в порядок и будем ужинать. Идем, я покажу ванную комнату.

Метельский, следуя за хозяйкой, невольно краем глаза заглянул через полуоткрытую дверь в спальню – вот там были деньги и модерн! Большая, больше чем двуспальная кровать – кинг сайз, белый многостворчатый шкаф до потолка. Золоченые бра, люстра... Он быстро отвел глаза и старался ни о чем таком не думать, впечатлений и без этого хватало. Неизвестно, что будет дальше, но он очень волновался. Мужчины в его возрасте в таких ситуациях всегда волнуются, даже самые боевые и уверенные в себе. А наш герой был не слишком боевым и самоуверенным, нам это известно.

Когда Федор Васильевич вернулся к столу, его уже ждал «легкий ужин», явно приобретенный не на учительскую зарплату. Основное впечатление произвел не большой, но и не слишком маленький, обложенный какими-то травами и специями осетр, который удобно разместился в красивом продолговатом блюде. Его длинный, сужающийся к концу (началу?) нос (рот?) воинственно возвышался над бортиком блюда. В качестве эскорта к рыбе были выставлены, маслины, масло, какие-то приправы, лимончик нарезан аккуратными кружочками... и так далее. Вино на сей раз было не в пластмассовой бутылке, а в пузатом хрустальном графине, емкостью - на взгляд – не меньше двух литров. Судя по всему, это было заранее приготовлено для интимного ужина при свечах – два массивных золотистых подсвечника с цветными толстыми свечками стояли по краям стола. Могу добавить от себя – я не устаю восхищаться уверенностью в своих силах женщины, которая приготовила все эти яства еще до разговора с виновником тожества, нисколько не сомневаясь в его результате. А сам виновник – я имею в виду Метельского - глядя на это изобилие почувствовал, что его далеко не такой длинный, как у осетра нос, тоже победно задирается вверх. А еще он почувствовал, что почти готов примириться с социальным неравенством.

- Слаб человек, - вслух оправдал он себя... и решительно уселся за стол.

Еще во сне Федор Васильевич сознавал, что он спит в квартире Риты Аркадьевны на роскошной кровати «кинг сайз», а рядом под боком лежит сама Риточка. Поэтому проснувшись озадачено таращить глаза и выяснять, где он и что с ним, как это часто бывает в фильмах и романах, необходимости не было. Все было ясно. Удивительно было только то, что никакой неловкости он не испытывал.

Немолодой одинокий и приятный мужчина, он неизбежно должен был время от времени просыпаться не один в своей или чужой постели. Я уже намекал на то, что, к сожалению, это происходило все реже и реже. Но просыпаясь в такой ситуации он неизменно чувствовал себя неловко. Два немолодых и не очень близких друг другу человека... Впрочем, частенько не только утро доставляло неприятные минуты. И сон с человеком, к которому не приспособился, тоже дается нелегко. Как у Окуджавы:

И потому всю ночь, всю ночь
Не наступает утро.

Но сейчас Федор Васильевич чувствовал себя очень хорошо. «В своей тарелке» - так это состояние он для себя определил. Может потому, что это с сегодняшнего дня должен был быть и его дом, так было окончательно решено на полуночном совете. Но главная причина - их полная совместимость с Риточкой, их близость, которая, по мнению Федора Васильевича, на глазах перерастала в более глубокое чувство, названия которому он еще старался не давать. Уж очень неожиданно оно бы прозвучало, учитывая возраст и прочее, и прочее, и прочее...

Риточка спала, повернувшись к нему спиной. Обе ладони под щекой, зарывшись лицом в подушку. Как она так умудрялась спать? При этом она, представьте себе, похрапывала. Это вызывало у Федора Васильевича какое-то умиление. Правда, похрапывала она негромко и, по его мнению, даже мелодично.

Наш молодежен чувствовал себя удивительно свежим и отдохнувшим. На висевших напротив кровати изящных круглых часах было начало десятого. Федор Васильевич после шести утра давненько не просыпался. Да и можно ли было назвать сном тревожное состояние полудремы с бесконечными метаниями, тяжелыми кошмарами, где нередко героем был его сосед Гриша? Но сейчас все изменилось, и он уверен, что спокойный сон к нему вернется. Он не один, рядом близкий человек, прекрасная во всех отношениях женщина. Как много значит быть не одному! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.

Только сейчас он услышал какие-то стуки и голоса. Ах да, заканчивают новый дом. Будь он неладен. В окне спальни промелькнула какая-то тень. Кто-то из рабочих, наверно, заглядывал. Хозяйка не выходит, заволновались все ли в порядке. Но беспокоить не решились.

«То-то они удивятся, когда из дома хозяйки утром выйдет мужчина».

Необычная во всех отношениях Риточка тоже не переставала его удивлять. Почти не прерывая свое мелодичное похрапывание, она неожиданно проговорила:

- Ну знаешь, Федечка, уж на это я и не рассчитывала...

И продолжала... «ворковать» - нашел наконец приятное и небидное определение этим звукам тактичный Федор Васильевич. Он так и не мог понять, слышит ли его Риточка или опять спит, но на всякий случай смущенно пробормотал что-то вроде – на моем месте так поступил бы каждый. И покраснел. Потом природная честность взяла верх, и он добавил:

- Ты не обольщайся, это я с перепугу. Возраст хочешь - не хочешь, а свое берет.

Так же внезапно, как и перед этим, «воркование» прекратилось.

- Федечка, сейчас встанем, позавтракаем и поедем к тебе за вещами. Как ты думаешь? Наше с тобой время тратить недопустимая роскошь.

Отвечать или не стоит он не понял, судя по всему Риточка опять отключилась. Может, ответа от него никто и не ожидал? Дана команда? Нет, Федор Васильевич в этом вопросе был все время настороже. Он с самого начала ужина решил: если эта симпатичная богачка станет им командовать, приказывать, то он уйдет, воли и самолюбия хватит. На роль мальчика на побегушках он не подходит. И так разница между богатством и бедностью слишком большая психологическая нагрузка. Но к счастью, в этом смысле придраться пока не к чему. Риточка не приказывала и не просила. Она выбрала совещательную манеру разговора. Вот даже сквозь сон добавила: «Как ты думаешь?» Умница.

Раздался скромный стук в дверь. Видимо, нервы у рабочих сдали – мало ли что может случиться. Десять часов. И машина стоит возле дома.

- Федечка, - сквозь «воркование» сказала Рита, - крикни им, что я скоро выйду.

- Да, но я...

- Федечка, не бери в голову. Все равно увидят...

- Хорошо.

Федор Васильевич решительно уселся на кровати, спустил ноги и повернулся. Видно, повернулся резко и неудачно. По пояснице резанула невыносимая боль. Чертова поясница! Он застыл, чуть скособочившись и чуть наклонившись. Ни о какой перемене позы даже думать не стоило. Чертова поясница, она его уже года три не беспокоила. Иногда, если засидится – немного ломит, мешает разогнуться. но чуть-чуть качнешься вправо-влево – и как новенький. А тут... Нет, он срама не допустит, уйдет живым или мертвым! Видимо, мертвым, потому что даже при мысли о движении кто-то вонзал раскаленное железо пониже спины. Наверно, он застонал, потому что Рита Аркадьевна повернулась к нему и встревожено спросила:

- Что-то случилось?

- Случилось, - сквозь зубы с трудом процедил Федор Васильевич.- Момент истины.

Пять вечеров, которые...

Возвращение милицейской машины на дачу было куда более скромным, чем торжественное прибытие. Во-первых, отключили мигалки, во-вторых, остановились на улице, в дачный проезд не заезжали. Милиционер осторожно – с уважением – снял с Алика наручники. Первым вышел следователь и сухо сказал куда-то в воздух:

- Вы свободны. Приношу свои извинения.

Алик молча вылез из машины.

- Где живет Валентина Ивановна? Следующие ворота после ваших?

Не ожидая ответа следователь зашел в проезд. Алик попрощался с милиционером – «счастливо оставаться» – и пошел следом за ним. На даче он сразу же вошел в дом и закрыл за собой дверь, чтобы не слышать объяснений следователя со Стручковыми. Злорадство было не в его характере.

Он побродил по квартире, есть нечего было, да и не хотелось. На него внезапно навалилась страшная усталость, как будто мешки целый день таскал. Неудержимо захотелось поскорее улечься в кровать, не раздеваясь. Но сначала нужно было поблагодарить своих спасителей. Он еще какое-то время выждал, чтобы не столкнуться со следователем, потом подошел к калитке, прислушался – на веранде были Регина и Валентина Ивановна. Негромко о чем-то переговаривались. Он постучал, приоткрыл калитку, приблизился к веранде и сказал:

- Я вам очень благодарен. Очень. Дорогие мои соседи...

- Это мама сообразила. Мы так за тебя волновались.

- И огромное спасибо передайте Анатолию.

- Проходи. Алик, ты – я видела – ничего не ел, и в холодильнике у тебя шаром покати...

Но на продолжение визита сил у Алика уже не хватило.

- Спасибо, Инночка. Я, пожалуй, пойду. Устал очень.

- Да, да, конечно иди, отдохни, мы понимаем, - в словах Валентины Ивановны прозвучало какое-то материнское сочувствие.

Алик не очень ловко повернулся и его даже немного качнуло. «Наверно опять поднялось давление», - подумал он. Последнее время оно его беспокоило. Эх, не нужно было так толстеть, вот и результат.

Жаль, что Алик не видел в этот момент лиц своих дорогих соседей, на них было такое выражение сочувствия и беспокойства...

Он добрался до кровати, на всякий случай выпил таблетку от давления, заставил себя раздеться, лег под одеяло и закрыл глаза. Последние перед сном мысли были о Свете. И сразу заныло где-то под сердцем. Он чувствовал двойную вину перед ней. Первая была вполне понятна и объяснима. Просмотрел. Не уделял достаточно внимания. Хотя любил ее. Конечно, любил, единственный ребенок, как может быть иначе? И все-таки... Стоял чуть-чуть в стороне.

Алик заметил, что слово «любить» по отношению к дочери он все чаще стал употреблять в прошедшем времени. Это и была его вторая вина. Больше, чем вина – что-то похожее на предательство.

...Проснулся Алик, когда на улице уже была темно. Включил свет, посмотрел на часы – девять. Примерно три часа здорового сна. Оделся, побродил по комнатам. Что можно делать в пустой квартире? Телевизор уже увезли, в холодильнике – права Регина – шаром покати. Посидел, постоял, прилег. В голову огромной темной массой полезли тяжелые мысли. Как если не избавиться от этих мыслей. то хотя бы их приглушить? Нужно чем-то заняться. Алик пошел уже проверенным путем.

Он вышел из хибары. Прислушался к соседям – там было тихо, все жильцы, кажется, в доме, свет горит только на втором этаже. Отлично! Принес к камину дров, распалку. Вынес кресло и на сей раз вместо табурета колченогий стол. Стал разжигать огонь. Дрова были сухие, пламя довольно быстро поднялось вверх и даже загудело в вытяжной трубе в виде Эйфелевой башни. Тогда Алик выбрал два самых толстых полена и положил их поверх горящих дров. Теперь огня стало меньше, зато жара хватит часа на два. Прекрасный камин!.. Увы, от мыслей надолго избавиться не удалось...

К счастью, раздался осторожный стук в калитку. Кто-то залетел на огонек. Наверно, Регина. Он угадал – это была действительно она. И конечно же, с желанием накормить голодающего. Правда, за этим заботливым чисто женским стремлением было и обычное человеческое сочувствие. Ей не хотелось оставлять его одинокого и брошенного наедине со своими думами. Алик сознавал, что со стороны он действительно выглядит как человек, нуждающийся в сочувствии. Но гордость его от этого не разыграла – уж очень неуютно было одному. И все же он попытался выторговать более приличные условия капитуляции. Он представил себе, как будет выглядеть за столиком в уголке на богатой кухне, где ему подогреют остатки ужина с барского стола.

Шла по улице старушка,
Услыхала сироту,
приютила, обогрела
и поесть дала ему.

Это была бы слишком жалостливая картина. Сошлись на том, что они посидят у камина, как в добрые старые времена, а что-нибудь поесть Регина принесет сюда.

- Кстати, я тоже проголодалась.

Это была явно ложь во спасение, так поздно Регина, следящая за своей фигурой, ужинать себе никогда не позволяла. Но я уже упоминал, что она была хорошей женщиной, да и к Алику относилась... впрочем, она и сама не знала, как именно к нему относилась. Но то что хорошо – сомнений не вызывало. Остановимся пока на этом определении.

Через некоторое время в кухне зажгли свет, туда, видимо, спустилась Валентина Ивановна. Долетали реплики – «мама идем... чего тебе дома сидеть... мне одной неудобно...».

Словом, вскоре они втроем сидели у камина, на углях жарились шпикачки, на столе кроме кое-какой закуски стояли бутылка красного вина и три бокала.

Я и сам замечаю, что вино слишком часто появляется в моем рассказе. Но что поделаешь, если в наших краях любая встреча и беседа – я не имею в виду домашний завтрак-обед-ужин – без чего-нибудь бодрящего не обходится. Даже просто для антуража. Впрочем, это принято в большей или меньшей степени во всем мире. За исключением стран ислама.

Оправдался – можно продолжать.

Разговор давался с трудом. Мрачный Алик старался сделать вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло, и на это у него уходили все силы. В основном обменивались ничего не значащими репликами Регина с Валентиной Ивановной. Красное вино почти не пользовалось успехом у Алика, а ведь это могло бы поправить его настроение.

Наконец Регина, задумчиво глядя в огонь, снова, как и позавчера после новоселья, сказала, что ночью, на природе, у огня хочется либо помолчать, либо поговорить о чем-то важном, существенном для каждого. Может, даже о счастье. Алик ворчливо сказал:

- Когда я еще учился в школе при Советах, помню, родители с друзьями собирались на кухне. И они не только ругали советскую власть – как и все на всех кухнях, – но много говорили о важном. О смысле жизни. О будущем. О совести. О серьезных вещах. Сейчас об этом говорить не принято. И пытаться не стоит. Засмеют. Разве не так?

Вопрос относился к Регине. Она согласилась.

- Засмеют. Скажут скучища – и строишь из себя невесту что... С нашими не поговоришь. А вы все-таки почти из тех времен.

- Предки, понятно, - Валентина Ивановна невесело улыбнулась и немного пригубила из бокала.

- Мама, не сердись, но в нашем поколении все проще. Вы многое придумываете. Нужно быть реалистом. И понимать нашу жизнь. Поменьше слюней и соплей. Если надо – значит, надо.

- Регина, - остановила ее Валентина Ивановна.

Регина спохватилась. Посмотрела на побледневшего даже при красноватом отблеске огня Алика. Все знали, о чем идет речь.

- Я уже тоже начал соображать, - голос Алика звучал глухо. – Беру пример с вашего поколения. Знаешь, какая сейчас самая распространенная фраза? И в кино и в жизни? Ничего личного, это бизнес. То есть дело. Поняла? Ничего личного во вред делу. Личное уступает. А следующие поколения, - он криво ухмыльнулся, - выходит, будут еще реалистичнее. Вообще без всяких слюней и соплей. Только с одним словом «Надо».

- Я тебя не понимаю. Сейчас не советская власть, все знают, что нужно жить хорошо. И стараться жить еще лучше. Нужно добиваться этой цели, не лежать на боку. От человека все зависит.

Алик хмыкнул.

- Это точно, от человека все зависит. Главное результат. Но люди не идиоты. Они с детства уже понимают, что нечестным путем добьешься большего. Тогда зачем ищачить? Проще все делать за счет других, или с помощью какого-нибудь Виктора Леонидовича. Если главное – добиться успеха.

- Какого Виктора Леонидовича?

- Так, обобщающий образ...

- Наше поколение хоть себе не врет...

- Себе может и не врет... А другим?..

- Лучше как при вас – раньше думай о родине, а потом о себе?

- Зато теперь наоборот – думай о себе, а об остальных если время останется...

Долго молчавшая Валентина Ивановна поняла, что Регина готова кинуться в драку – разумеется, не в прямом смысле – а для Алика все эти темы как острый нож в сердце. И она постаралась перевести разговор на что-нибудь более мирное.

- Я, ребята, стараюсь отвлечься от всего этого. По возможности. Читаю старые книги – не могу выносить пелевиных, слушаю старую музыку, даже фильмы предпочитаю старые. Возможно это с одной стороны возраст, а с другой... Наверно, я новую духовность не принимаю.

- Или полное ее отсутствие, - согласился Алик. Он с облегчением поддержал новую тему. - И у меня примерно то же. Я тоже закончил свои пристрастия к поэтам прошлым веком. Но насчет возраста я не согласен... Вы, Валентина Ивановна, и возраст – две вещи несовместные.

Он смутился. Получилось слишком цветисто. Поэтому добавил:

- Это комплимент наполовину мой, а наполовину Пушкина.

Теперь Алик остался доволен и для поощрения добавил всем в бокалы вина. Чокнулись, пригубили.

- Одна проблема, Алик, - Валентина Ивановна поставила бокал и продолжила: - Комплимент насчет возраста плохо сочетается с именем и отчеством. Я давно хочу тебя спросить. Почему Ивановна, почему на вы? Не настолько же я старше, чтобы вызывать такое уважение...

Алик смутился, но нашел, как ему показалось, отличный выход. Если бы не два бокала, он бы на такой ответ вряд ли решился.

- Причем тут возраст? Уважение, не связанное с возрастом называется восхищением.

- Это верно, мама, он тобой так восхищается, что даже боится.

- Боюсь. И восхищаюсь, - искренне признался Алик.

Валентина Ивановна заулыбалась.

- От нашего застенчивого соседа такое услышать... И все-таки лучше по имени и на ты. А то я себя чувствую бабушкой русской революции. И бояться меня не надо.

- А восхищаться? – совсем уже расхрабрился застенчивый сосед.

- У нас демократия.

Регина с удивлением и удовольствием слушала этот необычный обмен любезностями. Вечер становился более дружеским, первоначальное напряжение почти исчезло. И все-таки, когда Алик набрался решимости и сказал: «Валя, давай я добавлю тебе вина?», ей почудилась в этом какая-то фамильярность. Чуть-чуть покорило. Наверно, с непривычки – объяснила она себе. Других причин вроде бы не было.

Дальше вечер был очень приятным. Говорили об искусстве, о пристрастиях, Алик и Валентина беззлобно подтрунивали над тем, что Регина, как все нынешние, читать не очень любит. Та отвечала, что их книги пропахли нафталином. И очень скучные.

- В тех книгах мысли, а в нынешних только действие.

- Или сплошной эпатаж, - добавила Валентина.

Потом Алик по первой же просьбе Регины пошел за гитарой и спел три-четыре песни. Получилось искренне и без напряжения. Хорошо получилось.

На прощанье Регина поцеловала его в щечку, так она и раньше иногда здоровалась или прощалась, если рядом не было Лили. Валентина добродушно улыбнулась и помахала рукой.

На следующее утро – вторник - Алик пошел на работу. Правда, немного опоздал – пришлось зайти в кафе позавтракать. Раньше он, не задумываясь, взял бы яичницу с

ветчиной, парочку пышных булок. И еще кой-чего. Но проведя приятный вечер с двумя стройными красивыми женщинами, он почувствовал, что слишком долго потакал своим слабостям. Пора приводить себя в божеский вид! «Тем более, - подумал он – я теперь девушка на выданье».

Вопрос превращения в Аполлона – ну не Аполлона, так хоть килограмм 15 сбросить - он посчитал очень важным, и начинать решил не с некоего мифического понедельника, а прямо-таки с сей минуты. Поэтому в кафе он придирчиво изучил меню, взял чашечку кофе без сахара и постный йогурт. Этот завтрак выглядел вызывающе по сравнению с его не хилой фигурой. Не останавливаясь на достигнутом, он включил свой мобильный телефон и позвонил знакомому хозяину фитнес клуба. К концу разговора Алик стал действительным членом этого заведения. Мало того, он договорился приходить на занятия каждый обеденный перерыв – по американской методе.

Я с недоверием отношусь к такому благородному решению, задача не из легких, сужу по своему опыту. Посмотрим, что из этого получится...

На экране телефона, который до этого был сутки выключен, появилось довольно много сообщений о непринятых вызовах. Среди них с большим отрывом шли звонки от Лили. Последний был полчаса назад. Наверно разговора не избежать, хотя он пока к нему морально не готов. А вот со Светой поговорить он должен, обязан, что еще сложнее. Настроение испортилось, и даже постный йогурт на закуску его не улучшил. Алик бросил прощальный взгляд на соблазнительный ряд свежих и пышных пирогов за витриной и решительно направился к машине.

У него в офисе был свой собственный кабинет, правда небольшой, в котором стояло два стола – буквой «Т», кресло, четыре стула. На столе неизбежные компьютер и факс, а рядом на специальной подставке плоттер для печатанья чертежей. У стены стандартный стеллаж для документов и литературы. Вот практически и все. Нет, простите, не все. Еще у него была своя секретарша Мария Степановна, которая с трудом помещалась в еще меньшей секретарской. В объеме Мария Степановна немногим уступала Алику и не меньше Лили мечтала о том, чтобы он стал, наконец, хозяином фирмы, а она царствовала бы в большой приемной. По этой причине – и по многим другим – она Сердюка терпеть не могла.

Кстати сказать, сам хозяин пока еще в офисе не появлялся - когда Стручков был в отъезде, Сердюк не только переставал мышей ловить, но даже на работе появлялся эпизодически. Клерки фирмы тоже в этот период куда-то растворялась. Но нужно признаться, что и Алик вполне вписывался в такой режим - он работой себя особо не утруждал. Не потому, что ленился, а просто не было в этом необходимости.

Тут придется, вопреки анонсированному мною желанию по-возможности не затрагивать производственные темы, кое-что объяснить. Иначе не только настоящие, но и будущие события будут не совсем ясны.

Постараюсь как можно короче.

Вы помните, что Алик отвечал за проектирование и монтаж установок кондиционирования. Работа непростая и довольно-таки объемная. Я, разумеется, не имею в виду простые кондиционеры, на одну-две комнаты, известные всем - с ними справлялись сами рабочие. А вот центральные кондиционеры для офисов, больших квартир бизнесменов, магазинов и т.д., были достаточно сложными. Часто они включали не только охлаждение, но и подогрев воздуха, поддержание температуры, влажности и прочих параметров в помещении. Они требовали серьезных расчетов, чертежей, большого числа комплектующих - стоп!.. я обещал не вдаваться в подробности.

За четверть века через руки и голову Алика прошли сотни проектов, на все случаи жизни, все разработки были занесены в компьютер. И вот несколько лет тому назад Алик нашел способ заменить рутину более интересным занятием. Он был толковым холодильщиком и дополнительно к этому раньше многих других поднаторел в программировании. Как-то само собой получилось, что

он объединил два направления. Набрав солидную базу различных проектов, он самостоятельно разработал оригинальное программное управление, которое значительно облегчало работу. Компьютеру нужно было только задать строительные размеры помещений и требуемые заказчиком параметры, а программа сама находила ближайший прототип и сама делала нужную корректировку всех элементов. Она выдавала полный объем документации при желании в двух-трех вариантах. Оставалось только проверить, нет ли в ней ляпов, потому что не только на старуху бывает проруха, но и с компьютером такое случается. Это знают не только специалисты, но и простые пользователи. Впрочем, последние годы сбоев и ошибок почти не было, знаменитый человеческий фактор, особенно в наших условиях, наделал бы бед несравненно больше.

Программное управление для подобных разработок дело не новое. Соль этой модели заключалась в том, что программа основывалась на уже выпоенных работах, подбиралась почти точная копия объекта. Там и менять мало что нужно было. Отсюда высокая скорость и надежность. Короче говоря, то что нужно было бы делать приличной группе в поте лица, скажем месяц, Алик с двумя помощниками мог закончить за два-три дня, если сильно потянуть время, то за неделю. Понятно, что он не афишировал свои методы – сократили бы или сроки или зарплату. А ни того ни другого не хотелось.

Надеюсь, теперь понятно, почему Алик не поддавался на более выгодные предложения и не менял должность и хозяина.

Вот и в это утро он проверил, как идут дела, его помощники ни шатко, ни валко сверяли досрочно приготовленные проекты. Делать в офисе было в общем-то нечего, и Алик решил поехать на объекты – проверка монтажных работ тоже входила в его обязанности. Но в этот момент зазвонил телефон – Лиля. Сколько можно избегать объяснений? Он снял трубку.

- Да, я слушаю.

- Здравствуй, это я.

- Слышу.

- Мы все-таки должны поговорить. Шо-то надо решать.

Алик вздохнул.

- Придется.

- Ты сейчас свободен? Мы смогли бы встретиться?

Алик на мгновение даже засомневался, Лиля ли это? Голос без обычных требовательных и резких нот, приятный, мелодичный.

- Давай встретимся.

- Где? Ты не смог бы прийти домой?

- Нет!

Это было сказано с такой силой, что Лиля заторопилась с оправданиями:

- Я имела в виду зайти для разговора. Только в этом смысле.

- И я в этом же. Давай в кафе на Пироговской, через полчаса.

Он положил трубку, не ожидая ответа, слишком тяжело давался разговор. А каково будет объясняться в кафе? Алик постарался взять себя в руки. Постепенно – не сразу - ему это удалось.

Когда он зашел в кафе, то был на удивление спокоен. Лиля, наверно, давно была здесь – перед ней стояла чашка кофе, а в этом кафе быстро ничего не подают. Она была непривычно притихшая, видимо, тоже старалась держать себя в руках.

Алик молча сел напротив.

«Дуэлянты, - подумал Алик, - как в таком случае говаривал Ленский?» И продолжил вслух:

- Начнем, пожалуй.

Он ожидал извинений, сожалений, но Лиля задала главный вопрос:

- Алик, шо это - конец?

- Да, - прозвучало очень твердо и без обдумывания.

На глазах у нее появились слезы, Алик постарался вспомнить, видел ли он ее плачущей. Кажется, видел пару раз, от злости.

Теперь, когда выяснили главное, можно было поговорить. Начала Лиля.

- Я очень сожалею. Очень.

- Ты знаешь, чем отличается сожаление от жалею?

- Чем?

- Сожалею – это звучит как соболезнование. Мне.

- Я жалею, шо все открылось. Но какой был выбор? Похерить себя как музыканта?

Алик поморщился. Прозвучало резко. Хотя представительница славного сословия музыкантов время от времени позволяла себе и куда более крепкие выражения.

- Он бы меня в ансамбль не взял, ничего бы не помогло. И закопал бы в оркестре. Он не взял Ирму Волянскую, талантливую альтистку, моложе меня. Ирма уехала в Ростов, и теперь она никто и звать ее никак. А я сейчас состоялась и в хорошей форме, и солистка, и меня зовут в столичный оркестр, тоже виртуозы. И звание оформляют, о деньгах я уже не говорю.

- Но она ему не..., - Алик подбирал слово, - не... позволила.

Лиле на это ответить было нечего, кроме одного:

- Зато сейчас я музыкант!

В этом была своя логика. Точнее ее логика. Алик заговорил о другом:

- Но дело не только в этом. Ты все время была мною недовольна. Всегда. С утра и до вечера. За семнадцать лет любой устанет от этого.

- Да, я знаю. Но Алик, я всегда была хорошей женой, содержала дом. Вас. Все свои обязанности я выполняла...

Он впервые чуть-чуть улыбнулся.

- Я тоже неплохо выполнял свои обязанности...

- Кто бы спорил! Очень хорошо выполнял. Замечательно...

Лицо Алика окаменело. Лиля осеклась. Об этом им говорить не стоило. Не нужно было напоминать, что не он один выполнял эти обязанности...

После этой накладки, несмотря на намерения вести себя корректно, разговор расстающихся супругов, как это чаще всего и бывает, стал банальным, сбивчивым и даже временами склочным. Не буду пересказывать, многие из вас знают это по своему опыту.

Что было существенно? Лиля с дочкой продолжают жить в их бывшей общей квартире. Денег пока им не нужно, Лиля зарабатывает больше чем Алик (сказано со злорадством), и ребенка прокормит. Окончательно все при разводе через адвоката. О новой Свете не говорили – это было выше сил. По молчаливому обоюдному согласию отложили на потом. Только Лиля попросила Алика пока с ней не встречаться. Он согласился со смешанным чувством облегчения и стыда за это облегчение. Что еще? Да, вещи он заберет сегодня. Лиля ему соберет то, что считает нужным. Он заскочит через час.

- Ну, я пошел.

У Лили был такой несчастный вид, опять слезы на глазах, что он не выдержал и погладил ее по волосам, почти их не касаясь – фирменная ласка бывшей семьи.

- Что подделаешь, многие разводятся...

- Для женщины это...

- Я понимаю...

- Нет, не понимаешь! Не понимаешь!!!

В ее настроении произошли – как всегда неожиданно - резкие перемены. Слезы высохли, в глазах появился знакомый блеск, а в голосе знакомые ноты.

– Смотри, как бы тебе не пожалеть! Тысячу раз пожалеешь!

И добавила что-то неприличное.

Нет, Лиля не изменилась и не изменится. С женщинами такое редко бывает.

Тяжелая история. Очень тяжелая. Болезненная, хоть и жизненно необходимая. Как операция, больно, но иначе нельзя. Плохо, что без наркоза. А может, неплохо. Некоторые друзья Алика так привыкали после развода к наркозу от бешеной коровки, что потом с трудом выходили из пике. И не всем это удавалось. Хорошо, что он не склонен к алкоголю, хотя ей-богу сейчас бы дернул стакан сухого, а еще лучше – крепленого.

Такие или примерно такие мысли бродили в голове у нового «разводящегося трудящегося» (кажется, было у Райкина), когда он с неохотой возвращался на службу. Он окончательно убедился в правильности принятого решения, но это ни на каплю не улучшило настроение. Скорее наоборот. Погруженный в свои печальные мысли, он ехал медленно, невнимательно вел машину и создал несколько аварийных ситуаций. Это на него не было похоже, обычно ездил Алик спокойно и расчетливо. Но и разводился он тоже первый раз...

Пора было приходиться в себя, пока не попал в аварию. Он выехал за проезжую часть, остановил машину и стал строить планы на будущее, хотя бы ближайшее.

На работу он не поедет, обойдутся. Нужно закупить продукты, разместиться в хибаре со всеми возможными удобствами – судя по всему ему там еще жить и жить. О фитнес клубе он даже не вспомнил – а я вас предупреждал! На повестке дня первым стоял вопрос – как с минимальными моральными потерями перезимовать сегодняшний вечер, самый тяжелый? Лучше всего бы пригласить Леру из техотдела, она давно намекала. У Алика сейчас уже другой статус, он неженатый, теперь ему все можно. Но неудобно перед соседями – человек только развелся и сразу же жеребьячи утехы. Не солидно. Соседи к нему всей душой, спасли, можно сказать от тюрьмы, а вчера вечером от одиночества и голода.

И тогда появилась еще одна идея, но в неявном виде – собственно говоря Регина безусловно симпатичнее Леры, и моложе. Правда, идея эта противоречила намерению сохранять хорошие отношения с соседями, но с другой стороны... С другой стороны – и Алика поймет каждый, кто побывал в его ситуации, или если хотите в его шкуре – нужен был клин, которым вышибают. И чем симпатичней клин, тем легче сохранить уверенность в себе. А она Алику сейчас ой как нужна!

Он решил, что конкретные планы строить пока смысла нет, жизнь покажет. Но из всех вариантов предпочтительным является один - он приготовит сегодня шашлык и пригласит соседей к камину с ответным визитом.

Он вынул мобильный, нашел телефон Регины и позвонил. Регина, похоже, не удивилась ни звонку, ни приглашению на шашлык. Даже обрадовалась. Она живет по-прежнему у мамы, Сережка подхватил краснуху и теперь будет карантин минимум на неделю. Им с мамой скучно, и приглашение пришлось кстати. Это была хорошая часть разговора. А вот последовавшее за этим: «Ну как там у тебя, что-то налаживается? Мы так за тебя переживаем», - было сказано с таким сочувствием, что Алик невольно потер лоб – не отрастают ли там рога. Да, тяжела ты, шапка рогоносца...

Вечером Алик приехал на дачу еще засветло. В машине на заднем сидении было все имущество, заработанное им за четверть века беспорочной трудовой деятельности – два чемодана и один баул. Не густо. Из электроники – только его ноутбук, и то вырвал с трудом. Продолжение объяснений с Лилей было просто ужасным, его следовало как можно быстрее выбросить из головы. Вместе с Лилей, если это удастся.

Он открыл багажник. Там картина была более оптимистической. Кроме банки маринованного отличного мяса для шашлыков, было немалое количество не слишком скоропортящихся продуктов. Еще раз замечу, что эти запасы не выглядели слишком диетическими, как мы с вами и подозревали. В качестве наркоза Алик приобрел две бутылки красного десертного вина «Марсала», которое – как он успел заметить – предпочитала Валентина. Хотя не был уверен, что оно подходит к шашлыку.

Он быстро выгрузил продукты в холодильник и лег отдохнуть. Велико было напряжение, и он опасался, что роль гостеприимного хозяина и бонвивана ему в таком состоянии не по плечу. Проснулся вовремя – чуть больше восьми. Сначала подготовил все у камина – дрова, стол, стулья, тарелки, ножи и вилки, салфетки. Остался собой доволен. Заготовил пять шампуров шашлыков (пять!), один из них был фальшивым - два небольших кусочка мяса, остальное овощи. Он, кажется, всерьез решил вернуть себе спортивную форму, и я напрасно ехидничал по этому поводу.

Все заготовки Алик полил фирменным соком и при этом замаскировал подделку. Потом уже собирался было нести к столу шашлык и закуски, когда снова нечаянно подслушал разговор соседок. Почти точную копию вчерашнего.

- Мама. Пойдем со мной к Алику. Сережка сейчас уже уснет. Что тебе делать? Мне неудобно одной. Да и скучно будет без тебя.

Последняя реплика только подтвердила его мрачные предчувствия, оказывается с ним не весело, как и следовало ожидать. Энтузиазма и самоуважения от этого «открытия» у него не добавилось. Потом соседки зашли в дом и продолжения разговора – к счастью – он не услышал. Но вам, уверен, будет интересно.

- Хорошо, пойдем. Инночка, извини, я, может, вмешиваюсь не в свое дело. Но мне не очень понятно. Ты просто сочувствуешь Алику, или все же испытываешь к нему... Не знаю, как сказать – интерес.

- Ты хочешь спросить, нравится ли он мне или я имею на него виды?

- А это не одно и то же?

- Мама, - в интонации Регины прозвучало умиление, - какие же вы, ей богу, как маленькие. Какие виды можно иметь на человека, который в его возрасте не имеет ни кола, ни двора и никаких перспектив. Который ничего не добился, кроме рогов.

Валя была шокирована. До такой степени, что вместо Инночка сказала Регина, что бывало не часто.

- Регина, ведь ты когда-то была в него влюблена и сама мне все уши о нем прожужжала.

- Когда это было... Он тогда еще был кудрявым.

- И потом, я тебе не говорила, но думаю, у вас что-то было не так уж давно.

- Мама, ты сама видишь, я и сейчас к Алику хорошо отношусь, жалею его. Но жалость в отношениях ничего не решает. Скорее наоборот. Алик - ты знаешь - не боец. Никогда им не был и не будет. И всерьез связываться с таким человеком просто нелепо.

- А почему человек обязательно должен быть бойцом? Он неглупый, порядочный, хороший специалист. Твой отец его ценит, сколько раз предлагал партнерство...

- И что? Никуда этот человек не рыпался, играл в свои игрушки. Доигрался. Ему на его зарплату квартиру и за десять лет не купить. Тем более, уверена, он еще будет платить алименты этой стерве и квартиру ей отдаст.

- Регина! Что же это с вами со всеми творится? Почему нормальные человеческие поступки вас удивляют? Федор Васильевич отдал квартиру детям, уверена Алик тоже уйдет на дачу...

- Конечно, уйдет. Бесплатно. Отец и сын – два сапога пара. Не морщись, в хорошем смысле пара. Я их очень за это уважаю, и люди они хорошие, очень хорошие, но... ископаемые. Как эти мохнатые слоны... **Даже не мамонты, совсем древние...**

- Мастодонты? Мамонты?

- Они самые. Так теперь не проживешь.

- Их что, отстреливать прикажешь?

- Зачем, сами вымрут... К сожалению. Но так мир устроен.

- Ты, Инночка, идешь в ногу со временем...

- Стараюсь. Не всегда получается, правда, но стараюсь. А Алика я бы утешила. Для этого он еще в форме. Но не больше...

- Регина, давай без цинизма. Слышать этого не могу.

Валентина очень расстроилась от разговора. Замолчала. Регина размолвки не любила, считала, что нервы портить понапрасну нерационально. Она подошла и поцеловала мать.

- Мама, это не цинизм, потому что Алик мне и сейчас очень нравится, - она не удержалась и добавила, – правда, больше по старой памяти. И я хочу с ним встречаться. Но только на время. И это вполне нормально и разумно. Современно, как ты говоришь.

Валентина улыбнулась, безнадежно махнула рукой - что с тобой поделаешь! Проехали!

Но осадок остался.

Поэтому, когда они зашли на участок Алика, подсели к весело горящему камину, Валентина посмотрела на мрачноватого хозяина очень теплым и сочувствующим взглядом. От души улыбнулась ему – а улыбка у Валентины была замечательная.

- Мы очень рады тебя видеть. Спасибо, что позвал в гости скучающих соседак.

Скучающие соседки выглядели очень эффектно. Обе высокие, подтянутые, стройные. Светлые волосы - у Регины рассыпаны по плечам, у Валентины скромно собраны сзади резинкой. Обе в джинсовых брюках, кофточка у Регины темная, у Валентины, кажется розовая – при неяркком свете не различить. Алик позавидовал самому себе. И добавьте к этому необычно теплое приветствие всегда сдержанной Валентины. Он, естественно, не догадывался, что такое ее отношение к нему является только формой извинения за черствость дочери.

Но искренность его почувствовал и приободрился. Вслед за этим и Регина, которая уже сожалела о своих циничных, хотя и правдивых высказываниях, подключилась к жизнерадостному началу встречи. Она ласково поцеловала Алика в щеку, подумала... и поцеловала в другую.

Лиха беда начало, вечер после этого прошел, как пишут в газетах, в обстановке полного взаимопонимания. И даже пить вино для поддержания тонуса не нужно было. Правда, этого требовали шашлыки, огонь в камине и вся обстановка теплого сентябрьского вечера на лоне природы, поэтому бутылку Марсалы все-таки потихоньку выпили. С прискорбием сообщая, что Валентина приняла в этом активное участие.

Регина была в центре вечера, и старшее поколение с большим удовольствием и благожелательностью предоставили ей эту позицию. Она напропалую кокетничала с Аликом, покраснелась, похорошела, смеялась по поводу и без повода. И тоже в смысле «Марсалы» немногим уступала Валентине. Последнее время ей не везло с кавалерами, точнее с ее отношением к этим кавалерам. Оказалось, что на их фоне с Аликом, да еще в довольно экзотической обстановке, да еще с таким неплохим собеседником как любимая мама, было комфортно.

Старшее поколение между собой общалось в основном через Регину. Иногда они поясняли ей свою мысль, иногда даже растолковывали. Друг друга они понимали почти без

слов, одно поколение, да и во вкусах и отношении к жизни много общего. Конечно же, приходилось иногда искать темы, вызывающие общий интерес. Скажем, впечатлениями о прочитанном недавно томике Верлена Алик делиться не стал. Но темы не такие специфические находились без особого труда.

Регина тоже иной раз ставила в тупик собеседников, называя неизвестные им фамилии, ансамбли или название гламурных популярных журналов. Валентина в таких случаях с улыбкой просила:

- Ты объясни, пожалуйста, нам, мохнатым слонам, о чем собственно, идет речь.

Регина, давилась от смеха, видя недоуменное выражение лица Алика, и популярно объясняла, что мохнатые слоны это ископаемые мамонты. Затем рассказывала ху из ху. Общение было приятным и каким-то семейным. На удивление.

Каждые полчаса бабушка Валя уходила проверять, как там Сережка. Регина и Алик использовали эти перерывы для интимных объяснений. Начала откровенный разговор, естественно, более молодая и уверенная в себе Регина.

- Мне тогда было хорошо с тобой. Очень хорошо. Но это было уже давно. Четыре? Нет, пять лет тому назад...

- Да, я понимаю, - вдруг почему-то сбивчиво стал оправдываться Алик, - ты молодая, интересная, и кто-то, конечно, есть...

Регина раздраженно махнула рукой.

- Нет у меня никого, но я не об этом. Не сбивай. Я и сейчас к тебе хорошо отношусь...

- Да, конечно, я тоже. Я понимаю... - Алик совсем растерялся.

- Но давай не будем форсировать события. Пусть все идет, как идет.

- Вот именно, не форсировать, - он стал приходить в себя.

- На тебя столько навалилось, ты должен сначала отдышаться.

- Это правда. Отдышаться, ей-богу, будет не лишним. Но я очень благодарен тебе и твоей маме. Вы, честное слово, как близкие родственники, - Алик мобилизовал все свои запасы галантности и добавил: - а ты еще ближе.

Тут по ходу сценария нужно было бы поцеловаться, но они этого не сделали. Форсировать ситуацию действительно не стоило. И очень кстати вернулась Валентина.

Когда они следующий раз остались вдвоем, Регина сказала:

- Кажется, у тебя есть группа поддержки. Я имею в виду маму.

- Почему? - искренне удивился Алик.

Регина ответила сквозь смех:

- Наверно надеется, что я буду сюда приезжать чаще, - и продолжила уже серьезно: - Ей очень не нравился Вовчик. А перед этим Леньчик. Она не вмешивалась, советов не давала, только скажет: «Звонил твой очередной чик».

- Какой «чик»? Не понимаю.

- Что тут понимать? Вовчик, Леньчик, а перед ним был Даньчик - это мой муж.

Алик помрачнел. Внутри зашевелилось что-то неприятное, может быть, даже ревность. Регина это отметила про себя. С удовольствием.

- Но за тебя она заступилась.

- Ага. Она заступилась, значит, ты нападала?

- Замнем для ясности...

Замяли. Помолчали.

Вернулась Валентина, и разговор вновь стал общим.

В следующий перерыв инициативу перехватил Алик. Он сказал, что искренне не понимает, почему такая интересная и неглупая женщина до сих пор не замужем. Все эти

«чики» действительно не в счет. Вопрос Регину не обидел. В ответ он получил пространное объяснение.

Оказывается, это совершенно нормальное развитие событий. Статистику она, естественно, не знает, но все ее подруги, все до одной, после первого брака развелись, большинство в наследство получило ребенка или даже двух. И вот к тридцати годам, иногда и позже, начинается по-настоящему серьезный этап. Находится серьезный и надежный человек, который возьмет женщину с ребенком и будет их ценить. Человек самостоятельный, не нахлебник, как Даньчик. И ребенок не помеха. Скорее дополнительная проверка на надежность. Тогда-то и создается прочная семья.

- А любовь? - задал наивный вопрос Алик.

Конечно, по мере возможности и любовь. Хотя с этим сложнее. В таком возрасте, с таким опытом... Честно говоря, любовь уже не на первом месте. И не на втором. Основное это надежность, серьезность и совместимость. Потом, на следующих местах может быть и любовь. А может, где-то еще дальше... Так что у Регины все как у всех. У нее еще все впереди.

Вдруг Регина затихла и поскучилась. Налила себе в бокал остатки вина из бутылки и выпила без тоста.

- Никто не знает, что его ждет впереди. Может, и мне тоже не суждено быть счастливой. У меня в этом смысле плохая наследственность. Но и на мне вина тоже есть. Поздно я это поняла... Тс-с-с. Мама возвращается.

Алик не стал выяснять, что она имела в виду. Но почему-то вспомнил сплетни об отношениях Стручкова и Сабитовой. И про себя отметил, что Валентина действительно не выглядит очень счастливой женщиной. Статной, красивой, приветливой, прекрасной женщиной... но счастливой? Вряд ли...

На следующий день Алик начал готовиться к довольно сложному проекту кондиционирования большого супермаркета. Работы месяца на два.

Сердюк улетел в Испанию, на какую-то выставку. На четыре дня. В отсутствие Стручкова он эти выставки легко находил. Алик остался за старшего. Четыре дня можно потерпеть.

Он пытался сосредоточиться на работе, но ему мешал непрерывный поток мыслей приятного и неприятного свойства. Не помогало и перманентное чувство голода, чай и йогурт на завтрак только возбудили аппетит...

«Нужно позвонить ребятам. Сегодня день рождения сына Витьки...»

Он позвонил всем трем по очереди. Сказал, что разводится с Лилей. О причинах не говорил, но судя по реакциям, этого и не требовалось. Маша, жена Вити, работала в большом разваливающемся по швам оркестре, откуда Лиля ушла в ансамбль. Сомнений не было, о вендетте знало все музыкальное сообщество, особенно женская его часть. Короче, друзья были в курсе дела.

Каждый предлагал помощь. Выпить. Посидеть...

Еще одна проблема не выходила из головы – все-таки нужно попытаться поговорить со Светой, даже если это кроме вреда ничего не принесет.

Он набрал ее мобильный. Услышал посторонний шум, громкие голоса. Он взглянул на часы – еще не было и двух часов. Тем не менее она в кафе. Рановато.

В ответ игривое:

- Але. Кто это?

- Это я, папа.

- Алик? – она прикрыла трубку, стала объяснять кому-то, что никакой это не хахаль, а отец. Наконец ответила:

- Да, я слушаю.

Абсолютное спокойствие. Как будто-то ничего не происходило.

- Я думаю, нам бы нужно было бы встретиться, поговорить...

- Папа (ну слава богу, хоть не Алик), не думаю, что это нужно.

- Почему, я все-таки...

Ему докончить не дали:

- Ты у нас все время был как-то в стороне. Пусть так и дальше будет.

Она отключилась.

Перезванивать, продолжать приставать с разговорами было бессмысленно.

«Все время был как-то в стороне». Наверно, в стороне... Не стоило звонить.

После короткого разговора он весь взмок, с трудом приходил в себя.

Утешился тем, что выпил чай с ма-а-леньким бутербродиком с тонким листиком сыра и отправился на тренировку. Постарался выбросить разговор из головы, но это плохо удавалось. Пришлось повесить нагрузки. Я, признаюсь, завидую его стойкости, разумеется, в смысле диеты.

Вернувшись в офис Алик наконец собрался с духом и позвонил отцу. Откладывать больше было невозможно. Как он расскажет ему о разводе с Лилей? А о Светочке?! При одной этой мысли волосы у него на затылке становились дыбом. Он разобьет любящему деду сердце. Но на его счастье дед не был расположен к длинному разговору. В этот момент Рита Аркадьевна осторожно намазывала его поясницу скипидаром – она предпочитала народные средства. Таким образом желание оттянуть разговор на возможно дальний срок у обоих совпало. Федор Васильевич сказал, что он в гостях, говорить неудобно, перезвонит завтра. Алик ласково назвал его старым Ловеласом, и они оба с облегчением отключились.

Домой, то есть на дачу, Алик приехал часов в пять. Ему предстояла большая работа. Нужно было приводить комнаты в божеский вид – в связи с близким переездом в город все было подзапущено. Подготовить отопительную систему к зиме и так далее. Но, наверно, самое тяжелое – помыть полы. Швабру для мытья полов Лиля уже увезла в город, а живот Алика, несмотря на новый режим, пока еще мешал принимать рабочую позу для мытья пола руками.

Он переоделся, закатал рукава и приступил. Для начала вынес кое-что для проветривания на улицу – и тут на его территории появилась Регина. В спортивном костюме и тоже с закатанными рукавами. Она молча поцеловала Алика в щеку – только один раз – и деловито принялась ему помогать. На его очень слабые возражения не реагировала. Так они – переговариваясь только по делу – проработали часа три. Все было выполнено и перевыполнено. У Алика на это ушла бы неделя. Он готов был от умиления прослезиться не только в переносном смысле, но и в самом что ни на есть прямом. В девять раздался крик Сережи:

- Мама, я не хочу спать, а бабушка говорит...

Регина подошла к Алику, поцеловала его на этот раз в губы, но просто, по-домашнему, как прежде целовала в щеку. Совершенно не сексуально.

- Алик, я завтра иду на девичник, к подруге. Приду поздно. А на послезавтра взяла два билета. Приезжают «Сибирские пельмени». Такая группа. Вроде комеди клуба. Если хочешь, пойдем. Звони, – и громко: - Иду, Сережа, иду!

- Я так, так...

Пока он подыскивал слова, соответствующие переполняющей его благодарности, Регина ушла.

В четверг на работе к Алику зашла как к старшему секретерша и объявила, что к нему просится какой-то шмындрик. Для тех, кто бывал в Украине, это слово известно. Для тех, кто не был, оно сейчас станет понятным - в кабинет Алика вошел тот же парламентар, который принес черную метку Анатолию Стручкову.

Я не стану дословно воспроизводить его короткую речь – смесь легкого мата, фени, русского и украинского языков. Расскажу суть. Алика просят передать его хозяину, чтобы тот соображал быстрее. А чтобы хозяину в этом помочь, на днях в фирме «конди... кондици..., от блин! – в вашей хвирме» начнется такая же проверка, как на заводе «Металлоизделия».

С трудом выговорив название завода, посол повернулся и пошел к выходу.

- Пойдите, а какому хозяину?

- Тебе лучше знать, кто у тебе хозяин.

И шмындрик ушел, не прощаясь. Впрочем, он и не здоровался.

Алик прекрасно знал, что происходит на заводе «Металлоизделия». И знал, что стоящие за шмындриком люди слов на ветер не бросают. Что делать? Ну прежде всего, как человек еще с советской закалкой он решил на всякий случай бросить работу – а вдруг впустую? Но чем-то занять время нужно, и он поехал на объекты. Прогулялся по парочке строек. Поболтал с рабочими. Потом фитнес...

Он не очень удивился и не очень ужаснулся. Не возмутился наглостью – дело привычное. Как природное явление. Не станешь же возмущаться землетрясением? Ну, развалился соседний дом. Что делать, если сейчас зона в Украине сейсмоопасная? И не слишком перепугался – он специалист приличный, на свою шею хомут всегда найдет. Вот бизнесменам не позавидуешь, они у нас в вечном страхе – он вспомнил свои дебаты по этому поводу с Лилей. «Кто не рискует, тот шампанского не пьет», - говорила она. Нет уж, кто не рискует, тот в тюрьме не сидит, так вернее... Почему-то он попытался представить себе как на это отреагирует Валентина, не как жена бизнесмена, а просто как умный и порядочный человек.

Он решил, что нужно будет ей рассказать о шмындрике и его угрозах, пусть позвонит Анатолию. Отличный повод для визита. Он с удовольствием представил себе, точнее вспомнил ее прекрасное улыбающееся лицо на фоне горящего камина. «Мы очень рады тебя видеть. Спасибо, что позвал в гости скучающих соседок». Интересно, Регина уже ушла на девичник? Хорошо бы и ее застать...

Алик действительно стал чувствовать себя в их семействе своим... Не рано ли?

Он вернулся домой рано, часов в пять. Позвонил на городской телефон Валентины – номерами они обменялись давно, соседи по даче, мало ли что. Валентина подняла трубку. Алик попросил аудиенцию – так он про себя назвал визит к ним на дачу, видимо, он перед хозяйкой все еще робел. Сказал, что ему поручили кое-что передать Анатолию. Разрешение и даже приглашение было получено.

Валентина и Сережка коротали время внизу, в гостиной. Сережка смотрел мультики по телевизору. На вошедшего не обратил никакого внимания. Валентина встретила Алику улыбкой, хоть и не такой теплой, как вчера у камина, но все-таки не формальной. И педагогично сказала Сережке:

- Поздоровайся с дядей Аликом.

Кажется, Сережка сделал какой-то знак рукой. То ли «не мешайте», то ли «привет».

- А Регины, к сожалению, нет, она на девичнике.

- Я знаю, она мне сказала.

Валентина откровенно была обрадована этими словами. Раз Регина его предупредила, значит, их отношения налаживаются. Кажется, у Алика действительно появилась группа поддержки. Лобби...

- Собственно, я к тебе. Мне кое-что поручили передать...

Только бизнес, ничего личного.

Я писал, что сплетни о близких отношения Анатолия Стручкова и Дарын Сабитовой оказались правдой. Это не совсем точно. Правдой было то, что у них были интимные отношения. А вот близкие... Бывает, что близкие отношения включают в себя и интимные, но это сочетание совсем не обязательно. У них были прекрасные деловые отношения, очень неплохие интимные, но никакой душевной близости не было и в помине. И вина в этом лежала в основном на Анатолии. Если бы не его душевная глухота и поклонение Валентине, он и Дарын могли бы жить да поживать и совместно добра наживать.

Душевная глухота в любви, в ненависти, в отношениях с миром и даже с Валентиной, мне кажется, это основная черта Анатолия. Такая характеристика еще раз доказывает, что я отношусь к одному из своих героев (так же, кстати, как и к его прототипу), мягко говоря, без малейшей доли симпатии. Может быть, и не совсем объективно. Давайте я попробую рассказать как можно добросовестней о лучшей стороне его характера – отношении к Валентине, а вы решайте сами.

Да, все его мысли, кроме работы и денег, принадлежали жене. И что из этого? Мне все чаще кажется, что это была не любовь, а скорее разновидность фанатизма. Так фанат-коллекционер дрожит над прекрасным произведением искусства, своим, личным. Ни у кого такого нет. Гордость обладания...

Нет, не знаю... Объяснение полным не получилось. Судя по некоторым поступкам, он Валентину все-таки просто по-человечески любил. Когда у нее было жестокое воспаление легких с неприятными последствиями, лет двадцать тому назад, он буквально сходил с ума. Привозил лучших врачей, сам, забросив работу(!), отвозил ее в одну из лучших клиник Швейцарии. Был хуже любой няньки – именно хуже, потому что торчал возле нее и допекал своим беспокойством днем и ночью. А когда после исчезновения Альгирдаса она впала в тяжкую депрессию, не ела, не спала, двигалась как манекен, то он похудел, пожелтел, и, казалось, страдал этой депрессией не меньше ее. Выздоровливали они вместе. Валентина, безусловно, ценила такое самоотверженное отношение мужа, но отклика в себе не находила. Ничего не могла с собой поделать. Отвечала только тем, что было в ее силах – верностью и сочувствием.

Знала ли Валентина об отношениях Анатолия и Дарын? Думаю, что догадывалась, хотя никаких признаков недовольства или возмущения с ее стороны не было. Сам Анатолий свой адюльтер изменой не считал, скорее чем-то вроде благородного самопожертвования. И для этого, нужно признать, были серьезные основания.

Само собой разумеется, интимная жизнь семьи Стручковых с самого начала была неблагополучной. Впрочем, определение «неблагополучной» очень слабое и совершенно не соответствует действительности. Для Валентины она была мучительной, невыносимой, требовала невероятных усилий над собой. К счастью для нее, спали они с самого начала семейной жизни в разных комнатах. Сперва беременность была серьезным основанием –

Анатолий смолоду прилично храпел. Затем маленький ребенок рядом. Потом привыкли. Но исполнение супружеского долга каждый раз было для Валентины мучением. Даже тогда, когда она уже оценила преданность Анатолия и стала относиться к нему... не знаю, как определить это отношение... скажу так – с благодарностью, даже тогда она не в силах была преодолеть физическую неприязнь. Несовместимость. Такие чувства скрыть невозможно, хотя Валентина изо всех сил старалась не обидеть мужа. И вот в один прекрасный день, а точнее в одну далеко не прекрасную ночь Анатолий по выражению лица супруги понял – если испытания супружескими обязанностями не прекратятся, то Валентина уйдет. Выбора не было. Анатолий прекратил посещения явочным порядком, без неприятных для обеих сторон объяснений.

Бегать по постелям Анатолий не хотел, в сущности он был постоянным человеком, даже, как вам известно, в определенной степени заслужил звание однолюба. Но он был нормальным мужчиной и постарался найти выход. Был один неудачный адюльтер с женой почти друга (я уже говорил, что настоящих друзей у него не было), который стоил ему немалых денег и надолго отбил охоту к похождениям. И тут появилась одинокая и не слишком требовательная Дарын. Связь стала долгой и удобной. Анатолий оставил за собой однокомнатную квартиру в одном из построенных его фирмой домов, там они встречались два раза в неделю после работы часа на два. Во время «любови» вполне могли обсуждать некоторые текущие дела, так что когда Анатолий дома говорил, что задержался на работе, то почти не кривил душой. Впрочем, его никто не спрашивал, где он был.

А Валентина ходила к врачу и принимала гормоны. Женщины меня понимают...

Дарын почти сразу после установления с Анатолием стабильных отношений привезла в Город отца и мать из далекого казахского аула. Объяснение было простым – куда девать во время свиданий сына? Анатолий признал справедливой логику Дарын и сдал ей в еще одном, построенном фирмой доме отличную четырехкомнатную квартиру. Не дешевую. Дарить квартиру он не собирался, поэтому предложил высчитывать то ли арендную плату, то ли ее стоимость в рассрочку из зарплаты Дарын. Высчитывал мало, значительно меньше стоимости аренды такой квартиры. В этом, ему казалось, был хитрый расчет. Квартиру он пока – как гарантию, что Дарын никуда не денется – оставил за собой, а зарплату почти не повышал, объявив, что такая квартира сама по себе является большой компенсацией. Все это было туманно и не задокументировано, но - объяснял Анатолий – мы люди свои. Дарын тоже не ставила точки над «и», потому что квартиры и аренда дорожали, и не платить было легче, чем платить. Но она понимала, что Анатолий может и обмануть, поэтому потихоньку собирала на него материал, проще говоря, компромат, чтобы в случае чего поприжать.

В данном конкретном случае такая ситуация оказалась бомбой замедленного действия. Взрыв произошел через две недели после приезда Стручкова с Дарын в Полетное. За это время все экономические и договорные проблемы были отлажены и полностью оформлены, работы для Дарын уже не было. Поэтому было решено, что в ближайшие день-два она вернется в Город.

По настоянию Анатолия и согласованию с Талиповым договор был составлен таким образом, что обязывал прежде всего отработать аванс, полученный Стручковым еще в Городе. Аванс не маленький, два миллиона долларов. Стручков был подрядчиком, и обычная схема – заказчик дает аванс – в данном случае выполнялась. Основные расходы аванса – поставка большого числа комплектующих из-за границы. Дарын знала – от нее это было скрыть трудно, – что большую часть аванса Анатолий переправил в офшор и тоже – на всякий случай – на имя Валентины. Подстилал соломку за рубежом. Под своим именем и по

своим каналам – через Дарын - переправлять боялся, понимал, что его счета под контролем. На имя Валентины и по запасным каналам могло проскочить. И действительно проскочило.

Сведения, которые доходили из города, оптимизма не добавляли. В один из вечеров в ресторане за распитием бутылочки коньяка Талипов доверительно рассказал все, что знал о проблемах Анатолия с рейдерами. А знал он немало, так как был достаточно близок к новой власти. Оказалось, общественный шум вокруг рейдерских захватов заставлял власти Города быть осторожнее. Пришлось побыстрее завершать начатое, а упорствующих добивать без всяких сантиментов. Мало того, в новых условиях власти Города вынуждены были доказывать, что прокуратура не только отбирала имущество и осуществляла беспардонный силовой передел, но и наказывала провинившихся бизнесменов. Нужен был показательный процесс. В качестве одного из кандидатов на роль козла отпущения рассматривался Стручков собственной персоной.

Андрею были известны заказчик и посредник всей операции. Заказчика он называть не собирался, тот забрался достаточно высоко, а посредника назвал. Им был референт нового мэра.

Раздосадованный Анатолий в тот же вечер по привычке поделился всеми подробностями с Дарын, удобно устроившись в ее широкой кровати.

Кажется, подготовка запасного аэродрома за границей становилась действительно необходимой для Струčkова, если ему не удастся договориться с посредником. Но были вещи, которых Дарын не понимала. Первое и самое важное - что будет с ней, и второе – за какие шиши Стручков привезет из-а границы комплектующие, которые его старые компаньоны в Италии уже практически собрали. Они только ждали окончательной оплаты. Но где Стручков возьмет миллион, который уже переправлен в офшор? Если Анатолий «кинет» Талипова, тот его найдет на дне моря. Значит, это исключено. А свободных денег у Струčkова не было, и кому, как не Дарын, это знать.

Прежде всего она задала вопрос о деньгах для Талипова. И в ответ Анатолий ничтоже сумняшеся сказал, что еще до отъезда он подготовил через своего адвоката Лисянского договор на продажу помещения офиса и... ее квартиры. И уже нашел покупателя. Это и будет искомый миллион. Сказал просто, обыденно, даже не пытаясь подготовить ее и смягчить пилюлю. Я вас предупреждал, что душевная глухота у него была полная и абсолютная.

Ах так! Вот так!! Значит так!!!

И разразился финальный мощнейший скандал. Место действия – кровать, а затем, по мере возгорания, и вся площадь номера Дарын в гостинице.

Начало было только разбегом.

- А что будет со мной?

- Ты человек взрослый.

- А квартира?

- Не думаешь же ты всерьез, что я подарю тебе пол-лимона?

Мощность ее криков временами достигала 100 децибел, во всяком случае окна дрожали и в шкафу звенела посуда. Обращения к противнику были от самых интеллигентных и даже вычурных – «уродливый каракатый(!) фавн» - до самых что ни на есть простых, с упоминанием далеких и близких родственников. Дарын была дамой разносторонней.

А суть криков: ты при мне поднялся в два раза, а сейчас я с семьей должна начинать с нуля?! Без работы, без квартиры! А мне уже не двадцать лет. И не думай, что я это так оставлю. Ты еще пожалеешь!

Возражения Анатолия были основаны на том, что Дарын ему больше на фиг (сказано было крепче) не нужна, что он положил ей хорошую зарплату, подобрал из грязи, что она семь лет платила за аренду роскошной квартиры половину нормальной платы. И все ей мало? Она ему за эти годы не додала 40 тысяч долларов аренды. И всерьез хочет, чтобы он подарил ей квартиру в полмиллиона долларов? Да пошла она – и сказал вполне определенно куда.

Голос у Анатолия во время скандала был высокий и противный, но децибел поменьше, чем у Дарын. А обращения к противнику были на невысоком уровне и обнаруживали бедную фантазию и слабую начитанность. Но крепость выражений была, этого не отнимешь.

Интересно, что никто даже не вспомнил об их близости, которая, кстати сказать, состоялась буквально за несколько секунд до начала скандала, фактически слилась с ним. Оба понимали, что никакого отношения к делу это не имело. Бизнес есть бизнес, ничего личного.

Правда, близко к этой теме подошла Дарын. Она пригрозила рассказать Валентине «какой ты хлыщ!».

И тут Анатолий неожиданно спокойным голосом сказал:

- За Валентину убью. И ты уже будешь не первой.

Для шутки это прозвучало слишком мрачно, поэтому Анатолий сказанное решил смягчить подобием улыбки. Получился просто перекося физиономии. Но Дарын почему-то расхотелось продолжать эту тему.

Вернулись к старым проблемам.

Когда они охрипли, разговор принял более практичное направление. Так «семейные скандалы» у них обычно заканчивались. В конце концов Анатолий предложил ей 50 тысяч долларов отступного и обещал найти за этот аванс обычную квартиру в старом доме. В рассрочку через банк.

- Будешь жить в обычной трехкомнатной квартире, в старом доме, как все нормальные люди. А работу найдешь... После моей школы...

Дарын промолчала, а о чем она думала, один бог знает.

- Ну, ладно. А что ты дальше будешь делать?

- Если они меня решили добить, то терять нечего. Пойду ва-банк. В суд, в газеты. Не так просто что-то доказать. У нас с тобой все концы в воду, - он набычился. – Ты знаешь, упорства у меня хватит.

- Упрямства.

- Это одно и то же.

- Головой пробивать стены ты можешь, это я знаю.

- Могу. Ну и что?

- А голова дана не для этого.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Что, к примеру, не стоит ссориться в таком положении с главным экономистом.

- Ты мне угрожаешь?

- А что мне остается?

- Ты меня шантажируешь?

- А ты меня выгоняешь из дому.

Они опять попытались увеличить звук, но сил на это уже не осталось. Пришлось ограничиться добавлением эпитетов.

Мне вообще в этой книге часто приходится редактировать прямую речь, причем у мужчин и у женщин примерно одинаково. Еще один признак времени!..

- Я тебя выгоняю не только из квартиры, но и с работы. К черту. Ты уволена. Прямо сейчас. Забирай свои тряпки и убирайся отсюда немедленно!

- Это мой номер!

- Я за него плачу.

- Номер на мое имя!

- Тебя вышвырнуть?

Дарын подняла трубку:

- Можно администратора? Или охрану?

Анатолий не стал дожидаться продолжения, влез в пижаму и, добавив по дороге пару предложений, выбежал, громко хлопнув дверью.

- Так теперь будет всегда! - прокричала вслед Дарын.

Анатолий безусловно перешел допустимую черту. Но не исключено, что Дарын его сознательно провоцировала.

Через сутки после описанного скандала она уже была на приеме у Референта, будем называть его с большой буквы, тогда можно обойтись без фамилии. Так надежнее с точки зрения безопасности (разумеется моей).

Референт был упитанным, свежим, крепкого сложения блондином, роста среднего, возраста... С возрастом немного сложнее – на вид примерно лет сорок, но каждому было ясно, что он выглядит моложе своих лет.

Референт поздоровался голосом деда Пихто, но Дарын этому не слишком удивилась. Чего-то подобного она ожидала.

Она представилась как главный экономист банка Стручкова и всего прочего – неопределенный жест рукой, – что с этим банком связано. А пришла она сюда потому, что такой человек как референт мэра может и ей посоветовать что-то разумное.

Под этим соусом и шел разговор.

Прямую речь я вам при всем желании передать не смогу, потому что прямо ничего сказано не было. Все говорилось намеками, иносказанием, хитрыми запутанными стежками-дорожками.

А суть всего этого нагромождения слов была очень проста. Стручков, на которого она пахала несколько лет (Референт кивнул, он это знает), который при ней поднялся в два раза (Референт опять продемонстрировал, что в курсе), сейчас ее кинул и даже выгоняет из квартиры. Последнее сообщение Референта явно заинтересовало.

Она опытный экономист и опытный человек, у нее есть много интересных фактов в документальной форме. С ними можно и самого тупого осла убедить принять любое предложение – она явно имела в виду Стручкова. Можно вообще избавиться от него любым, даже юридическим – акцент! – способом. Это первое.

Но жалко без толку разрушать такое хозяйство. Можно поменять хозяев или как-то что-то перераспределить, а руководителем оставить знающего специалиста, который уже себя проявил.

Под конец беседы она почти напрямую предложила себя вместо Стручкова в обмен на мощное оружие, которым можно прижать этому ослу хвост. Плюс – само собой – квартира, которую она заслужила как никто другой.

Референт с обезоруживающей простотой и искренностью сказал, что он далеко не все понял из ее рассказа, вообще мало что понял, но подумает на досуге, посоветуется со знающими, намного больше его знающими людьми и обязательно ей перезвонит. Буквально завтра-послезавтра. И вид у него был очень довольный.

Пять вечеров, которые...

Продолжение.

- Что ж мы стоим у входа? – спросила Валентина. - Проходи. Чашечку кофе?

- Спасибо, с удовольствием.

Они прошли гостиную и оказались на кухне. Два цвета - светлый в салоне и темно-вишневый на кухне - создавали впечатление четкой границы. Алик сел за темно-вишневый столик с четырьмя красным дерева стульями, Валентина хлопотала у кофеварки.

Кофе – черный – оказался очень вкусным, а разговор интересным и неожиданным, так во всяком случае Алику показалось.

Он как можно подробней описал шмындрика и передал его послание.

- Ты понимаешь, о чем речь? Это рейдерский захват...

Валентина усмехнулась:

- Я экономист. Да и новости в этом нет, просто при новой власти масштабы стали другие. Это давно секрет полишинеля. Спасибо, Алик, я сегодня же позвоню Анатолию.

Она помолчала, затем продолжила:

- Но мы с Анатолием договорились в дела друг друга не вмешиваться. Во всяком случае, пока об этом не попросят. Так удобнее...

Алик обратил внимание, и уже не первый раз, что Валентина называет мужа только по имени. «Позвоню Анатолию». Как-то привычней было бы сказать «позвоню мужу».

- Алик, ты, надеюсь, тоже понимаешь, что они теперь и за вас возьмутся?

- Понимаю. И понимаю, что могу потерять работу. Конечно, неприятно. Но не смертельно. Мне нечего терять, кроме своих цепей. Анатолию сложнее. Это настоящий разбой...

Дальнейший разговор происходил с паузами неторопливо, обдуманно.

- Валя, я вот о чем подумал. Меня это все не только не удивило, но даже не возмутило. Не оскорбило, а ведь должно было бы... вот что ужасно. До какого состояния мы дошли?

- Вот и я о том же... Только что либералы рассуждали по телевизору, что мы живем отдельно от власти. Мол, у них там свои игры, грязные игры, а мы живем или должны жить своей нормальной жизнью, на них не обращая внимания. Но ведь так не бывает. Мы тоже живем криминальной жизнью. Мы все криминал.

Алик был озадачен, но, кажется, начал понимать, что она имеет в виду.

- Кем является человек, который на каждом шагу нарушает законы? Уголовником. Дать взятку и брать взятку это уголовное преступление. Откаты, коррупция тем более. Милиция, которая должна нас защищать, нарушает все, что возможно. Открыто, даже не прячась, мы суем деньги инспектору с большой дороги, в институт, в ЖЭК. Любой начальник приставляет нож к горлу – кошелек или жизнь. Отсылаем наверх взятки, забирая свою долю, как в банде. И мы уже не понимаем, что человек может делать, а чего не может. Что законно и что незаконно, а следом и что морально, а что аморально. Тут нет границы. Совесть и мораль, разбой, воровство и наглость несовместимы.

- Ну, не все, я, например... - и Алик замолчал. Он подумал – впервые в жизни подумал – то, что совершает на работе уголовное преступление. А ведь даже в голову не приходило! Вот что самое удивительное! Он использовал материалы фирмы и в рабочее время сделал программу. По закону она принадлежит фирме. Потом, ни слова не говоря, вместо положенных 165 часов в месяц работает от силы тридцать, скрывая эти программы. Он

ворует у хозяина. В нормальной стране это преступление, уголовное преступление, а здесь даже такие мысли в голову не приходят. Ведь все вокруг...

Автоматически он вслух продолжил свою мысль:

- Так все вокруг воруют, и врут. Такие преступления совершают, куда нам грешным...

И остановился. Об этом, собственно, Валентина и говорит.

Он пригубил из чашки. Кофе был горький, как и признание, которое он сделал.

- Да, ты права. Так мы себя и утешаем. Под эту песню каждый уже не разбирает, где черное, где белое. Каждый, и не только те, кто наверху. Какая тут может быть мораль?..

Он вспомнил Лилю. И Свету.

Совсем расстроился. Это было очень заметно.

- Когда нет законов, в силу вступает закон джунглей. Поэтому они все такие... жесткие, - Валентина тоже вспомнила свое - разговор с Региной, и тоже расстроилась.

Какое-то время они сидели молча, огорченно пили прекрасный кофе, не ощущая его вкуса.

- Я пытаюсь отгородиться стеной от того, что нас окружает. Но как такое возможно? Мы связаны тысячами нитей со всем этим. И там наши родные и близкие... Я так волнуюсь за Инночку. Нет, она девочка хорошая. Но жизнь очень сложная...

- А я, - таким загробным голосом сказал Алик, что Валентина вздрогнула, - потерпел полное фиаско. Во всем. Дальше некуда.

Это опять-таки относилось к Лиле. И еще во много раз в большей степени к Свете.

Валентина не бросилась его утешать и уговаривать, только ободряюще улыбнулась и расстроено покачала головой. Помогло, Алик тут же почувствовал, что раскис недопустимо для мужчины и кандидата в зятя.

- Ничего, конец света, вопреки прогнозом прорицателей, пока еще не наступил. Это все время нужно иметь в виду, - Алик почувствовал, что взял верный тон.

Они еще поговорили на общие темы. О здоровье Сережки, о том, что вроде бы завтра Алик с Региной идут в театр. Это известие заметно улучшило настроение Валентины, и на такой оптимистической ноте аудиенция закончилась.

Пятница. К походу в театр он начал готовиться еще днем – чуть не сказал на работе. Правильно будет – в рабочее время. Он постриг очень коротко то, что у него оставалось на голове. И отметил, что Лиля была права – космы на затылке и над висками только подчеркивают наличие лысины. Очень короткая стрижка намного опрятнее и молодит всех без исключения.

Потом он побегал в клубе, но не до изнеможения. Потом понес в глажку темно-серый костюм, недешевый, купленный два года тому назад в Италии. С тех пор в его комплекции произошли перемены к худшему, и пуговица пиджака на животе стала застегиваться с трудом. А отсюда перекос всей конструкции. Но другого костюма не было, поэтому Алик возлагал надежды на то, что издевательство над собой – убогое диетическое питание и занятия спортом - дадут результаты. Когда он вечером примерил костюм, и взглянул на себя в мутноватое зеркало брежневской эпохи, то был приятно удивлен. Пуговица легко застегнулась.

Сейчас я позволю себе отступление от сюжета. Не без гордости признаюсь, что хорошо разбираюсь в мужских больших животах. Могу считать себя специалистом. В женских плохо... Так вот о мужских. Есть два типа животов – «яблоко» и «груша». При грушевидном строении основная масса располагается внизу живота и свисает над... словом, свисает вниз. Живот-«яблоко» накопления размещает выше. Так вот, «груша» очень часто имеет такую

особенность – утром, после утренних процедур живот резко уменьшает свой габарит. Один мой товарищ с восторгом и негодованием говорит: «Утром я стройный, как кипарис. Никакого живота. Но позавтракаю, пообедаю, сытно с рюмочкой-другой поужинаю – и откуда весь этот ужас берется!». Я проверял этот феномен неоднократно. Но такое бывает только с «грушей», «яблоко» – черт бы его побрал! – более стабильно. По счастью, у Алика была «груша». Пятый день полу голодовки, километры и килограммометры на тренажерах принесли свои плоды – костюм сидел как влитой. С некоторой натяжкой можно было признать, что в этом костюме и в очках «хамелеон» с прямоугольной оправой Алик выглядел не рыхлым, полнеющим тюфяком, а крупным породистым мужиком.

Алик позвонил Стручковым, Регина взяла трубку и сказала, что он может за ней зайти. Она почти готова.

Все описанное чуть выше подтвердилось, когда Регина и Валентина при виде Алике обменялись взглядами, которые красноречиво говорили: «С таким кавалером не стыдно показаться на людях».

Регина все-таки еще не была готова, и пошла наверх наводить последние штрихи.

Алик был приглашен на чашечку кофе. Он на кухню прошел, но от кофе отказался. Валентина возилась у плиты, была в домашнем платье-халате. Они перебросились несколькими фразами, но Алику показалось, что он понимает больше, чем было сказано.

Например, понимал, что бабушка варит кашу Сережке с удовольствием.

- Хорошо, что Инночка с тобой идет на концерт. Она последнее время много сидит дома.

Алик понял недосказанное - сегодня Валентина может не волноваться, Регина в надежных руках. Догадался, что оснований для волнений у Валентины хватало. Регина хоть и была хорошей девочкой, но время от времени попадала в неприятные истории. Характер у нее был импульсивный, положение одинокой женщины тоже таило в себе немало возможностей для неосторожных поступков и нежелательных знакомств.

Да, Валентина беспокоилась, были для этого поводы, и не только перечисленные выше. Не только такие, о которых посторонний человек мог догадаться. Например, ее очень волновали странные приступы самобичевания Регины, не имеющие видимых причин. «Мама, какая же я стерва!», - неожиданно могла она заявить буквально на ровном месте, без казалось бы малейшего повода, во время мирной спокойной беседы с матерью. Глаза ее в такие минуты наполнялись слезами. Явные признаки расстроенной нервной системы.

Валентина виновато улыбнулась и слегка развела руками. И это Алик понял. Она сама подсмеивалась над своими страхами и желанием пристроить великовозрастного ребенка за чью-то надежную спину.

Регина задерживалась. Поговорили о разных разностях.

На столе лежала книга «Слезы любви».

- Это Регина принесла.

Он понял, что женские романы - не ее жанр.

Обменялись мнением о нынешнем юморе – то что Алика с Региной ожидало на концерте. Он понял, что к этому явлению нашей жизни Валентина относится не с высокомерием интеллектуала, не с презрением, как это у старшего поколения нередко принято, а с сожалением. Сожаление больше относилось к слушателям...

И вот наконец появилась Регина. Она остановилась на середине лестницы, ожидая реакции. Реакция была. Она выглядела очень эффектно – ну ей и сам бог велел. Темных тонов с золотой искоркой платье, довольно скромное, тем не менее не скрывало, а только подчеркивало несомненные достоинства ее фигуры. Пышные светлые волосы до плеч...

- Да, - вздохнул Алик, - мне сегодня придется отгонять мужиков, как мух.

Регина была довольна:

- Ты делаешь успехи. Кажется, из тебя будет толк.
- Ну, идите, отдыхайте. И чтобы все было хорошо.
- Обещаю доставить дочь не поздно, в целостности и сохранности.

Алик не заметил двусмысленности последней части обещания, но Регина отреагировала мгновенно:

- Выходит, надежды у меня никакой. Ладно, не пугайтесь вы оба, шучу. Сережка, пока, слушайся бабушку.

Сережка сидел в том же кресле в той же позе, казалось, со вчерашнего вечера и смотрел мультик. Может, тот же самый. Регина поцеловала его в лоб, он сделал жест рукой – не то отмахнулся, не то попрощался.

Регина подхватила Алика под руку. Пара смотрелась.

- Ну, мы пошли.

Улыбке Валентины на этот раз относилась сразу к двоим и поэтому удалась на славу.

Спектакль не слишком рассмешил Алика. Точнее, ему было просто скучно. Он вспомнил репризу Карцева, которому знакомая билетерша филармонии якобы однажды сказала, что «он пересаливает лицом». Артисты «Пельменей» пересаливали не только лицом, но и телом, и голосом, короче всем, чем возможно. Но зрители – в основном молодежь – принимали все с удовольствием. «Удивительно, как могут человек пять-шесть с небольшим запасом хилых острот почти два часа держать внимание зала?» Алик решил, что в этом больше заслуга зрителей, чем исполнителей.

В антракте Регина спросила:

- Как тебе концерт?

Алик не удержался и разразился сентенцией примерно такого содержания. Понять новый юмор можно, только полностью потеряв связь со старым. Как и новую литературу. Для этого нужно либо ничего из старого не читать, либо прочитанное забыть насмерть. Это не совместимо... А где тогда связь времен? Новое должно базироваться на старом...

Регина, не слишком церемонясь, прервала его затянувшиеся рассуждения:

- Ах, оставь. Какие вы все-таки нудные. И серьезные.

- Кто это вы?

- Вы с мамой.

- Еще не такая плохая компания...

- Мы купили билеты, потратились и пришли сюда отдохнуть, поймать кайф. И мы его поймаем, можешь не сомневаться. С пельменями или без пельменей. Не ворчи. Пошли к моим, я тебя познакомлю.

Они подошли к небольшой группе симпатичных молодых женщин и не слишком симпатичных (так показалось Алику) молодых мужчин, оживленно и громко обменивающихся репликами. Судя по почти непрерывному смеху, это были остроты. Регина представила его друзьям. Именно представила, а не познакомила.

- Мой давний друг (Алик про себя отметил, что она не назвала его старым другом, и правильно сделала). Сосед по даче. Я когда-то девчонкой даже была в него влюблена.

- А теперь у вас ренессанс? – спросила одна из подруг, крашеная блондинка. Кажется, Алик ее когда-то уже видел.

Взрыв смеха.

- Я вам ничего не обещаю. Все может быть.

Тоже посмеялись.

Блондинка демонстративно одобрительно взглянула на Алика, подмигнула Регине и сказала.

- Мы не против.

Общий смех, кажется доброжелательный.

На этом с Аликом было покончено, и компания стала острить уже по каким-то своим, неизвестным ему поводам. А Алик подумал, что Регина права - они пришли получать кайф и получают его при любых условиях.

Впрочем, одна новость показалась ему интересной. Из разговора он понял, что вся эта компания, включая Регину, через десять дней летит на Канары отдыхать, две недели на условиях «все учтено». Деньги немалые и, судя по одежде и независимому поведению друзей Регины, они у них были.

Алик, естественно в разговоре участия не принимал и чувствовал себя пожилым брюзгой. Регина права, нельзя быть слишком серьезным. А еще он понял, что спать с человеком и жить с ним – далеко не одно и то же. Впрочем, пока ему не предлагают ни того, ни другого...

Второе отделение, на взгляд Алика, ничем не отличалось от первого, но зал принимал репризы все более активно и жизнерадостно. И после окончания Алик мог почти с чистой совестью сказать, что немного кайфа досталось и ему. Регина была этим довольна.

От предложения посидеть в ресторане Алик уклонился.

- Буду сидеть трезвый, как дурак, я за рулем. И я обещал Валентине...

- Ничего страшного не произойдет, даже если я вернусь утром. У меня для этого есть квартира и двадцать восемь с хвостиком. Хвостик – Сережка.

Это прозвучало как прямое предложение. Алик растерялся, но Регина была не только современной, но и тактичной, хотя, на мой взгляд, это редко совпадает.

- Алик, я не форсирую. И это не предложение, а констатация факта.

- Давай уж в ресторан, - выбрал меньшее из зол Алик. Кроме того он не знал, как предложить Регине деньги за билеты. Ресторан решал эту проблему.

Они выбрали кафе рядом с дачей, рукой подать. И на этом основании Алик выпил немного коньяка, Регина в отношении коньяка была не такой сдержанной. Но поговорили они хорошо, по-домашнему, тепло поговорили. И Алику показалось, что дистанция между ними не столь уж велика. Удивляло его одно – он молодую и цветущую Регину совершенно не хотел. Вы понимаете, о чем я говорю – не хотел в физическом, сексуальном смысле. Совершенно. Это его даже настораживало. Неужели житейские передрыги и ветвистые рога дали осложнение в этом направлении? Этого еще не хватало! Такого фиаско ему не вынести, это будет похуже любых рогов. Лучше действительно не форсировать, хотя этот эвфемизм уже начал ему надоедать.

- Ты слышал, мы летим на Канары. Не хочешь с нами?

- На какие шиши, - Алик помрачнел. – Мне ремонт нужно на зиму делать в хибаре. Откуда деньги брать, ума не приложу.

Он днем заходил в банк, хотел взять немного на расходы. Их общий с Лилей счет был пуст. А там до скандала тысяч триста гривен было... Конечно, он не собирался делиться этой новостью с Региной, но та и сама легко представила себе нечто подобное.

Пришлось заказать еще немного коньяка.

Время текло незаметно. Алик взглянул на часы. Ого!

Пожалуй, Валентина ляжет спать, и он не сможет сдать дочку с рук на руки. А жаль. Кажется, родилось парочку остроумных фраз, которые можно было бы сказать по этому поводу...

Он пропустил какую-то реплику Регины. Та немного надулась и попросила у официанта счет. Привыкла расплачиваться сама. Но все-таки расплатился Алик, напомнив о билетах в театр.

Когда они вернулись на дачу, в доме Стручковых света не было. Валентина, значит, уже спала. Жаль. Регина попрощалась, поцеловала Алика в губы – она хозяйничала в их отношениях. Поцелуй был более горячим, чем прежние. Коньяк? А как же не форсировать? Алик поблагодарил за чудесный вечер. Обнял, поцеловал на этот раз сам. И они разошлись по домам.

Валентина лежала на кровати в комнате Регины, дверь к Сережке была приоткрыта – как всегда, когда бабушка принимала дежурство. Дежурство могло затянуться до утра, время от времени так и случалось. Дело молодое – Валентина не жаловалась.

Регина привела себя в порядок перед сном, одела пижамку и устроилась в кровати рядом с матерью. Эта привычка сохранилась у Регины с самого детства, так шепотом на ушко она доверяла матери свои самые сокровенные секреты. К сожалению для обеих, такие периоды откровенности случались все реже и реже...

- Как провела время? Концерт был хороший?

- Тебе бы не понравился.

- Почему ты так решила?

- Алику было скучно. А у вас вкусы одинаковые.

- Не думаю. Он должен быть более современным. Во-первых, он моложе, во-вторых, мужчина. Мужчина всегда моложе и современной...

- Мама, оставь свою дипломатию. Я знаю, о чем ты хочешь меня спросить. Понравился ли он моим. Понравился, даже Дина сказала – мужик представительный. И почти не заметно было, что он немного тюфяк. Знаешь, мама, я, наверно, буду с ним встречаться какое-то время...

- Инночка, я тебя не сватаю. Он действительно немного флегматик, хоть человек неглупый и порядочный. Но меня пугает это твое «на какое-то время». Ты думаешь, у тебя впереди тысяча лет? Годы не идут, а летят...

- Ой, мама, будь реалисткой. У него сейчас нет ни гроша. Эта сука...

- Регина...

- Его полностью обобрала. До копейки. Я так поняла... Квартиры у него нет и скоро не будет. Может, никогда не будет. Зарплата понятно какая... Вот смотри - я еду на Канары. Он не может. С собой тащить? В Тулу со своим самоваром, за свои деньги? Мне туда девочки везут кого-то богатенького.

- Регина!

- Не пугайся. У нас свобода и демократия. И я свободный человек. Но Алик... Ждать у моря погоды? Ты права, впереди нет тысячи лет. Хотя, - и она вздохнула, - он мне до сих пор нравится... А мне уже давно никто не нравился.

Разговор еще долго продолжался, но суть его я вам уже передал.

Потом Валя ушла к себе наверх.

Алику тем временем не спалось. И он принялся размышлять, почему у него после такого насыщенного вечера неважное настроение и недовольство собой. Была у Алика эта злобная интеллигентская привычка – разбираться в себе. До самокопания, правда, пока дело не доходило, но уже иной раз было совсем близко.

Давайте и мы порассуждаем вместе с ним.

Может, дело в том, что Алик должен был, во всяком случае, мог привести Регину к себе, тем более мог согласиться на предложение поехать к ней домой? А он не то что бы испугался, гораздо хуже, будем честны - не захотел. Почему? Неудобно перед Валентиной? Но она вроде бы не против. Скорее за. А люди все взрослые. Конечно, есть некоторая неловкость, но вряд ли причина в этом. Может, он боится брать на свою голову новую ответственность? Вряд ли. Регина дала ясно понять, что в постоянные партнеры, тем более в мужья он не годится. И нелепо думать об этом. Тогда, может быть, потому, что она ему не очень нравится? Конечно, нравится, и при других условиях он был бы просто счастлив. При каких других условиях? Стоп!- завопил внутренний голос. И тут подсознание, которое долго из щадящих соображений скрывало суть происходящего, выдало ему истину по полной программе. А может, самые сообразительные из вас уже об этом самостоятельно догадались?

Дело обстояло из рук вон плохо. Ужасно. Никого он не сможет по-настоящему полюбить, если рядом будет Валентина. Он много лет восхищался ею, как восхищаются далекой и недоступной звездой экрана. Но теперь, после этих замечательных пяти вечеров душевной близости, он ее полюбил, или наконец осознал, что любит. Любит так же безнадежно, как зрители до сих пор обожают Мэрилин Монро, с теми же шансами на успех. И справиться с этим он не в силах. Оказывается, отсутствие надежды любви не помеха. Вот и вся нехитрая истина.

Конечно, он не бросится открывать свои чувства, объясняться, не настолько он глуп и беспардонен. Этим он только оттолкнет ее, а пока Валентина к нему относится с симпатией как к человеку и даже кандидату в зятя.

И каков же вывод? Не он первый и не он последний безнадежно любящий. Он будет жить своей параллельной жизнью. Просто любовь будет внутри. И если он все-таки сойдется с Региной, это тоже не будет предательством, тем более, что он себе обещал ради Валентины никогда ее не обижать. И не обидит.

Наверно, он стал засыпать, потому что неожиданно возле кровати возникла Лиля. Она наклонилась над ним и голосом еще более низким, чем обычно, произнесла в своем стиле:

- Трахать дочь из любви к матери – полный отпад! - И засмеялась как шалыпинский Мефистофель.

Судя по всему сон продолжался, потому что ему показалось, что какой-то теплый голый человек залез под одеяло. Этот человек прижался к нему и прошептал голосом Регины:

- Алик, миленький, я по тебе очень соскучилась. Пять лет – большой срок. Хватит уже время тратить зря. Впереди нет тысячи лет.

- Сон в руку, - ответил Алик и крепко ее обнял.

А в голове промелькнула мысль: медленное, однообразное течение жизни сменилось бурным потоком. Пожалуй, слишком бурным.

Кто хочет, пусть бросит в него камень. Я этого делать не стану.

Разум и чувства (Почти по Джейн Остин)

Федор Васильевич и Рита Аркадьевна благополучно рука об руку прошли момент истины и по-прежнему друг для друга остались Федечкой и Риточкой. В то утро, когда проклятая поясица так жестоко и не вовремя подвела Метельского, Рита Аркадьевна, быстро разобралась в ситуации, при этом проявив деловую хватку и чисто женскую мягкость и

заботливость. Она осторожно уложила скрюченного Федечку на бочок и сразу же позвонила по телефону.

- Зинуля, будь добра. У меня тут друг согнулся, а разогнуться не может, - чувство юмора работало в автомате при любой ситуации. – Ты не могла бы взять все нужное и прискакать ко мне. Да, мы тут, на даче, в двух шагах от тебя.

Она отключила телефон, как показалось больному, не ожидая ответа.

- Это мой врач, - пояснила она. – Сейчас будет.

Максимум через минут пятнадцать, которые показались Федору Васильевичу почти вечностью, под окнами дачи затормозила машина – Зинуля прискакала на собственном «Ситроене». Новые времена!

В ближайшие полчаса он оценил ее квалификацию и власть капитала.

- Привет, подруга. Заходи. Да скажи им, - Рита Аркадьевна имела в виду встревоженных рабочих, - что я жива и еще смогу им заплатить за работу. Пусть не переживают. А вот это на кровати застыл мой друг Федор Васильевич, он горит желанием с тобой познакомиться.

Зинуля была довольно полной, но шустрой дамой лет под шестьдесят, молодящейся крашеной блондинкой. Она излучала оптимизм и надежность. При ней был традиционный докторский чемоданчик, но очень заграничного вида. Для небогатых клиентов покупать такой явно не стоило.

Зинуля энергично унеслась мыть руки, мгновенно вернулась и принялась за дело. Она ловко сдернула с больного трусы – чтоб не мешали, - на его вскрики не обращала никакого внимания, пару раз уколола в ягодицу, полила поясницу чем-то прохладным, слегка растерла чем-то приятно – не скипидаром – пахнувшим. Помассировала поясницу, а за компанию и ягодицы. Попутно она спрашивала, где, что и как болит, но ответов не дожидалась. Дала выпить две пилюли. Словом, примерно через полчаса пациент без особых стонов выпрямился и улегся поудобнее.

А еще через полчаса, он, преодолевая боль, самостоятельно завернулся в простынь – одевать трусы было выше сил человеческих – и поплелся заниматься тем, что положено человеку делать утром. Это можно было считать победой современной медицины.

В это время Зинуля и Риточка в соседней комнате о чем-то беседовали, до Федора Васильевича донесся громогласный шепот врача: «Дыши-не дыши». И ответ Риточки: «Зинуля, подруга, ты у нас многостаночница».

Вечером была сестра, уколы, притирания, массаж, на завтра тот же комплект утром и вечером, а еще через день Федор Васильевич уже почти свободно передвигался своим ходом.

Но момент истины сыграл и свою положительную роль. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Положение хозяйки и больного незаметно сдружили наших молодоженов. На всякие «мелочи» вроде того, что Федор Васильевич спит на чужой кровати, живет в чужом доме, ест, пьет и лечится за чужие – и немалые – деньги, пока можно было не обращать внимания. Главное – это здоровье.

Но вот то здоровье, которым располагал Федор Васильевич, стало к нему возвращаться, а с ним вернулись и проблемы. Правда, это были проблемы чисто морального свойства, но для нашего героя они имели очень большое значение. Наплевать и забыть – такой рецепт был не для него.

Ну хорошо, денег у него нет. Но нужно быть хоть чем-то полезным, еще лучше стать необходимым. Иначе он будет просто нахлебником. Чем он может помочь? В доме была уборщица, на территории дачи – садовник. Не было поварихи, но Рита любила готовить сама. Он пытался отвоевать традиционное поприще стареющих безработных мужчин –

мытью посуды. Рита согласилась отдать ему этот участок домашних хлопот, но явно скрепя сердце. Как всякая аккуратная хозяйка и повариха она трепетно относилась к чистоте своего оборудования, а Федор уже и видел не так хорошо, да и вообще... Словом, он ушел с этой должности по собственному желанию. Иногда ему доверяли мыть фужеры после традиционной порции хорошего вина перед телевизором. Что еще? Постепенно доверили готовить легкий завтрак. Они ездили вместе за продуктами в супермаркет. Там он катал за Ритой тележку, отвечал на вопросы, чего бы ему хотелось поесть, перегружал продукты в машину, из машины десять метров нес домой. Не густо...

Приближался переезд в большой дом, они ездили в магазины, приглядывались к мебели. Он вроде бы давал советы, но понимал что выбор все равно за Ритой. Не только по праву хозяйки денег, а по естественному праву женщины создавать уют.

И еще одно соображение беспокоило его. Не будет ли с ним скучно? И даже святотатская мысль – если он будет изнывать от безделья, не станет ли скучно ему? Ведь день должен быть чем-нибудь заполнен?

Рита все понимала. Она находила нужные слова:

- Что может быть важнее того, что человек не один? Я с тобой, Федечка, разве этого для меня мало? Ну не выбросить же мне все деньги, чтобы ты успокоился?

Это помогало. Но потом они встречали какого-нибудь ее или его знакомого и Федору казалось, что на него смотрят как на... Неуважительно смотрят. Даже временами болело сердце, чего раньше никогда не было.

Однако за эти несколько дней он успел очень привязаться к ней. Ему с Ритой было так легко, как будто они прожили в мире и согласии как минимум полстолетия. Удивительно, как за такое короткое время можно так сжиться? Мысль, что он вынужден будет вернуться в свое одиночество казалась ему... кошмаром... концом света. Да, примерно на таком уровне.

Господи, неужели человек так создан, что ему не может быть просто хорошо? Без всех этих за и против, без сомнений и терзаний? Солнце светит, отличное утро. Позавтракали. Рита возится на кухне. А он, как дурак, копается в своих переживаниях...

Как заглушить в себе весь этот раздрай? Оп-па! Кажется, есть временный, но не плохой вариант. Может, пора перестать думать только о своих проблемах? Судя по всему, он становится полным и законченным эгоистом. Как он умудрился за неделю ни разу не поговорить с сыном? Что-то они подозрительно молчат, все ли там в порядке? Какой сегодня день? Он посмотрел на мобильник. Суббота. Они должны быть на даче. Девять часов. Можно звонить Алику. Этот жаворонок должен готовить завтрак.

Жаворонок в это время сладко спал в своей постели после трудов праведных. Регина ушла еще затемно, чтобы понапрасну не возбуждать окружающих. Он протянул руку, нащупал телефон.

- Да, папа? Все в порядке. Я пока занят, давай к тебе заеду через часок, поговорим. Не дома? А где?.. Ты и сегодня у нее работаешь?.. Ладно, через час буду у нее. Передай от меня привет. Пока.

И ничего не подозревающий сын стал собираться на встречу с ничего не подозревающим отцом.

Рита Аркадьевна очень приветливо встретила Алика. Вы знаете, она и прежде относилась к нему с симпатией, а теперь тем более. Очень коротко, буквально в двух словах сообщила, что они с Федором Васильевичем решили жить вместе, чем очень помогла не знающему как приступить к этой щекотливой теме Метельскому-старшему. Таким образом Метельский-младший сразу получил всю нужную ему информацию о новом семейном положении отца и

был этим очень доволен. Дети всегда рады пристроить одиноких пожилых родителей, и не только из эгоистических соображений. Не только потому, что хлопот меньше. Хотя и такие мысли, к чему лукавить, тоже играют не последнюю роль. Но какой любящий сын не обрадуется, что «старик» (можно и без кавычек) наконец под присмотром и имеет свою долю счастья?

Рита Аркадьевна извинилась, сказала, что торопится по делам и тактично оставила их одних. Тогда отец поудобнее устроился и собирался было поделиться с сыном своим миллионом терзаний. А с кем еще он мог поговорить на эту очень личную и непростую тему?

Но тут Алик перехватил инициативу и обрушил на Федора Васильевича то, что вы уже знаете, разумеется, не впутывая в рассказ семейство Стручковых. Все о своей бывшей семье. Он, конечно, старался по-возможности щадить чувства отца и деда, но как можно было это сделать?

Федор Васильевич выслушивал этот - будем говорить прямо – грязный поток новостей, находясь в непрерывном шоковом состоянии. Он не только зарумянился, но буквально побагровел без всяких горячительных напитков. Время от времени он задавал вопросы, стараясь уяснить себе эти совершенно невероятные вещи, и сам же давал на них ответы.

- Ты слушал, но так и не зашел? Хотя да, встречать в такой момент... ужасно!

- Она так и сказала, что в классе не осталось.. этих... нормальных девочек... Ну да, нынешние дети давно не дети.

- Вы не даете денег, а этот... папик... придумают же название – папик... он ей платит? Боже мой!

- И ты думаешь, у Лили с этим дирижером уже давно? Хотя да, больше года, с тех пор, как пошла прямо на глазах в гору.

- Алик, стой, погоди. Сделай перерыв. Где у Риты корвалол? Хотя, пока не надо. Потом...

- Все деньги со счета сняла до копейки? Ну, у нее всегда был размах.

- А где ты сейчас живешь? Ну да, на даче, а где же еще. Можно теперь пожить у меня, но да, ты же не знал...

Алик чувствовал себя бесконечно виноватым перед отцом. Никогда еще он не видел всегда бодрого и веселого Карлсона таким поникшим и растерянным. За последние десять минут он даже, казалось, осунулся и похудел. Как будто из него, как из мягкой игрушки, выпустили воздух.

- Так и сказала – крем-брюле в брюках? – он впервые за весь разговор взглянул на сына с осуждением. – А что, в этом что-то есть...

До этой минуты Федор Васильевич был само сочувствие.

Это Алика задело, и он рассказал вторую часть истории, о которой прежде хотел умолчать – вендетту.

В глазах офицера Метельского (а офицеры, как я и многие до меня уже говорили, бывшими не бывают) появилось одобрение. Он немного подтянулся, вернул себе обычную фигуру и, судя по всему, приготовился действовать.

- А что ты решил?

- Развод, какие тут могут быть решения...

- Подписал?

- Нет, она требует квартиру и алименты. Но, квартира, ты знаешь...

- Ах, требует...

Решение Федора Васильевича вызрело окончательно.

- Я сейчас же туда еду. Позвоню и еду.

- Я не советую ехать, а тем более звонить. Если позвонишь, Лиля – ты ее знаешь - даст от ворот поворот. И нахамит. И даже дверь не откроет. Папа, нужно отдать квартиру. Не стоит мारаться.

- Но Светочка, Светочка... Нужно что-то делать.

Это была самая больная точка. Самая чувствительная. Единственная внучка...

Алик не мог промолчать. Он вынужден был сказать то, что ему очень не хотелось. И старика жаль, и самому больно...

Сказал очень тихо, еле слышно.

- Поздно папа, поезд уже ушел...

Но Федор Васильевич без боя сдаваться не хотел.

- Значит, поеду без звонка.

Алик тяжело вздохнул и вынужденно согласился:

- Хорошо, я тебя отвезу. И подожду в машине. Где у хозяйки корвалол? Он наверняка пригодится. Нам обоим.

Алик как в воду глядел. Ничего хорошего из этого визита не вышло. Лиля разошлась с пол-оборота и никаких ограничений себе не ставила. Ни в идеях, ни в лексике. А самое ужасное, что при этом была Светочка, которая на предложение деда пойти погулять даже ухом не повела.

- Дедуля, все это так клево!

На попытку Метельского, огорошенного напором обвинений в адрес сына, напомнить, что это Лиля, в конце концов, наставила Алику рога, последовали объяснение совсем неожиданное для явно устаревшего свекра, но судя по всему очевидное и логичное для современной невестки. Как дважды два четыре. Нормальный современный муж должен был понять, раз уж все выплыло наружу, что она боролась за свое место в жизни, как человек, как музыкант. Что талант требует жертв, раз жизнь теперь такая!

- Талант требует рогов? – очумело спросил Метельский.

- И рогов, и копыт, и клыков, и когтей. Если ты не травоядное животное. И нечего придуриваться, это и так все знают.

- Светочка, я прошу тебя пойти погулять...

- Дед, это так клево...

И вдруг Лиля почернела и резко сменила тему:

- Конечно, теперь он как сыр в масле на своей даче. Регина смотрит на него, как кошка на сало, а он тарашится на Вальку, как... на явление Христа народу. И думает, что этого никто не видит.

Я вас уже предупреждал, что Лиля все замечала, и интуиция у нее была нечеловеческая.

- Какая Валька, - не выдержал Федор Васильевич, - знай все-таки меру. Валентина Ивановна серьезная замужняя женщина, не чета... - он вовремя остановился, хотел сказать «не чета тебе», но рядом была Света. Впрочем, они обе поняли недосказанное.

- Женщина? Она женщина? Да она забыла, когда последний раз была женщиной. Одна оболочка, а внутри труха. А строит из себя!.. Убогая. И сын ваш убогий. Двое убогих, сладкая парочка. Нашли друг друга. А если еще не нашли, так найдут.

Тут Метельский не выдержал и впервые повысил голос. Неожиданно для него самого отповедь получилась достаточно резкая. На Карлсона не похоже.

- Ну да, они умные, образованные, профессионалы дай бог каждому – и убогие? Только потому, что у них нет клыков и когтей? Тогда это не их проблема. Это ваши проблемы. Но может, и нам у вас есть чему подучиться? Поэтому я тебе – не убогой, с когтями - напомню,

что квартира приватизирована мною и записана на мое имя. Так что прикинь, что к чему. И верни Алику половину денег, тех что были на счету. Потом и поговорим.

Федор Васильевич, перевел дыхание, взял себя в руки, вежливо попрощался и вышел, даже не хлопнув дверью. Но у Алика в машине обоим таки понадобился корвалол.

Новая семейная жизнь Федора Васильевича протекала на удивление спокойно и полнокровно. Все постепенно, как говорят, устаканивалось. Опасения Федора Васильевича в своем большинстве оказались напрасными. Зря он беспокоился, что нечем будет себя занять, что будет болтаться у всех под ногами. Дни были заполнены и переполнены. Скучать было некогда.

Когда я был помоложе, то очень удивлялся тому, что мои родители и родители друзей в пенсионном возрасте радовались жизни, а не изнывали от скуки. Для того, чтобы не скучать – думал я – как минимум день должен быть чем-то заполнен. Вот мы – думал я – тратим не меньше десяти часов на работу, включая транспорт. И еще куча разных дел и обязанностей. У них добавляются эти десять незаполненных часов в сутки и почти нет обязанностей. Куда их девать, эти часы? Так можно челюсть от скуки свернуть – думал я. И в то же время знакомые пенсионеры говорили мне – да я и сам это видел, - что у них дел невпроворот и времени просто-таки на все не хватает.

Теперь я понял на личном опыте, что так действительно может быть. Пенсионная пожилая пара очень часто загружает друг друга и каждый себя самого так, что времени свободного почти не остается. Только собираешься наконец спокойно полежать почитать, как что-то случается или что-то нужно сделать. Даже если есть уборщица и садовник. И оказывается добиться этого довольно просто, нужно только воспользоваться тем, что время может при желании сжиматься или наоборот растягиваться. Проще говоря, нужно на все тратить намного больше времени, чем раньше, а этому обучаются очень быстро.

Ну, к примеру, утром на работу человек выбегает минут через сорок после звонка будильника, застегиваясь на ходу, и уже на улице дожевывая бутерброд. Но оказывается процесс просыпания, вставания, накидывания халата, приведения себя в порядок, приготовления завтрака и самого завтракания с последующим споласкиванием посуды и очередным приведением себя в божеский вид можно свободно довести до двух-трех часов. Без особого напряжения. Все остальное делается в таком же темпе – и в этом вся суть. Поездка в магазин, потому что вчера забыли купить там что-то важное. Нередко поликлиника, потому что... ну, это как раз понятно почему. А там часы бегут незаметно. Потом кто-то пришел или позвонил на часок по телефону. Или встретила по дороге соседка в таком же статусе. А если хозяйка готовит сама – вообще конец света! Занятие находится для всех даже против желания повара. «Ты бы, милый, не в службу, а в дружбу...». После обеда прилечь отдохнуть нужно? Нужно, но редко получается. Погулять по берегу моря час, если выдержишь - полтора тоже крайне необходимо. Для здоровья. А поход в гости и иногда в театр, сколько времени требуется на подготовку к этим событиям, особенно когда оно – это время – у тебя есть?

Вы поспрашивайте у знакомых пенсионеров и убедитесь, что это описание не попытка острить, а самая что ни на есть правда. Наверно, поэтому и заполненные до отказа дни у них пролетают слишком быстро...

Но для Федора Васильевича самым ценным было время после ужина со стаканом сухого вина – только одним! – перед негромко работающим телевизором, они с Ритой больше общались, чем слушали малоинтересные программы и малоприятные новости. И отлично понимали друг друга. Все-таки по своей сущности Рита осталась училкой. Только

разбогатевшей. Как впрочем, и большинство из наших новых русских – элитными в них являются только деньги.

Ни разу не было намека на размолвку, хотя Федор Васильевич чувствовал, что иногда попадает не в такт. И Риточка иной раз хмурила властно брови - въелись привычки босса, но тут же спохватывалась и мило улыбалась.

А Федор Васильевич, несмотря на возникающие время от времени сомнения, опасения и прочую ерунду, вел себя в соответствии со своим характером. Он весело вставал, весело все делал, был всегда доброжелателен. Вокруг него волей-неволей возникала аура жизнелюбия. Рита Аркадьевна убеждалась, что снова попала в яблочко. Без него в доме сразу становилось скучнее.

А тут еще изобретательной и деятельной бизнесвумен в отставке пришла в голову замечательная идея - поехать на восемнадцать дней и ночей в круиз. Свадебное путешествие. Почему такая идея не могла прийти в голову Федору Васильевичу понятно без слов. То есть прийти-то могла, но толку от этого... Испытывая некоторое смущение, он согласился, потому что Рита вовремя и очень искренне вставила:

- Федечка, наконец я смогу это сделать не одна! Ты не представляешь себе, как жалко выглядит на роскошном лайнере одинокая туристка солидного возраста!

Я вас предупреждал - она была очень даже неглупой женщиной. Федор Васильевич невольно проникся сознанием своей значимости. В конце концов не в деньгах счастье, а значит, можно разрешить Рите их на это самое счастье потратить.

Двенадцатипалубный лайнер «Опера» отходил 14 октября, в пятницу, рукой подать. Начались сборы, сплошная суматоха. К счастью, подоспела пенсия, и Федор Васильевич смог внести свой хоть и более чем скромный, но все-таки вклад. Прежде всего он решил купить что-то Риточке. Но что? Духи? Глупо. Купальник – нелепо. Кстати, практичная Рита Аркадьевна сказала, что покупать нужно в Турции и Греции, там все лучше и дешевле. Так все-таки, что ей купить? Остановился на хорошем вине, уж в этом он разобрался.

Словом, все было замечательно. Но иногда смущали мысли, что так хорошо в жизни не бывает. Почему не бывает? Вот же оно есть, а значит, бывает, если не давать воли дурацким сомнениям.

Посреди недели появился парламентар. Хитрая Лиля прислала на переговоры Свету. Было около одиннадцати часов утра, намечался поход в магазин.

Света позвонила, дверь открыла Рита Аркадьевна, еще в халате.

- Здравствуйте, я Света, внучка, - чья внучка она не уточнила, но Рита Аркадьевна догадалась. – Дед сейчас живет с вами?

Света вела себя очень спокойно, а может, даже бесцеремонно. Смотрела на Риту Аркадьевну немного свысока и очень безмятежно. Но такова вообще немного нагловатая манера многих нынешних акселератов. Вам так не кажется? Их просто не интересует, что думают о них окружающие. Точнее – не колышет. И это написано у них на лице крупными буквами. Я даже не уверен, что Света сказала – «живет с вами», а не «живет у вас» случайно, не подумавши. Чем очень развеселила Риту Аркадьевну.

- Живет, деточка, живет со мной. Как ты догадалась?

- Мама сказала. Мне нужно с ним поговорить.

- Проходи, он в комнате.

- Не-к, мне надо посеCRETничать.

Она немного отодвинула Риту Аркадьевну и заглянула в дверь.

- Деду-у-ля! Мне нужно с тобой поговорить.

Федор Васильевич тоже появился в дверях. Он уже был одет, брюки, свежевыглаженная рубашка.

- Извини Риточка, мы не надолго.

Ему было неловко.

- Федечка, надень куртку, прохладно.

- Ничего, все нормально, - и Свете: - Пошли секретничать.

Они устроились на скамеечке прямо над обрывом.

Федор Васильевич чувствовал себя на этот раз с внучкой неловко. Странная ситуация - любимый ребенок, оказалось, прошел огонь и воду. Ребенок давно не ребенок. Как с ним говорить? А то, что дед принимал за детскую ершистость, за комплексы, судя по всему просто наглость.

- Дед, - бойко начала Света, - мама сказала, что половину денег вернула на счет Алика.

- Хорошо, - дед был мрачен и не очень разговорчив.

- И просила поговорить насчет квартиры.

- Нет, - отрезал Федор Васильевич, - об этом только с мамой.

- Не-к, дедуля, я договорю, - в голосе Светы появились вкрадчивые нотки. – Смотри, наш Алик начистил рожу дирижеру. Мы с мамой от него такого не ожидали.

- Мы тоже от вас с мамой многого не ожидали, - наконец прорвалось у Метельского. – А Алик тебе, между прочим, отец, а не просто друг-приятель.

- Ну ладно, пусть будет отец. Теперь мама в ансамбле работать не может. Ее зовут в Киев, ты знаешь. А в Киеве квартиру купить т-а-а-кие деньги...

- Я же сказал – об этом с мамой.

- Не-к. Давай сначала со мной. А ты взял в голову, что если мы с мамой уедем, то я, может, оторвусь от наших и исправлюсь... Потом локти кусать будешь.

- Я сказал с мамой.

Тут уже и Свете надоело с ним миндальничать.

- Дед, я не пойму, чего ты на меня бочку катишь. Я не ворую, не пью, наркоту не ширяю. Из класса в класс перехожу. Мне нравится так жить - ходить в кафе, гулять со своими. Я даже денег дома не беру. Чего злиться, если я живу весело, как мне хочется? И с Виктор Леонидычем мне нравится. Он опытный, та-а-кое умеет, - она даже хихикнула. – И ему со мной нравится. А деньги для него тьфу...

Дед растерялся от такого поворота. Побагровел. Казалось, его хватит удар. Но Свету перемена цвета на его лице не интересовала.

- А... а... А мораль? – выдавил он из себя.

- Дед, у тебя одна мораль, у меня другая. Вот один из наших был в Таиланде. Там все с двенадцати лет и даже меньше с такой моралью, что я по сравнению с ними еще пай-девочка. Целая страна. И весь мир туда ездит... И ничего.

Неожиданно Федор Васильевич всхлипнул. Света посмотрела на него – он плакал. Слезы катились по розовым, не по возрасту упругим щекам. Она перепугалась. Плачущего деда она еще никогда не видела. Еще кондрашка хватит. Деда было жалко, она его действительно любила. А совсем недавно и он ее...

Федор Васильевич отвернулся и проговорил через силу:

- Ладно, иди. И пусть придет мама.

Разговор продолжать было бессмысленно. Они говорили на разных языках. Он считал, что у человека либо есть мораль, либо ее нет. А может, она действительно бывает разной? И даже прямо противоположной? Такое ему и в голову не приходило.

После свидания с внучкой Рита приводила его в чувство целый день. Конечно, не расспрашивала, старалась отвлечь посторонними разговорами. Магазин отменили, поехали к нему домой и забрали остатки нужных для нормальной семейной жизни вещей. В том числе любимый домашний спортивный костюм - Федор Васильевич не переносил халаты. За обедом появилось вино вне нормы. А вечером, под совсем приглушенное ворчание телевизора, Федор Васильевич при полном попустительстве хозяйки выпил три стакана отличного цимлянского и, естественно, стал рассуждать.

- Риточка, смотри, нас всегда учили... И наверно, так оно и было, что молодежь это надежда. Они романтики, прогрессивные. Противники цинизма, идеалисты, не циники. Хотят перемен. Так? Я все перечислил, ничего не забыл? А к старости человек теряет идеалы, приспособляется, становится равнодушным, эгоистом, консерватором, если не сказать конформистом. И еще куча всяких грехов. В классике это все описано. Почему же сейчас все поменялись местами? С точностью до наоборот. Нельзя не видеть этого. Молодежь стала циничней стариков. И сравнивать нельзя. А старики выглядят как полные идиоты со своей моралью. Которая, оказывается, бывает такая разная, что ее даже в лицо не узнаешь.

- Не все, Федечка, не все.

- Не все, но многие...

Пить в этот вечер Федору Васильевичу больше не давали.

Следующим вечером, предварительно позвонив, Федор Васильевич пешочком отправился на дачу к сыну, благо было недалеко. Давно пора поговорить по душам. Да и с квартирой и Лилей что-то решить окончательно.

Алик сидел у стола в гостиной, читал какую-то книгу и запивал прочитанное кефиром. Сына стало жалко.

Вероятно, промелькнула какая-то ассоциация, потому что неожиданно для себя Федор Васильевич спросил:

- Винца какого-нибудь у тебя не найдется?

- Что, держат тебя под контролем?

- Нет, - стал оправдываться Федор Васильевич, - я и сам этим доволен. Но рецидив иногда наступает. Особенно после визита внучки.

- Света приходила? Ну, тогда понятно.

И Алик пошел на кухню, отец за ним. Алик из холодильника достал бутылку с остатками «Марсалы» и два фужера. Разлил, половину фужера отцу, на доньшке себе. Достал баночку маслин.

- Слушай. А ты молодец. Переставил все в комнатах как следует. Чисто у тебя. Жить можно.

Женской руки в перестановках простодушный Федор Васильевич не заметил.

Они немного выпили.

- Ты даже похудел.

- Спасибо, стараюсь.

- Да, тебе идет.

- Что Света сказала?

Федор Васильевич махнул рукой.

- Уму не постижимо. Что она говорит! И как! Меня чуть удар не хватил.

- Успокойся. А то действительно хватит.

Долил немного отцу и себе тоже добавил.

Выпили. Помолчали.

- Квартиру, папа, нужно отдавать.

- Конечно, нужно. Само собой. Но не об этом речь...

- Я понимаю.

- Ну, ладно, что уж тут поделаешь...

Алик решил поменять тему.

- Расскажи лучше, как тебе живется? Не тяжело привыкать к ярму? Ты же у нас свободный художник с большим стажем.

- Ярму?! - возмутился Федор Васильевич. - Мне в этом ярме...Сказать хорошо, значит, ничего не сказать. Так что даже страшно.

И Федор Васильевич, не забывая иногда прихлебывать из стакана, рассказал о своих сомнениях и колебаниях. Вы этот миллион терзаний уже знаете. И главная идея:

- Я не понял. Чем я, Федор Васильевич Метельский, на старости лет заслужил такое...

Он долил себе еще вина, выпил и только после этого осмелился сказать:

- Счастье. Да, счастье.

- Ну, ты папа, тоже не из последних. Рита Аркадьевна, конечно, женщина симпатичная, но если бы твоим подружкам ее деньги, то они тоже...

- При чем тут деньги? От них для меня одни проблемы, - тут Федор Васильевич смутился, сыну врать не стоило, - конечно, деньги тоже большое дело. Но подружки, ты говоришь. Какое сравнение? Они уже не живые, смирились. Скисли. А Рита живой человек. И еще какой живой!

Он перевел дух. И с воодушевлением продолжил:

- Я не понял. Я бы на ее месте нашел бы такого...такого... который бы все это заслуживал. А я... Поэтому я ловлю себя на том, что виляю хвостом.

Это Алик вполне мог себе представить. Но что можно было посоветовать? Не вилять.

Примерно в таком духе он и высказался.

Отец понимал, что сейчас о планах сына говорить глупо. Они и не говорили. Только Федор Васильевич со смехом рассказал, что неукротимая Лиля, несмотря ни на что, ревнует Алика к соседкам, Стручковым. Даже почернела, когда об этом заговорила. Самое смешное, что к обеим сразу и неизвестно к кому больше. Федор Васильевич смеялся до слез, Алик поддерживал его, но не очень естественно.

Когда Федор Васильевич вернулся домой, Рита встретила его словами:

- Явился, гуляка. А я без тебя уже соскучилась.

«Да, - подумал гуляка, - все-таки сказка может существовать и в жизни».

А день спустя к этой теме пришлось вернуться еще раз.

Хлопоты, хлопоты. До отплытия осталась одна неделя. Уже были открыты чемоданы. К телевизору сели чуть позже, чем обычно. Садовник и уборщица ушли давно. И вдруг раздался какой-то требовательный звонок.

- Кого это принесло? – Рита пошла открывать.

- Здравьете. Это я.

На пороге появился Брагин. Федор Васильевич его сразу узнал. Он был по-прежнему моложавым, по-спортивному подтянутым, почти не седым и почти не лысым. Интересный мужчина. Правда, при более близком рассмотрении – раньше Федор его видел только издали – у него был заметен дефект, то что в народе называется рябой. Ну, не совсем рябой, но не то оспинки на лице, не то кожа такая. Неужели и при больших деньгах трудно стать глянцевым? Наверно, все-таки непросто.

Брагин был сильно пьян. Очень сильно. Глаза стеклянные, все силы его уходили на то, чтобы не очень качаться и разговаривать членораздельно. И то и другое не очень удавалось.

- Явился – не запылится, – привычно приветствовала его Рита. - Ты где так набрался?

- Где, где... Там, где и ты должна была быть. На дне рождения у Зинули. Обидно...

- Я ее поздравила...

- Обидно... Друзей забываешь. Близкий друг, как и муж, - он захихикал, - все узнает последним. А я пришел познакомиться с твоим новым френдом. Я все узнаю последним. Обидно...

«Новым френдом» прозвучало неприятно для Федора Васильевича. И вообще он чувствовал себя нелепо. Он сидел в салоне на двойном диване перед журнальным столиком, оттуда они с Ритой, как обычно, смотрели телевизор. Встать, реагировать или спокойно сидеть на месте? Брагин решил проблему. Он почти твердо, почти не шатаясь подошел к Федору Васильевичу и протянул ему руку. Федор Васильевич вежливо встал и протянул свою.

- Антон, старый друг Риты. Прошу любить и..., - на «жаловать» у него уже стойкости не хватило. Пришлось опуститься на стул, стоящий сбоку журнального столика. Посадка прошла удачно. Рита обошла стол и села с другой стороны. Получился треугольник, молчаливым центром его был растерявшийся Метельский. А Рита с Брагиным избрали интересную манеру разговора. Они вроде бы адресовали все Федору Васильевичу, но смотрели при этом друг на друга и ответа у него никто не спрашивал.

- Федор, прости меня, но обидно, - сказал Брагин, глядя прямо в глаза Рите. – Насчет того, что у нее проблемы с сердцем я знал давно. Но если бы Зина под мухой не проболталась, что Риту ждет операция на сердце, я бы до сих пор не знал об этом. Ни о шунтировании, ни о мерцательной ар-аритмии, ни об этом проклятом электрости-сти-муляторе.

При этих словах сердце Федора Васильевича куда-то провалилось. В тартарары.

- Ведь Федор, когда плохо, то нужно обращаться прежде всего к друзьям. Мы-то для чего? А Федор? Друзья, близкие друзья. – Брагин с обидой уставился на Риту.

- Когда ты женился на этой цидульке, то тоже ни с кем не советовался.

- За что и погорел. «Его пример другим наука», - цитата прошла удачно, без запинаний.

А Федору Васильевичу в этот момент показалось, что они не всегда были просто друзьями. Впрочем, какая разница...

- Конечно обидно, - как бы подтверждая это невысказанное подозрение снова надулся Брагин.

- Есть у меня, Федя, такая болтливая подруга Зинуля, - ответила Рита Брагину. - Для нее нет врачебной тайны.

Федору Васильевичу хотелось крикнуть: - это я Федя, я здесь! А он Брагин.

И Брагин продолжал выкладывать свои обиды, по-прежнему не отводя глаз от Риты. .

- А ведь мы Ритой дружим сорок пять лет, Федя... В одном институте занимались. Она на географическом...

- А он на физкультурном. Хорошо играл головой. В футбол.

- Зато она, Федя, всегда была умная, - Брагин вообще отвернулся от Метельского и смотрел куда-то в пространство между Ритой и телевизором. Наверно, все-таки обиделся. Но постепенно он взял себя в руки и стал разговаривать почти без сбоев. – Она всегда знала, чего хотела и добивалась того, что... ну, этого. На все сто процентов. И никогда не ошибалась. Она все рассчитывала точно. А фамилия ее – Абак - это же древние счеты, посмотри в любом кроссворде. Ее в институте, знаешь, как называли? Железная леди. Еще раньше этой. Как там... Тетчер. Или одновременно. Но тогда это на фиг – извини – никому

не было нужно. И она была просто учителькой. А зато когда начался этот бардак – ого! Она пошла в гору. И у нас не Англия, у нас покруче. Знаешь, как ее теперь зовут? Железная стерва. Это у нас комплимент. Уважение. В наше-то время! Ты знаешь, сколько она теперь весит, Федя? В у.е? Бьюсь, что не знаешь... На ерунде... шитье-шматье... она обшивает в Украине всех бедных, которые на халяву хотят выглядеть... ну скажем, парижанками. Шитье-шматье... Я не бедняк, но она, Федя, она...

И Брагин поднял руку насколько мог выше головы.

- Откуда тебе известно, что он знает, а чего не знает? - Рита впервые обратилась напрямую к Брагину.

Брагин в ответ хитро улыбнулся. И тоже впервые ответил ей, минуя совсем притихшего Федю.

- А я про него все знаю. Мне Зинуля рассказала, что еще месяц назад, когда назначили операцию, ты решила найти себе бойфренда. И параметры его наметила. Зинуля мне все пункты перечислила, какой клиент должен быть. А раз ты решила – значит, он такой и есть. Тютелька в тютельку.

На этот раз он повернулся к Федор Васильевичу.

- Я не цыганка, но хочешь, расскажу о тебе всю правду. Какой ты человек. Только, - он пьяно ухмыльнулся, - позолоти ручку. Налей стаканчик.

Федор Васильевич проявил характер, не глядя на Риту, встал, принес из кухни бутылку вина и три фужера. Разлил поровну.

- Вино, - разочаровано протянул Брагин, - хотя да, ей же прописали в день стакан-полтора красного вина. Для крови. И питание особое, - он подмигнул Метельскому. - Зина говорит, что она даже готовить начала, хоть никогда этим не занималась. Железная леди, это точно. И опять результат сто процентов. Зинуля говорит, что с кровью уже все почти в норме.

Он выпил свой фужер. Федор Васильевич его молча поддержал. Терпеливо ждал продолжения.

- Вам возвращая ваш портрет... – довольно приятным голосом запел Брагин. – Значит, как было рассчитано... Мне Зинуля все пункты рассказала. Ты по проекту постарше ее лет на десять и не богат, - кто из молодых и богатых будет возиться с ней после операции? Живешь один, особых хвостов нет. Не профессор и не интеллектуал – они все нудные. Может, простоват, но нудным быть не должен.

Это прозвучало обидно. Но было правдой.

- Не худой – худые чаще злые. Лучше полный, но не толстый. И добрый. Человек для своих лет крепкий, и что очень важно – любишь жизнь. Обязательно аккуратный, не грязнуля. Для Риточки это острый нож в сердце. Без особых претензий, не жадный на деньги. Вот это очень важно! Очень! Деньги, Федя, большой соблазн. От них может быть много горя. Что еще? Да, и немного лопух. Ты не обиделся?

- Немного лопух, это точно, – впервые заговорил Федор Васильевич, - какие тут обиды.

- Ты, Брагин еще одно условие забыл. А я Зинуле об этом говорила. Чтобы он мне нравился. И я чтоб я ему нравилась, а не деньги. Чтобы мы выдержали испытания...

И глядя Феде в глаза, продолжила, чуть виновато, но в то же время упрямо:

- Федя, можно подойти с другой стороны. Я нашла человека, которого искала и который мне нравится. Что тут плохого?

- Что? Нужно было не скрывать, что меня и тебя ждет. Нас ждет. Но это пока в твой расчет не входило! Простите, - Федор Васильевич встал. – Вам есть о чем поговорить, а я пойду подышу свежим воздухом.

- Федя, я не ошиблась ни в тебе, ни в себе. Ведь это главное?

Брагин с удивлением посмотрел на Риту. На железную леди сейчас она не была похожа. На железную стержню – тем более.

Федор Васильевич быстрым шагом шел по широкой асфальтированной дорожке над берегом моря. Здесь они с Ритой Аркадьевной любили делать променады перед заходом солнца. А поздним вечером по этим дорожкам гулять не рекомендовалось – молодые наркоманы могли за две гривны проломить голову. Но сейчас вся эта чепуха совершенно не занимала мысли Федора Васильевича. Между прочим, напрасно, потому что два паренька подозрительного вида направились было к нему явно с плохими намерениями, но подойти не решились. Стоило ли связываться с человеком, который размахивал руками во все стороны и беседовал сам с собой временами довольно громко. О чем же Федор Васильевич с собой беседовал? Тем было много.

И прежде всего он надсмехался, даже издевался над своей наивной верой в сказки. В чудеса. В его-то возрасте, с его жизненным опытом. Его подобрали по заранее намеченным «параметрам» как сторожевую собаку, нет как собаку поводыря, или хуже того – как комнатную собачонку. Кстати сказать, могли бы просто нанять на эту должность за довольно скромное вознаграждение. Хотя понимали, что такой человек как он на роль сиделки наниматься не будет.

Выходит – и это, пожалуй, самое обидное, если бы не болезнь Риты, то он бы даже к конкурсу допущен не был. Куда ему! И еще интересно – когда все пройдет удачно его уволят? С выходным пособием или без?

Между прочим, есть в этой ситуации и определенная ирония. По всем параметрам он был намечен как человек хороший, порядочный и надежный. Допустим, скромно подумал о себе Федор Васильевич, так оно и есть. Этот вывод следовал из доноса Брагина. И вот вам парадокс – современные успешные люди нуждаются в хорошем человеке не просто, когда плохо, а только тогда, когда уже хуже быть не может. До этого момента люди для них делятся на полезных, вредных, нужных, ненужных. Все для дела. Кто-то сказал – хороший человек не профессия. Чепуха! Самая ценная, самая наидревнейшая и редкая профессия.

При этом сравнении, кстати высказанном вслух, Федор Васильевич замахал руками. С древнейшей профессией он перегнул. Такая уже есть, это что-то другое...

Он дошел до поворота и повернул назад.

Ну, хорошо, допустим, каждая женщина может искать себе друга и при этом хотеть, чтобы он был такой, такой и вот этакий. Это право каждого. Даже практичный мужчина – он имел в виду себя – тоже время от времени представляет себе идеальную подругу, скажем, такой... как Рита... Рита! Вот наваждение! Пришлось снова помахать руками.

Это тоже «параметры». Но почему начинать с обмана? Почему не сказать правды? Разве правда хорошего человека может испугать?

Неожиданно для себя Федор Васильевич остановился, как вкопанный. А ведь вполне может испугать. В порядке здорового инстинкта самосохранения. Уж если для него моральные проблемы ее миллионов играли большую роль, то вполне возможно, он сознательно или бессознательно не позволил бы себе серьезно ею увлечься, зная, что их ожидает. И железная леди (он не позволял себе даже мысленно пользоваться ее бизнес-прозвищем), если она всегда добивалась успеха, и если он ей действительно понравился, имела моральное право действовать не как наивная девчонка, а наверняка. Разум еще никто не отменял. Н-да, интересный поворот рассуждений.

Она сначала влюбила его в себя, сделала так, что без нее смысла в жизни осталось немного, а может быть, совсем не осталось...

Он с ускорением пошел в сторону дома...

Интересный поворот... Нужно признать, без нее ему все становится неинтересным. Ненужным. И тогда неизвестно, почему он думает о всяких, может, неприятных, даже некрасивых, может, даже неприличных, но все-таки мелочах по сравнению с главным – Рите грозит операция. Рите грозит опасность. Он может ее потерять. Он должен быть все время с ней, заботиться о ней. Умная, разумная Рита правильно сделала, что выбрала его. Разве плохо, что она при этом использовала один из своих талантов – ум? Разве разум исключает чувства? Почему тогда он тут болтается, когда должен быть дома, рядом с нею?

Когда он вошел. Брагина уже и след простыл. Рита сидела на диванчике, место рядом с ней было свободно. Телевизор что-то тихо рассказывал на каком-то иностранном языке. Немного пахло корвалолом.

Федор Васильевич сел рядом, обнял ее рукой за плечи.

- Рита, всякую ерунду не стоит даже обсуждать. Растереть и забыть. Главное – это ты и твоё здоровье. Для меня главная радость – быть с тобой всегда и во всем. Все будет хорошо. Все будет так, как мы хотим.

- Федечка, а может, будущая операция не такая уж большая цена за то, что мы с тобой вместе...

Они оба немного застеснялись таких смелых признаний. Улыбнулись. Поцеловались. Все как и должно быть.

А Федор Васильевич подумал, что когда все кончится хорошо – а иначе и быть не может – его не уволят.

Позвольте мне кое что добавить и от себя. Я тоже расчувствовался вместе с ними. В солидном возрасте настоящие чувства несут с собой особенную, я бы сказал в чем-то трагическую радость. Это тоже «праздник со слезами на глазах». И чем сильнее чувства, тем труднее скрыть даже от себя самого страх перед расплатой.

Многие говорят, что немолодые люди на большое чувство просто уже не способны, что они устали, израсходовали жар души и нуждаются только в покое. Но не менее правдивым является другое объяснение. А именно – очень многие просто боятся сильных чувств. И понять их можно. Еще не известно, какое время выделит им на это счастье судьба или тот, кто еще выше судьбы, а вот неизбежная расплата уже бродит поблизости, поджидает момент.

Вот такая она, любовь на излете, сладкая, пряная и ...горькая.

Часть третья

Цепная реакция

Секс и триллер

Во всех современных видах искусства секс и триллер идут рука об руку. И мне, как вы увидите дальше, не удалось стать исключением. Но так как я не являюсь специалистом ни в одном из этих жанров, то вам придется довольствоваться тем, что получилось.

После памятной пятницы диспозиция определилась окончательно. Алик приобрел статус человека, с которым встречается Регина. Это в приличной упаковке. А на бытовом уровне он стал ее официальным временным любовником. Потому что жить, вполне естественно, они вместе не собирались. Разве что когда-нибудь... Нет, оба знали, что связь временная. А как

называются люди, которые какое-то количество раз в неделю встречаются, чтобы какое-то количество времени провести вместе, дальнейшее не буду уточнять?

В результате этого, если бы даже были какие-нибудь надежды у Алика в отношении Валентины – а их, как мы знаем, не было и в помине, – то теперь жребий был брошен, Рубикон перейден, все точки над «и» расставлены, дальше можете добавлять аналогичные изречения по своему вкусу.

Огорчен ли был Алик? Конечно, нет, даже глупо об этом спрашивать. Регина прекрасная молодая женщина, при ней статус рогоносца почти не заметен, а успех очевиден.

Склонный к самоанализу Алик решил так – с Региной ему было хорошо во всех смыслах. И в дружеских и в физических. При переходе от теории к практике его сомнения – надеюсь, вы их еще помните – оказались напрасными. Мало ли что почудилось? Жизнь берет свое. Им по-прежнему вместе было очень комфортно – не последнее дело в близких отношениях. Не хуже, чем пять лет тому назад. Строптивая, ершистая, самоуверенная при свете дня Регина, даже иной раз не без признаков эгоизма, свойственного современной молодежи, в темноте оказалась мягкой, нежной и очень женственной. Такие противоречия бывают в жизни гораздо чаще, чем вам кажется. Так что, подводя итог, повторю еще раз – им было хорошо.

А его чувства к Валентине были совсем из другого мира, параллельного. Проницательная Лиля как обычно была права, когда злословила о «явлении Христа народу». Простите мне слишком пышные слова – я и сам этого не люблю, – но Алик Валентину боготворил, более точного и приземленного описания я найти не могу. И поэтому чувства к матери и дочери, по мнению Алика, прекрасно совмещались, одно другому не мешало.

И все-таки дело обстояло не так просто, в реальной жизни полностью отделить желаемое от действительного удастся не часто. Поэтому я должен открыто признать, что в высокие мысли и чувства из параллельного мира иногда проникали и куда менее святые желания, свидетельствующие о том, что дьявол не дремлет. В разговоре с Валентиной нет-нет да и прорывалось нечто такое, что заставляло Регину смотреть на него с подозрением. Но постепенно Алик научился с этими порывами справляться и в целом вел себя как солидный и благонаправленный сосед, а по совместительству признанный кавалер дочери.

Я даже не пытаюсь делать вид, что первый описываю подобную ситуацию. Таких примеров в литературе полным-полно, а в жизни еще больше. Алик так же как и я сознавал, что все выглядит несколько пошлово, во всяком случае банально. Эти бесконечные треугольники... Но что он мог сделать? Ничего!

Я попытаюсь защитить его от суровых моралистов, в первую очередь женщин зрелого возраста, так их назовем. Попытаемся быть объективными. Чувство к Валентине от его желания не зависело, против него он был абсолютно бессилён. Это было самое настоящее наваждение. Ему оставалось только стараться не давать ему прорываться наружу, что он и делал. А отношения с Региной были хороши для обоих, и вряд ли имело смысл от них отказываться. Тем более, что по негласному обоюдному согласию они были временными.

Скрыть от мамы ночные похождения Регине, разумеется, не удалось. Окна открыты, любящая бабушка привыкла даже во сне чутко прислушиваться к малейшему шуму из Сережкиной комнаты. А тут скрипят двери, потом железная калитка, да и соседская собака нервничает.

Словом, утром, точнее часов в одиннадцать, когда Регина, сладко зевая, вышла к завтраку, состоялся семейный разговор. Валентина старалась быть как можно деликатней. Она сказала, что к Алику относится достаточно хорошо, но тактично умолчала о том, что, возможно, Инночка заслуживает более молодого и более яркого спутника. Ее, как вам

известно, волновало другое. Заведомо временные связи... и молодость так быстротечна... и...

Регина наверно догадалась о невысказанных сомнениях, потому что сразу же ответила прямо и по существу:

- Мама, я не хочу выглядеть циничной. И знаю, что ты этого не любишь. Но в моем возрасте уже пора относиться к жизни трезво. Тем более за мной стоит Сережка. Я тебе говорила - в Алике есть что-то очень приятное для меня, не знаю как объяснить ... близкое, так что ли.

- Девочка, это может самое главное в жизни...

- Но есть, мама, и не менее важные вещи. Восемнадцать лет разницы требуют солидного оправдания и обоснования. Говорю тебе как бывший экономист экономисту настоящему. Тем более с годами расстояние между мной и Аликом будет все время увеличиваться.

- Извини. Я не поняла.

- Чего тут не понять? Либо бешеные чувства, либо материальная основа, последнее надежнее. Я как-то Алику говорила, что совместимость и надежность очень важны. Но ты же знаешь, мои бутики это больше хобби, чем источник существования. Если бы не папа, я бы триста раз прогорела. Ну, ты знаешь. А я не привыкла жить от полочки до полочки...

Валентина слушала это с видимым неудовольствием.

- Миллионы живут на зарплату. И она у него не такая плохая.

- Мама, он нищий. В пятьдесят начинать поздно. У меня две маленькие комнаты. У него ничего. Вообще ни-че-го. Один костюм и ноутбук.

Валентина привычно махнула рукой. Спорить она не любила.

- Инночка, это твоя жизнь. Я о другом. Здесь наш дом. И твой тоже. И узкий круг соседей. И знакомых. Ты уж извини, я буду резкой, но бродить ночью, как кошка, это не хорошо. И охрана видит тебя по долгу службы, и каждая собака тебя знает...

Регина вспомнила ночной переход и утреннее возвращение. Она не была бессмысленно упрямой. Миролюбиво рассмеялась.

- Точно. Тут ты права. Каждая собака знает и каждая будет облаивать. Хоть четвероногая, хоть двуногая. Ладно, мамочка. Это мы решим. Бу сделано. А в общем, - она мечтательно вздохнула, - через десять дней я тю-тю... Канары, все учтено... Дальше будем разбираться.

- Может, позвать его обедать?..

- Нет, мама, давай не будем форсировать...

- Тебе виднее...

После обеда Регина зашла к Алику домой – без стука, подошла и поцеловала в губы. Инициатива по-прежнему была за ней. Дала понять, что мы теперь близкие люди. Не какой-то там случайный секс. Алик поцеловал и обнял ее – в том же смысле.

Регина рассказала о разговоре с матерью, Алик проворчал нечто вроде «как-то неудобно».

- Раньше надо было думать. Снявши голову по волосам не плачут.

- Можно подумать, меня кто-то спрашивал.

Все это было сказано со смехом и необидно. Наоборот, прорвалась близость.

Алик и сам думал о том, что продолжать жить в таком тесном соседстве, если их встречи с Региной будут продолжаться, ну, скажем, не комфортно.

- Есть вариант. Отец сейчас сошелся с очень приятной женщиной. И переехал жить к ней.

- Прекрасно. Я очень рада за него. Дай, как говорится, Бог...

- Я думаю, он не будет возражать, чтобы я переехал к нему.

- Прекрасно. Бог, или кто там есть, на нашей стороне.

- Что-то ты стала часто поминать Бога. С чего бы это?

- Из суеверия. Надоело быть одной. Или с идиотами. А может быть, совесть мучает и грехи заели, - неожиданно у нее на глазах появились слезы. Затем она взяла себя в руки и резко прервала явно неприятную ей тему. – Давай не откладывать все в долгий ящик. Поезжай к Федору Васильевичу, договорись с ним. А я пока соберу твои двое трусов, две пары штанов и один приличный костюм. Все твоё богатство, кроме нуждающегося в замене потасканного драндулета. Хоть он и называется БМВ.

Алику неприятно было, что он выглядел в ее глазах едва ли не бомжом. Но это правда. Он действительно в прошлой жизни, как сказала Света, был сбоку-припеку. Нет, она сказала лучше – был как-то в стороне. Всем было не до него, как оказалось.

Регина посмотрела вокруг и даже вздохнула:

- Жалко, столько трудов потратили на уборку и перестановку... Ладно, будем смотреть вперед. Ты не забыл, времени у нас в обрез. В будущую среду я улетаю.

Алик с подозрением на нее посмотрел:

- А потом предвидится конец света?

- Я же сказала, что стала суеверной. Не хочу загадывать.

Алик удовлетворился этим неопределенным ответом. Он и сам чувствовал нечто подобное.

В этот же субботний вечер они сидели в квартире Федора Васильевича, ели подозрительную жаренную рыбу, купленную в соседнем кафе и запивали ее белым сухим вином, которое нашли в холодильнике.

Регина сделала все, что могла, прибрала, кое-что переставила, но дух холостяцкой квартиры из этого жилья не выветрился.

После еды она сказала:

- Мне пора. Сережка взбесится. И перед мамой неудобно. Ты уберешь посуду?

- Конечно, - сказал Алик. Он почувствовал, что должен посмотреть на Регину вопросительно-намекающим взглядом, но получилось плохо. Они устали, да и поздно уже...

Регина все поняла, засмеялась и поцеловала его в лысину.

- Не бойсь, все еще впереди. Час расплаты настанет, это я тебе обещаю.

Регина сдержала слово. Воскресенье она посвятила своим, но пару раз звонила и даже сказала, что соскучилась. И завтра они обязательно увидятся. Сережка уже пошел в садик, все налаживается.

В понедельник она позвонила часов в двенадцать и пригласила его на обед.

- К часу успеешь?

- Куда?

- Как куда? К тебе домой. Я что-то принесу.

- У меня тоже кое-что есть.

- Целую.

У Алика возле стола стояла секретарша, поэтому пришлось сказать:

- И я тоже.

Впрочем, он с сожалением подумал, что обеденный фитнес придется пропустить. Нагрузки и диета давали прекрасные результаты. Но сожалел он напрасно. Нагрузка у него была уж никак не меньше, чем при катании на плюгавом велосипеде или пробежке на медлительной (теперь он это понимал) беговой дорожке.

Торопиться им было некуда. Сережку нужно было забирать в пять часов, а Алик, как вы знаете, мог на работе себе многое позволить. Нет, определенно все было очень хорошо. А

Регина и днем была такая же, как ночью в пятницу. Даже, к удивлению и удовольствию Алика, немного застенчивая. В ней воистину было намешано много противоречивого.

А начиная со вторника Алик мог принимать Регину с утра и до вечера: «шмындрик и компания» - так называл Алик рейдеров – выполнила свою угрозу. Во главе на сей раз была налоговая инспекция, они закрыли всю документацию и все компьютеры. Работа полностью остановилась, и в фирме делать было нечего. Алик поздравил себя с тем, что заранее стер из компьютеров все программы, созданные им, и сделал это так тщательно, что восстановить их было невозможно. Он сделал два комплекта дисков, и один на всякий случай передал на хранение отцу. Мало ли, вдруг он сможет применить это у другого хозяина. Или – чем черт не шутит – продать. Все-таки это его детище. Но демонстрировать его нельзя. И про себя поблагодарил Валентину – она первая натолкнула его на мысль, что вся эта на первый взгляд невинная рационализация, в сущности, уголовное преступление, если в стране есть нормальные законы и соответственно законопослушная психология. Между прочим, я не сомневаюсь, что многие из вас считают, что я сгущаю краски и пишу это для красного словца. И даже знаю, почему вы так думаете. Вы в какой стране живете? Вот вам и ответ.

Регина знала о готовящемся нападении. Сообщением об этом ее Алик не удивил.

- Как ты думаешь, они отца разорят?

- Честно?

- Честно?

- Не обидишься?

- Нет.

- У них так принято. Сначала он ел, теперь его едят. Круговорот в мире бизнеса.

Теоретически Регина понимала, что дело может кончиться крахом компании, а значит, и ее благополучие под угрозой. В таком случае серьезные отношения с пролетарием Аликом просто напрасная трата времени. Кроме того, финансовая зависимость от отца и необходимость быть ему благодарной последние годы очень тяготили ее, были для этого свои основания. Но стоило ли об этом слишком много думать? Сейчас хорошо, впереди Канары, где все учтено! Она и не думала. Радовалась сегодняшнему дню.

Начиная с этого вторника и до конца недели жизнь Алика шла по установившемуся порядку. С утра, как добросовестный работник он приходил в офис, выяснял, что делать нечего и он там совершенно не нужен. Потом для порядка ехал на две стройки, там узнавал тоже самое. Склады были опечатаны, работы фактически остановлены. Потом с чистой совестью ехал домой, купив по дороге для Регины что-то вкусненькое, а себе что-то постненькое.

К его удивлению Регина забегала к нему каждый день. Иногда забегала на пару минут, иногда на два-три часа с соответствующими последствиями. Я, например, уверен, что ей просто хотелось его увидеть, хотелось почувствовать, что она, кроме Сережки и мамы с папой, кому-то нужна. Она предложила до отъезда обедать вместе. Тут уже Алик вынужден был признаться в диете и фитнес-клубе, чем вызвал взрыв восторга у Регины. Она сказала, что он на глазах становится стройнее и моложе. И намекнула, что в других прочих направлениях тоже молодеет и входит в спортивную форму. Конечно, она преувеличила десятидневные успехи Алика, но если внимательно присмотреться, то нечто такое действительно намечалось. Короче говоря, они стали вместе обедать, и каждый раз Регина героически ела ту же гадость, что и Алик. Может, ее утешала мысль, что дней до отъезда оставалось всего ничего? Да нет, вряд ли, от совместных обедов она получала видимое удовольствие.

Они легко находили общий язык, когда были вдвоем. О Сережке, о мерзавцах-рейдерах, о политике... Когда куда-нибудь выходили – один раз посетили неудачный спектакль драмтеатра, и один раз были в кафе на узком междусобойчике, где кроме них было еще две пары, – вот там Алик чувствовал себя не в своей тарелке. «Что тут удивительного, почти двадцать лет разницы – это целое поколение», – думал он. Но далеко идущих выводов старался не делать – отношения с Региной ему безусловно нравились.

Но все-таки кое-что смущало его на этом празднике жизни. Когда Регина уходила, он слишком часто советовался с Валентиной, разумеется, мысленно. Доходило до смешного. Одеть ли ему в театр галстук, или не надо. Что почитать сегодня перед сном – Улицкую или, не мудрствуя лукаво, просмотреть старого доброго Диккенса, он этот слегка сентиментальный английский юмор очень любил.

- Я сегодня, пожалуй, в фитнес-клуб не пойду, – говорил он вслух и понимал: вслух, потому что обращается к ней же, к Валентине.

В такие минуты он крутил пальцем у виска и объяснял себе: «Сдвиг по фазе». Но мы-то понимаем, что не все так просто. И он понимал, не хуже нас с вами...

Но потом появлялась Регина, и все становилось обычным и нормальным.

Свободные вечера тоже как-то заполнялись. Один раз вечером прорвались ребята, все трое, принесли с собой выпить и закусить, сами же все выпили и всем закусили. Потрепались на абстрактные темы. Другой раз он на улице встретил жену Вити Машу, ту самую, которая играла в одном симфоническом оркестре с Лилей. Известно, что в подобных случаях женщины не столь тактичны, как мы, мужчины. Поэтому Маша не стала уклоняться от интересующей всех темы и прямо высказала Алику сочувствие вместе с некоторыми сомнениями. Она сказала, что положение очень неприятное, что Алик, разумеется, прав. Но все-таки... может, оно того не стоило? Мы все срываемся, такая нынче жизнь. Лилю бы точно сгноили в оркестре, этот павиан ее в ансамбль без этого... ну без того...- она замялась, - не взял бы. И ее тоже можно понять.

- Понять? – Алик смотрел на Машу дикими глазами.

- Если хочешь знать твоя Лиля на общем фоне еще ...

- А ты бы на ее месте как поступила?

- Во-первых, это вмешательство в мою личную жизнь, а во-вторых, никто меня в этот ансамбль никогда не позовет.

Прозвучало это неожиданно грустно...

Поговорили еще в таком же духе. А на прощанье Алик сказал:

- Маша, дело не только в этом. Я у них в семье был все время как-то в стороне. Так выразилась моя дочь.

- Вот это уже серьезно. Хотя люди живут по всякому... Ладно, в таких делах лучше в душу не лезть, - с некоторым опозданием осознала Маша.

А в пятницу с утра Алик получил два звонка. Один приятный – от Регины. Она сказала, что договорилась с мамой и забросит Сережу к ней вечером в пятницу, а появится там утром в воскресенье.

- Где как ты думаешь, я буду все это время находиться?

Догадливый Алик ответил:

- На Гоголя.

Квартира Федора Васильевича была на улице Гоголя.

- Два дня – отлично. В порядке подготовки к концу света?

- Не ехидничай. Тебе это не идет. Готовиться не нужно, я все куплю и приготовлю.

- Жду, - целую он не сказал, рядом опять с понимающим видом стояла Мария Степановна.

А второй звонок был из серии неприятных, но неизбежных – позвонил Шаевич, адвокат Лили, и предложил обсудить окончательные условия развода. Алик сказал, что обязательно должен присутствовать собственник квартиры, его отец. Короче говоря, после нескольких звонков друг другу все участники будущего обсуждения договорились встретиться на даче в пять часов вечера. Вместо трех человек, в переговорах приняло участие пять – с адвокатом приехала Лиля, а Федор Васильевич взял на подмогу Риту Аркадьевну. С участием женщин обсуждение стало выглядеть не просто содержательным, но и по-настоящему увлекательным действием.

Светская часть встречи продолжалась недолго. Незнакомые представились друг другу.

- Простите, не расслышал. Вы госпожа Абак? Та самая?

- Почему та самая? Просто у меня такая фамилия.

Флюиды уважения по отношению к Рите Аркадьевне, исходящие от адвоката, стали физически ощутимы.

Лиля прошла по даче и сразу почуяла в перестановках женское влияние. И простыня на постели была в цветочках. Ярая собственница Лиля, несмотря на цель прихода, мрачнела на глазах.

- Ты даже похудел, как мартовский кот, - это было сказано Алику довольно громко.

Мартовский кот промолчал. Понял, что это только отдаленные раскаты грома. А буря грянет.

Все устроились за столом на веранде.

Адвокат начал с того, что живущие в квартире много лет мать и дочь по всем юридическим и божеским законам имеют право...

Но раскаляющаяся Лиля перехватила инициативу. Она довольно быстро нагрубила Алику, отозвалась о нем очень неуважительно, неизбежный «тюфяк» тоже присутствовал. И еще много чего, объяснявшего ее - как некоторым кажется - странные поступки. Главное обвинение - он пальцем не пошевелил, чтобы обеспечить ей и дочери достойную жизнь, подразумевалось, что они с дочерью эту жизнь заслужили. Федор Васильевич тоже не был обойден - предложения типа «достойный сын своего отца» входили в обойму. Отстрелявшись, Лиля заявила, что имеет все моральные и юридические права на квартиру. А в качестве алиментов на воспитание дочери она требует - дальше шел целый список.

Мужчины сидели молча, даже не делая попытки вставить слово.

Но Рита Аркадьевна не стала дожидаться окончания монолога. Спокойно и очень твердо она сказала, что эмоции такого сорта лучше высказывать где-то в другом месте. Жаль тратить время не по существу. А по существу все юридические и божеские законы, о которых говорил адвокат, были при советской власти, то есть при царе горохе. Сколько лет жили в квартире, какие у кого претензии друг к другу и какой громкости у кого голос к делу отношения не имеет. По нынешним законам мать и дочь даже не квартиросъемщики владельца квартиры и дачи Федора Васильевича, потому что живут там бесплатно. Их в любой момент можно просто выгнать.

Лиля открыла рот, но аргументов не нашла. Закрывает рот.

У Лили с дочерью есть права по отношению к мужу и отцу - Александру Метельскому, но взять с него нечего, кроме зарплаты. Которой, кажется, тоже скоро не будет.

Рита Аркадьевна, хоть и ушла на покой, но в жизни города еще разбиралась.

Размазав по стенке амбиции адвоката и претензии Лили, Рита Аркадьевна спокойно посоветовала им сейчас уйти, собраться с мыслями и прийти в следующий раз, все хорошенько обдумав.

- Я бы чисто по-человечески вам, Лиля, посоветовала – а опыт всяких не слишком приятных дел у меня большой – настроиться иначе. Я бы на вашем месте попросила их войти в ваше действительно нелегкое положение, в которое, кстати, вас никто из присутствующих силой не загонял. Потому что прав у вас никаких. На все только их добрая воля. Зачем вы входите в клинч? В ваших интересах, как говорят боксеры, объявить брейк. Не стоит усугублять, так дела не делаются. И на этом позвольте мне с вами попрощаться. Федор Васильевич, нам пора. Алик, может, вы тоже пойдете с нами?

Рита Аркадьевна встала, за ней вежливо поднялись Метельские. Глупо было продолжать сидеть гостям, когда хозяева встали, и Шаевичу пришлось приложить все свои умение и находчивость, чтобы увести Лилю, не дав ей сказать ни слова. Ему это удалось.

Действо закончилось сравнительно мирно. А Федор Васильевич понял, что миллионы попали к Риточке не случайно.

Алик с трудом разместился на заднем сидении маленького «Пежо». Федор Васильевич сидел рядом с Ритой Аркадьевной и очень огорчился. Прежде всего его волновало здоровье Риточки – ни к чему ей эти стрессы. Он исподволь посматривал на нее – не побледнела ли, не дай бог. Рита Аркадьевна заметила это и благодарно похлопала его по коленке.

- Все в порядке. Федя. Не волнуйся.

- Я что, я ничего. Лучше следи за дорогой.

И конечно же, ему было очень неловко за свою семью. Все выглядело ужасно, до неприличия...

Когда приехали к ним на дачу, хозяйка предложила:

- Зайдем. Перекусим что-нибудь.

И, не дожидаясь согласия, открыла дверь и вошла. За ней безропотно потянулись Метельские. Алик под впечатлением недавно увиденного и услышанного не пытался возражать даже под страхом нарушения диеты. Но опасения были напрасны. Когда мужчины уселись за стол, хозяйка предупредила:

– У нас после шести только легкий ужин, так что чем богаты, тем и рады.

Алик подумал, что у него теперь такой же легкий завтрак и обед. Легкий ужин его вполне устраивал.

Рита Аркадьевна подала какую-то отварную рыбу, кажется, это был любимый ею осетр. С каким-то соусом в обрамлении каких-то овощей. Три тоненьких аппетитно поджаренных кусочка серого хлеба. Федор Васильевич принес три красивых бокала с голубой каемочкой, графин красного вина, которое в чуть темноватом графине даже казалось бордовым. Разлил по бокалам. Ужин оказался не таким уж легким, но очень вкусным.

Потом хозяйка сказала:

- Извините, я должна бежать, у меня встреча намечена. А вам есть о чем поговорить.

Федор Васильевич, видимо, о встрече знал:

- Беги, Риточка, я уберу.

Без присмотра и под влиянием тяжелых мыслей Федор Васильевич перешел ко второму бокалу. К концу его он без всяких дополнительных подробностей и без упоминания о Брагине рассказал об ожидающих Риту испытаниях. Долил бокал, руки при этом у него немного дрожали. А раньше даже намек на такое не было. Конечно, же это просто был

показатель сильнейшего волнения, никакого отношения к потреблению алкоголя не имеющий. Тем более сухого здорового вина в умеренных количествах.

Рассказ Алика о рейдерском нападении, и о том, что он может лишиться работы добавил эмоций.

- До чего доходит бесстыдство! Сынок, в какие времена мы живем...

После третьего бокала Федор Васильевич уже был недалеко от границы и стал постепенно настраиваться на философский лад.

Время текло незаметно, вернулась Рита Аркадьевна. Федор Васильевич вспомнил о своих обязанностях. Он оставил четвертый стакан недопитым, убрал посуду со стола, сложил аккуратно в мойку.

- Ладно, иди уже, садись. Я помою, посуду жалко.

Алик отметил, что это было сказано Ритой Аркадьевной насмешливо, но без злости. И порадовался за отца...

А Федор Васильевич тем временем пустился в рассуждения. Это было неизбежно.

- Вы обратите внимание. Все, что происходит вокруг, это какая-то все...все... всеобщая бесцеремонность, сплошное неприличие. Нахальство. Все толкаются локтями. Нет никакого кодекса. Да какой-то там кодекс, смешно! Борьба без правил, прости, Риточка за банальность. Но все это должно иметь какие-то осно... осно... вополагающие причины.

Когда Федор Васильевич впадал в философский раж, он говорил красивее и сложнее, чем обычно, хотя, учитывая принятые объемы в градусах, это давалось ему нелегко.

- Я хочу затронуть святое – принципы западной демократии к чему, как нам кажется, мы стремимся.

- Ого! Это уже пахнет четырьмя бокалами!

- Ну, папа, ты замахнулся...

- А что? Я жил при социализме и при том, что мы называем у себя капитализмом. Менять надо было, кто спорит? Но что на что? А ведь именно цели являются осно... основоопределяющими. Вы помните, каким был лозунг социалистического реализма? Счастье в борьбе. И буреви́стник – пророк победы - тоже кричал об этом. И в советских книгах и фильмах об этом говорено-переговорено. А сейчас какая главная цель человека? У нас и, между прочим, на Западе тоже? Добиться успеха в жизни. Того, на который ты способен. По максимуму. Главное - результат. Не добился – плохо твое дело. Сомнут. Затопчут. И сам будешь виноват. Если вдуматься, то разницы особой нет. И тут война, и там алягер.

Желающих принимать участие в споре не было. Только Алик вспомнил, как Валентина вечером у камина с шашлыками тоже говорила, что сейчас все ведут себя в жизни как на войне. И даже алягер ком алягер упоминала. Если разные люди говорят одни и те же слова, то стоит задуматься...

- Хотя, – Федор Васильевич встрепенулся, - разница все-таки есть. При советской власти в эти идеи никто не верил. Дешевая пропаганда, это все понимали. Тогда жизнь была отдельно, а слова отдельно. Кричать кричали, но старались держаться от борьбы подальше. Равнодушие и апатия – это да. Но такой осново...осново...полагающей жестокости друг к другу не было. И такого цинизма. А при нашем капитализме - это не слова, это и есть жизнь. В это верят, так и живут. И получается, что раньше жили хуже, а люди были лучше.

- Ну, Федечка, - возразила Рита Аркадьевна, - нынешние старички тоже не подарок. Сталина любят, часто злые...

Но Метельский тут же нашелся.

- Я и говорю, все стали хуже. И те что были, и те что появились. Как это объяснить? Это парадокс? Нет объяснений? Или есть?

На этот вопрос слушатели отвечать не собирались.

- Вот слушайте, я сейчас точно сформулирую.

Он подумал, потом постарался говорить отчетливо, подбирая слова, и поэтому следующая фраза хоть и прозвучала наукообразно, но до слушателей дошла.

- Общество, в котором главная цель каждого добиться любыми средствами наилучшего **возможного** результата, может быть успешным, но человеческим – никогда! Тут мы опять что-то напутали.

Дослушать до конца рассуждения Федора Васильевича у Алика времени уже не оставалось. Начало десятого, Регина скоро придет на Гоголя. Он попрощался, поблагодарил хозяйку и отца за прекрасное окончание вечера, за помощь в неприятном его начале, за вкусный ужин отдельное спасибо хозяйке... вконец запутался в придаточных предложениях – два стакана вина для него было много – и побежал искать такси.

- Хороший у тебя сын, - сказала Рита Аркадьевна. – Я это уже говорила, но такие вещи повторять приятно.

А хороший сын пришел в квартиру на Гоголя. Там опять-таки был накрыт стол, на столе бутылка шампанского.

- Похудеешь тут с вами!..

Эти неполных два дня (не будем забывать и две ночи) вполне можно было признать сильно сокращенным медовым месяцем. Правда, если не считать последние часы воскресного утра.

Но давайте по порядку.

Все проходило по сценарию Регины.

Главным была полная физическая и всякая прочая совместимость. Спокойствие, никаких чувств, кроме приятных, очень приятных или - изредка - исключительно приятных они не испытывали. Никакого напряжения в отношениях, и оба умели это ценить. Алик отдыхал от напряжения, который в любой момент мог создать темперамент Лили, а Регина отдыхала от того недовольства, которое создавала она сама с Вовчиком, Ленчиком и прочими «чиками».

В субботу, после легкого завтрака – а встали они не рано – поехали на машине Алика на небольшой загородный пляж, любимое место Регины. Там загорали, даже купались, лениво перебрасываясь словами, и получали удовольствие не только от солнечных лучей, но и от ощущения взаимного тепла. Может, то, что я пишу, вам кажется пасторальным и сладковатым, но именно так они и чувствовали.

Потом обед в небольшом ресторанчике прямо над бухточкой – горожане уже наверно узнали место, о котором я рассказываю – где, отмечаю с некоторым злорадством, Алик стал серьезно нарушать диету. Но, в конце концов, накануне конца света это простительно.

В течение этих двух дней у наших героев время от времени возникали очень похожие мысли. У Алика: «Вот так привыкнешь, приклеишься и будет нелегко отвыкать, когда получишь отставку». У Регины: «Вот так привыкнешь, прирастешь и придется отрывать с мясом, когда нужно будет давать ему отставку».

Как-то само собой получалось, что единственное, чего не хватает для полного счастья – пары миллионов у Алика.

День пролетел как одно мгновение. Интересно, что за все это время Алик мысленно ни разу ни о чем не посоветовался с Валентиной, и я отмечаю это как факт положительный. Но неожиданно к мыслям о ней пришлось вернуться.

Было это примерно в три часа ночи. Они лежали рядом, отдыхая от трудов праведных (и неправедных). Регина щекой прижалась к облюбованной ею удобной впадине на груди Алика, поближе к плечу и что что-то привычно нашептывала ему на ухо. В том числе сообщила, что такая гадина как она – так и сказала «гадина» – не заслуживает того, чтобы ей было так хорошо.

- Регин, - сказал Алик, - я уже не первый раз замечаю, что ты казнишь себя. Есть за что?

- Есть, милый. Есть.

Она странно засопела, кажется, собиралась всплакнуть. Алик постарался превратить все в шутку.

- Ну, и сколько же невинных душ ты погубила?

Но она веселого тона не приняла.

- Ты правильно говоришь. Именно душу. Одну, но самую дорогую для меня. Мне все время кажется, что именно я это сделала...

- Ну, тогда покайся, исповедуйся, полегчает, - все еще пытался ерничать Алик. Трагедии сейчас были не к месту. - Ты же знаешь, легче всего признаться в самом плохом случайному попутчику, который завтра исчезнет навсегда.

Кажется, шутки не получилось, скорее проявилась его скрытая обида. Но реакция была неожиданной.

- А знаешь, я тебе расскажу. Сколько можно есть себя поедом – может, я виновата, а может, никто не виноват. А может, и того хуже...

Исповедь затянулась до утра.

Это было в мае двухтысячного года. Регина заканчивала школу и собиралась поступать в институт. Все было отменно, включая первый роман с одноклассником. Время для страны было нелегкое, но Регина этого не ощущала – отец-бизнесмен для нее ничего не жалел. Грядущее поступление в институт при папиных деньгах проблемой не было – она могла не помнить ничего из школьного курса, ей только нужно было не забыть свою фамилию. Но самое главное: на приближающийся день рождения – в июле – ей был обещан очаровательный маленький автомобиль «Субару».

Весна выдалась особенная, солнечная, яркая. Даже мама, всегда немного холодная и отстраненная (конечно, не для любимой Инночки), была весела, много смеялась и неожиданно расцвела, помолодела. Дедушка Ваня Соколов – он тогда еще был жив – не мог нарадоваться, а Регине объяснял перемены:

- Видишь, на дворе весна, а у Вали бабье лето. Региночка, весна и бабье лето - это двойная сила. Она творит чудеса.

Но однажды Регина поняла, что бабье лето не только большая, но и очень опасная сила. С ней, как и с каждым мощным оружием, нужно быть очень осторожным. Гуляя как-то под вечер вдоль моря, она увидела целующуюся на скамейке немолодую пару, которой явно не было дела до остального мира. Даже на расстоянии было заметно, что это не флирт, а настоящие, большие чувства. Во всяком случае, Регина это сразу поняла. Целующейся парой, разумеется, были Валентина и Альгирдас.

Это был шок, настоящий удар. Очевидно было, что рушилась семья. Правда, девочка была сообразительная и видела, что в семье любил один отец, любил за двоих. Но она привыкла к такому положению, это продолжалось с тех пор, как она себя помнила... Словом, не стоит особенно распространяться на эту тему, на такое каждый из нас в жизни насмотрелся. Регина очень переживала. Конечно, она надеялась, что пронесет. Но однажды мама, счастливо улыбаясь – такое с ней редко бывало – сказала:

- Инночка, скоро я заберу тебя за границу, и будем мы там жить долго и счастливо.

- Мама, ты шутишь? - с ужасом спросила Регина.

- Возможно, шучу. Но в каждой шутке есть доля правды.

Самое большое впечатление на Регину произвел громкий и счастливый смех матери – она никогда так заливисто не смеялась. Это сильнее любых слов доказывало, что дело серьезное. Рушилась семья.

- Я тебе скажу, Алик, что меня убивает. Я не преувеличиваю, действительно убивает. Я сама себя подозреваю в том, что если бы не эта трижды проклятая «Субару», я бы отцу ничего не сказала. Я очень, очень любила маму. Как и сейчас. Как и всю жизнь. Хотя иногда ревновала всех мужчин к ней. Все мужики не видели никого кроме нее, и меня в том числе. Я однажды для форса пришла к нам на именины со «стариком», лет тридцати. Так он через пять минут не помнил, кто я такая. Знаешь, я даже тебя иногда немного ревную.

Алик невольно поперхнулся.

- Ладно, не смейся, это я так... Алик, как на исповеди. Я стараюсь своему случайному попутчику - она поцеловала его куда-то в ухо, - рассказать все, ничего не скрывая. - Нет, в ревности не могло быть причины, я за маму готова в огонь и воду. Наверно, детская глупость и проклятушая «Субару». Мысль о машине хуже всего. Я в нее так ни разу и не села. Словом, я с отцом поговорила.

- Как, рассказала ему, что ты видела как они?..

- Конечно, нет. Не такая я дура. Я сказала, что вот он опять уезжает, мало уделяет маме внимания, она всегда одна. Что к нам никто не ходит. Что сейчас у нее бабье лето, как говорит дедушка Ваня. И такая весна... И на курсах полно интересных мужчин, даже иностранцев. Он посмотрел на меня зло, он так умеет, и спросил: «Ты что-то знаешь?». Я, конечно, сказала, что ничего, откуда я могу... просто думаю...

- Он поверил?

- Не знаю. Тогда он только посмеялся: «Ладно, вернусь, посмотрим». Вскоре он должен был улететь куда-то отдохнуть на три недели – они с мамой всегда отдыхали отдельно. Мама ездила с подругой Ниной, еще институтской. Одна она у нее осталась... И он улетел.

Она всхлипнула, но взяла себя в руки и продолжила:

- Все было по-прежнему. Мама даже стала напевать. Ты можешь не поверить, но я до того времени никогда не слышала, как она поет. И после этого тоже. У нее голос приятный такой, оказалось. Потом появился чемодан. Я подозрительно спросила: «Ты куда-то едешь?». «Наверно, поеду, пригласили в гости, в Прибалтику».

Регина разрыдалась, Алик ее долго успокаивал. Рассказ стал сбивчивым, затянутым, с повторяющимися приступами слез и самобичевания.

Доскажу за нее.

Дня за два-три до возвращения Анатолия домой пришла с работы другая Валентина. Не из весны и даже не из осени, тем более не из бабьего лета. Она старалась держать себя в руках, но казалось, душу из нее вынули, и осталась одна оболочка. Пустые глаза, опустившиеся уголки губ. Несколько раз Регина повторяла, видимо, запомнившееся ей с тех времен сравнение со смертельно раненой птицей. Шаблонное, но очень точное – так она уверяла.

Регина вначале подумала – поссорились, разошлись. Своего участия в маминой трагедии она еще не увидела, даже в голову не приходило нечто подобное. Но мать было очень жалко. До боли.

На следующий вечер к Валентине пришла Нина. Регина читала в гостиной, а подруги беседовали рядом, на балконе, за столиком. Перед ними была бутылка вина, конфеты. Может

быть, поэтому они разговаривали чуть громче, чем обычно. И кое-что до Регины долетало. И когда она услышала, как Валентина сказала: «Это не мог быть Анатолий, он ничего об Альгирдасе не знал, да и кто мог ему об этом сказать?», в голове ее мелькнула ужасная догадка. После этого она уселась возле двери и стала подслушивать. Нужно признать, вполне адекватная реакция.

Обе подруги были из разряда практически непьющих, ситуация была критическая, боль с одной стороны и сочувствие с другой. Поэтому женский разговор шел петлями, с повторами, с частыми возвращениями в прошлое. Регина из подслушанного разговора узнала почти все подробности истории с Елисеем. Нина считала, что Анатолий способен на любые самые ужасные поступки, и не жалела для него эпитетов. Она по косточкам разобрала его характер, поведение, мораль. «Почему ты столько лет это все терпишь?». Валентина только слабо оборонялась. К счастью, Нина тайну отцовства Регины не знала, и поэтому эта тема не обсуждалась.

Регина узнала и об Альгирдасе и об его исчезновении все, что знаете вы и даже больше. И сделала вывод, что своими руками нанесла страшный удар, второй удар в жизни матери, от которого она – Регина это сознавала – может никогда не оправиться.

Переживания девочки я описывать не буду, вы уже, надеюсь, настолько знакомы с характером Регины, чтобы сами это себе представить. Но активная и строптивая натура не позволила ей просто заливаться горячими слезами. Она решила действовать. И прежде всего выяснить, почему таинственный Альгирдас так таинственно исчез. Может, его действительно запугал отец? Тогда права мама, когда говорит, что туда ему и дорога. Кстати сказать, Нина тоже искренне не понимала гордости, которая не позволяла Валентине попытаться узнать правду. Она говорила, что это скорее гонор и чистоплюйство. Вынужден с ней согласиться, несмотря на свое отношение к Валентине.

Короче, энергичная Регина взялась за расследование тайны. Подгоняли ее и апатия Валентины, вскоре перешедшая в страшную депрессию. Она не спала, с трудом заставляла себя что-нибудь поесть, все силы уходили на то, чтобы держать себя хотя бы внешне в руках, чтобы не вызывать жалость окружающих.

Вернувшийся после отдыха, но почему-то не посвежевший Анатолий был очень перепуган, тоже стал желтеть – впрочем, все это вы уже знаете, это я описывал в главе «После бала».

Итак, что сделала Регина. На курсах, где преподавала Валентина, ее дочь знала всех. А молоденькая секретарша вполне могла считаться ее подругой. Альгирдас не такое уж распространенное имя в Украине, поэтому она без труда нашла в списках учащихся курсов его адрес. И написала письмо, где говорилось примерно следующее: мама очень волнуется, не случилось ли беды, но вы же знаете, она самолюбива, поэтому ее дочь просит, если возможно, объяснить в чем дело, и извиняется за, может быть, проявленную бестактность...

Письмо было отослано как заказное с уведомлением о вручении. Почти через месяц был получен ответ. На письме было написано, что адресат умер.

Регина с трудом пришла в себя, прочитав эту страшную надпись ручкой на конверте. Улетел ночью, не позвонив, неожиданно умер при неизвестных ей обстоятельствах! Были основания для самых страшных подозрений, но очень хотелось верить просто в совпадения. Вероятность просто совпадений намного больше. И поверить в ужасный вариант, согласитесь, нормальный человек не мог. Отец... Мать... Альгирдас, самое вероятное, мог умереть сам по себе. Скажем, от инсульта. Что он был за человек? Чего испугался?

Вот такая череда ужасных событий, спрессованная в очень короткое время, обрушились на голову бедной девочки. Она тоже впала в депрессию, но дома была такая атмосфера, что это прошло не очень замеченным.

Никому ничего Регина не сказала, все таила в себе. Хотела лететь в Литву, но не решалась. То ли боялась ничего не узнать, то ли – что более вероятно – боялась узнать худшее. Постепенно в доме – во всяком случае внешне – жизнь пошла своим чередом. Но подозрения и непреходящее чувство вины мучили Регину по сей день. Это не могло не сказаться на ее характере, поведении и даже здоровье.

- Ты знаешь, адрес Альгирдаса до сих пор лежит в коробке с моими документами на самом дне. Я его иногда вынимаю, смотрю... Посещение кладбища...

Алик всей душой сочувствовал ей, понимал, какой это непосильный груз. Но как можно было не рассказать матери? Это было для него непонятно. И было в этом что-то не очень...

- Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, - сказал он. – Почему ты не поехала и не узнала то, что возможно?

- Боюсь. А вдруг его застрелил наемный киллер? Как жить дальше? Ведь это отец... А состояние матери? Она не знает, что он умер... Ты представляешь себе? И тогда бы все рухнуло...

Начало светать. Речь Регины стала замедленной, слова не слишком разборчивы. Потом она сонно пробормотала:

- Ты знаешь, мне стало легче. Такое чувство, что я нашла у тебя защиту. Сколько можно тащить все на себе одной? Случайный попутчик...

Она чмокнула его снова куда-то в ухо и... отключилась. Уснула.

Алик уснуть не мог. Конечно, Анатолий способен на многое, если не на все. Когда прижмет. Но прежде всего Алик думал о Валентине. Умная, порядочная, замечательная женщина – и такая судьба. Конечно, есть в этом и ее вина. Откуда такое поразительное «непротивление злу насилем»? Тут Нина права, это действительно скорее гордыня и чистоплюйство. Ну встретились на ее пути два человека, один хуже другого, нанесли ей удар в сердце. Так бывает со многими. Выживают, идут дальше. Почему она, такая сильная, уравновешенная, позволила себя сломать? Анатолий в ней души не чает, и она не могла на это ответить неблагодарностью? Так это выглядит? Где граница между гордостью, порядочностью и слабостью?..

Когда уже совсем рассвело, Алик принял решение. В четверг улетает Регина, в пятницу уплывают отец и Рита Аркадьевна, а вслед за ними ближайшим рейсом и он улетит в Литву. На его совести две женщины, которые нуждаются в том, чтобы он сделал для них все возможное.

И невозможное тоже.

Уж на сковороде

Регина попросила Алика приехать на дачу в среду вечером, накануне ее отъезда на Канары. Уезжать она будет от мамы, может, нужно будет чем-то помочь, что-то отнести. Он без особой охоты согласился. Тогда она пошла дальше и пригласила его на прощальный ужин, который они с мамой устраивают в этот вечер и где будет уже известная ему крашеная блондинка Дина, партнер Регины по бутикам, со своим бойфрендом. Тут Алик проявил упорство и категорически отказался. С положением официального бойфренда, - сказал он, - нужно еще свыкнуться. Регина не настаивала, но ночью, когда гости уехали, а Сережка с

мамой уснули, она снова тихонько пробралась к Алику. «Бродишь по ночам, как кошка», - эта мысль ей даже нравилась, придавала остроту. К черту пресную жизнь!

Алик ее появлению не удивился, он подозревал, что все это было задумано заранее. Не сомневаюсь в этом и я.

Дальше все шло своим чередом. В четверг улетела на Канары Регина, оставив сына на попечение бабушки, в пятницу Алик проводил отца и Риту Аркадьевну на огромный и великолепный лайнер «Опера». У них была каюта «люкс», просторная, двухкомнатная, с большими светлыми окнами. На палубах, в салонах, в переходах все блестело и сверкало. Это был другой мир. Вполне можно было позавидовать, но Алик предпочитал просто от души порадоваться за отца. Когда провожающим предложили покинуть корабль, он сошел на берег, не стал ждать отплытия лайнера и спокойно отправился на Гоголя. Ему и в голову не могло прийти, что за это время на их даче побывал визитер.

Лиля звонила много раз, но Алик трубку не брал. Без отца и, главное, без контроля Риты Аркадьевны он все равно подписывать ничего не мог, а нервы мотать без толку не хотелось. Поэтому Лиля, исчерпав терпение, в пятницу под вечер нагрязнула на дачу. Она не знала что ее «экс» – так она его теперь называла друзьям и знакомым – сменил место жительства.

Лиля взяла ключи там, где им и положено было находиться – над дверью веранды - и сделала тщательный осмотр помещения. От ее зоркого глаза и тонкого нюха не стоило даже мечтать скрыть следы преступления, тем более их никто скрывать и не пытался. Следов было много, в первую очередь стойкий запах женских духов и даже длинный светлый волос на подушке. Одного она не могла понять – кто это был, Валька или Регинка? То что одна из них сомнений не было – на кровати лежал небрежно сложенный плед, такими они укрывалась на недавнем балу у Сучковых.

- Тоже мне, герой-любовник, - с ненавистью процедила она сквозь зубы.

Так Валька или Регинка? Она была готова ставить на Вальку.

Лиля подошла калитке. В саду Стручковых никого не было кроме Сережки, который старательно ковырялся палочкой в земле буквально в двух шагах. Очень удачно. Она тихонько позвала: «Сережа!» и поманила пальцем. Мальчик неохотно оторвался от своих занятий и подошел.

- Вы теперь здесь живете?

- Не-эк. Там, - он махнул рукой.

- В городе?

- Ага.

- А мама сейчас здесь?

- Не-эк. Она улетела в свои Канары. Там можно бесплатно кушать сколько хочешь. И конфеты, и мороженое.

- Улетела отдыхать?

- Ага.

- Давно она улетела?

- Очень. Я уже соскучился. Скоро прилетит. Ну, я пойду.

Его ждала работа. Но следствие уже было закончено, проведено мастерски и сделан предсказуемый вывод – это Валька.

Лиля ушла не дожидаясь героя-любовника, боялась, что не удержится от громкого скандала и выпарапает ему бесстыжие глаза. С нее станется...

Алик ничего об этом не знал, по-прежнему на ее звонки не отвечал, эсэмески не читал. Взял недельный отпуск – практически сам у себя - и, как и намечал, улетел в Вильнюс в понедельник днем. Билет был туда и обратно через неделю. Туда и обратно, как известно,

намного дешевле, а у Алика лишних денег не было. За неделю он надеялся управиться и даже немного отдохнуть. Все отдыхают - и папа, и Регина. Чем он хуже?

Все разъехались, только Валентина и Сережка остались под присмотром охранников.

Не напрасно говорится, что свято место пусто не бывает. На следующий день, около четырех часов прибыл Анатолий Петрович Стручков. Самолетом через Симферополь было добираться неудобно, на машине быстрее, хотя дорога тоже занимала немало времени – часов восемь, а то и все девять. И всю эту долгую дорогу Анатолий раскалялся. В этом небольшом сосуде за последнее время скопилось огромное количество ярости и злого упорства. Ему казалось, что весь мир обрушился на него. В какой-то степени, так оно и было.

За день до этого первым позвонил его адвокат, а по совместительству главный юрисконсульт фирмы, мастер на все руки Лисянский, и в свойственной ему иезуитски-шутливой манере сказал:

- С каких новостей начнем? С хороших или плохих?

- Давай с хороших.

- С этим легче. Хороших новостей нет.

Он был отличным адвокатом, но немного садистом в душе.

Плохого действительно накопилось в избытке. И первое – прокуратура наложила запрет на продажу любого имущества фирмы Стручкова, в том числе и на его личную собственность. Лисянский теперь не имел права продать квартиру Дарын и, само собой разумеется, офис. Но что еще хуже - это означало, что против Стручкова подготовлено обвинение, в том числе уголовное. И доказательством тому являлся вызов в прокуратуру.

- Дарын тебя заложила по полной программе, - радостно сообщил ему Лисянский.

- Эта стерва еще пожалеет...

- А в остальном, прекрасная маркиза, - Лисянский замолчал, предвкушая дальнейшее удовольствие.

- Не тяни жилы, что там еще за хрень?

- В офисе все документы арестованы, никто не работает. Склады опечатаны, на двух стройках монтажные работы прекращены.

Анатолий временно потерял дар речи. Не слыша ответа, Лисянский вынужден был продолжать.

- Я – и не только я – мы думаем, что у них на тебя есть все, что надо, чтобы соорудить показательный процесс. Ты же знаешь, они ищут козла отпущения.

Тут Стручкова прорвало, он разразился тирадой, в которой были и хрень, и бред, и блин, и многое покрепче. Но чаще всего повторялись «эта сука» и «эти суки». (Хоть убейте, не могу воспроизводить его речь даже близко к тексту). Облегчив душу, Анатолий спросил Лисянского:

- Это все?

- Все, - ответил поскуцневший адвокат.

Анатолий повесил трубку не попрощавшись. Продолжать разговор ни сил, ни настроения не было. Нужно было успокоиться и как-то попытаться решать проблемы. В порядке очередности. Первым на очереди был его партнер и заказчик Андрей Талипов, который уже давно ждал поступления комплектующих из-за границы. Конечно, не стоило его аванс отправлять в офшор, хотя на это были свои причины. Теперь Андрей, не дожидаясь суда и следствия, с него шкуру спустит в самом что ни на есть прямом смысле. Он из таких. И в глазах окружающих будет иметь на это право.

Анатолий поддался слабости и даже предпринял попытку попросить у партнера поддержки в такой тяжелой ситуации, попытался оттянуть поставки из-за границы. Он зашел в кабинет к Талипову и поделился с ним новостями из Города. Пожаловался, но сочувствия не было. Андрей был стреляный волк, и когда услышал, что Анатолий пытался что-то продать, понял направление разговора.

- Анатолий, скажу тебе прямо - если я узнаю, что ты поступил не по понятиям и крутишь мой миллион, вместо того, чтобы заплатить поставщикам, то разговор будет другой.

И глаза его красноречиво сказали, какой разговор тогда будет.

- Ты что, - понял свою ошибку Анатолий, - я свое слово держу.

Кажется, Талипов не очень поверил.

Словом, другого выхода, кроме как просить Валентину срочно перевести этот проклятый миллион поставщикам из денег в офшоре не было. И нужно было сделать это поскорее, и так сроки поставки срываются.

Он принял решение завтра же с утра ехать в Город и попытаться спасти ситуацию. С прокуратурой играть в прятки не стоило, да и перевод денег Валентина могла сделать только из Киева, так что нужно было поторопиться.

Он сообщил всем о своем отъезде, оставил старшего. Но мир снова обрушился на него, на этот раз в виде телефонного звонка от Лили. Как она нашла номер его мобильного телефона один бог знает. Но я вас предупреждал, что у нее много талантов. Это было проявлением одного из них.

- Анатолий?

- Да, а кто это?

- Здравствуй. Это Лиля, бывшая жена Алика.

Анатолий пытался сообразить, кто такая Лиля и какой такой Алик. Сообразил, сопоставил.

- Да, здравствуй. А почему бывшая, разве вы...

- Да, - прервала его Лиля, - мы разошлись, но дело не в этом.

- А в чем?

- А в том, что этот Алик сейчас вырвался на свободу и стал опасен.

- Не понял. Я тут при чем?

- Именно ты. Короче. Беру быка за рога...

- Не понял. Какие рога, какой бык?

- Бык это ты, и рога у тебя. Этот взбесившийся Алик и твоя Валентина устроили гнездышко на нашей даче.

- Лиля, ты с ума сошла? Какая хрень! Алик и Валентина? Сплетни разносишь? Может, просто люди поговорили, а ты или кто-то там еще ... Ты над ними со свечкой стояла? Блин!

- Не стояла. Может, ты прав, может, просто разговаривали люди, - голос Лили сочился ядом, - лежа в одной постели. Но то, что лежа и что в одной постели, и что не один раз - это я знаю точно. На все двести процентов. Своими глазами. Впрочем, мое дело предупредить. Меня это, к счастью, уже не касается.

Лиля всхлипнула и, с трудом сдерживая злые слезы, положила трубку. Не хотела, чтобы Анатолий подумал, что это ее все еще касается.

Анатолий прекрасно понимал, что на пустой флирт или пошлый адюльтер Валентина органически не способна. И если правда, то, что сказала Лиля, то это конец. Это серьезно, и может закончиться только одним – разводом. Таким образом, можно будет положить крест на обе главные цели Анатолия, если хотите, на смысл его жизни – Валентина и деньги. В настоящей ситуации эти два параметра неразрывно связаны. Он сам, своими руками связал

их. На ее счету все деньги, на которые может рассчитывать Анатолий, а значит, и его судьба, если придется уезжать из Украины. Ему уже было ясно - все, что находится здесь и совсем недавно считалось его имуществом, отберут до нитки. И весьма возможно, что и посадят, с некоторых пор такое решение проблем стало распространенным. Теперь посадить можно любого, вплоть до самого-самого-самого высокого уровня, и не стоит так уж тщательно вину подыскивать. А Стручков даже не олигарх, и никто с ним миндальничать не будет.

Он не предупредил Валентину о своем приезде – хотел посмотреть, какая реакция будет при его неожиданном появлении.

Когда Стручков вошел в дом, Валентины еще не было. Тамара возилась на кухне.

– Ой, с приездом. А Валя только что звонила и сказала, что они с Сережкой уже едут из детского сада. Позвонить, что вы приехали?

- Ни в коем случае! - Анатолий так гаркнул, что Тамара подумала: «Опять приехал не с той ноги».

Последнее время с ним это часто случалось.

Он быстро принял душ, переоделся и вышел в гостиную. Для него очень важно было увидеть ее глаза в момент неожиданной встречи. Тут-то он и поймет главное, почувствует...

Валентина зашла с Сережкой в салон, слегка удивилась, но кажется, в пределах обычного. Ничего такого особенного.

- Ты уже тут, почему не позвонил? - и привычно подставила щеку для поцелуя. – Что-то случилось? Слушай, а ты загорел. И не стригся. Ты сейчас похож на Батыя, Чингисхана и Тамерлана вместе взятых.

Валентина позволяла себе иногда подшучивать над его восточным колоритом. Это был признак хорошего к нему отношения и нормального настроения. Странно...

Дальше все было обычным, сели за стол вместе с Сережкой, стали обедать. Валентина рассказала, что Регина звонила из Канар, очень довольна. О делах Анатолия не спрашивала, у них, как вы помните, это было не принято. Так условились после ее ухода из фирмы. Все как обычно. Анатолий не знал, что и думать.

Валентина видела его напряжение, но относилась это за счет проблем с фирмой, о чем была наслышана. Время от времени он спрашивал об Алике, как его отпустила милиция, не продолжается ли дело. Валентина рассказала, что спасибо ему, все для соседа кончилось хорошо. Спустя некоторое время Анатолий опять стал спрашивать об Алике, о Лиле. Валентина знала его отлично, поняла, что расспросы неспроста – и рассмеялась.

- А, тебе уже донесли. Да, это правда, - Анатолий помертвел. – Инночка с ним действительно встречается. Но, Толя, я в это дело не вмешиваюсь. И тебе не советую. Сами разберутся. Обещаешь?

Анатолий готов был обещать все, что угодно. Гора свалилась с плеч. Больше чем гора, намного больше... Самое страшное не произошло, пронесло... Ну, Лиля, ну стерва! Сколько здоровья он потерял из-за этой ненормальной.

Сейчас он готов был заняться фирмой.

После обеда он позвонил Лисянскому и главному бухгалтеру фирмы Коротковой. Назначил встречу в девять утра в кафе напротив офиса. Никаких рассказов о событиях выслушивать не стал, сказал, что завтра все обсудят. После разговоров почувствовал невероятную усталость от переезда и напряжения последних часов. И когда гора падает с плеч – тоже немалая нагрузка. Он – может быть, впервые - почувствовал возраст. Выпил рюмку коньяка и еще засветло лег спать. И сразу же провалился...

Опять производственные отношения вопреки моему желанию выходят на первый план. Эти отношения у нас частенько больше похожи на практические занятия по гражданскому и уголовному кодексу. Но наши кодексы достаточно своеобразные, эпиграфом к ним могло бы быть: «У сильного всегда бессильный виноват». Просто они время от времени меняются местами.

Итак, что же выяснилось на совещании в кафе. Главный бухгалтер Короткова была невзрачной женщиной пенсионного возраста – лет под шестьдесят, поэтому за работу свою держалась цепко. Но сейчас было видно, что она очень испугана.

Но о своих страхах Короткова в присутствии Лисянского рассказывать не стала, а просто коротко описала обстановку в офисе. Документация арестована, сотрудников к ней не допускают, только «поди принеси то и унеси это». Следователь Соколовский с парочкой помощников вместе с Дарын Сабитовой развили кипучую деятельность, роются в документах, в компьютерах, что-то копируют.

- А банк?

- Банк работает, - ответил Лисянский, - он обслуживает в том числе и атакующих, кто же его будет закрывать?

- Что еще?

- Повестка. Сегодня в двенадцать. Следователь Соколовский.

- Олег?

- Он самый. А в остальном на западном фронте без перемен... - и Лисянский осекся под тяжелым взглядом Стручкова. Сегодня веселиться не стоило.

- Идите, погуляйте. Я найду в офис один. А ты – относись к Лисянскому – в двенадцать у Соколовского.

Он зашел в офис свободно. Его никто не задерживал, только стоящий на входе милиционер попросил ничего не трогать. Большинство сотрудников сидело на местах и чем-то занималось. У кого книга, у кого кроссворд, одна даже вязала. Здоровались, Стручков не отвечал, чуть кивал. Открыл дверь в свой кабинет – там сидел Соколовский, рыхлый полный мужчина лет пятидесяти, почти седой с большими залысинами.

- Привет, Анатолий, извини я занят. Повестка у тебя?

- У меня.

- Поговорим в двенадцать. Буду ждать у себя.

Соколовский говорил спокойно и довольно приветливо. Чувствовал себя как дома. Привычка.

Стручков закрыл дверь, повернулся и нос к носу столкнулся с Дарын.

Он страшно пожелтел – признак едва сдерживаемого гнева. Дарын это знала, но была совершенно спокойна.

- Толя, не я это начала. Ты должен когда-нибудь научиться уму-разуму. И потом – если тебя решили подвесить, они все равно это сделают. Ты сам знаешь, - она вздохнула, - если бы я не пошла, ты бы стал валить на меня. Тут важно, кто первый.

- Я и сейчас буду валить на тебя, - собрался с силами и выдавил из себя сквозь злобу Анатолий.

- Я знаю. Поэтому основное я подобрала про те годы, когда меня в фирме еще не было.

- Ну, блин... - Стручков, кажется, понял, почему такой испуганной казалась бухгалтер Короткова.

А Дарын как-то приосанилась и очень эффектно сказала:

- Толя, ничего личного, это бизнес.

Обошла его, вошла в кабинет Соколовского и оказалась вне пределов досягаемости.

- Насмотрелась иностранных фильмов, деревня, блин... Своими руками...

Что он уже сделал своими руками или что собирается сделать в будущем осталось недосказанным.

Он решил на свой первый визит к следователю пойти один, без адвоката. Попробовать по старой дружбе поговорить не для протокола, открыто, на что Соколовский при постороннем человеке не пойдет. Поэтому попросил Лисянского подождать пока на улице. Или приказал, если хотите.

Я, как и вы, часто читал о методе двух следователей – плохого и хорошего. Так вот. Соколовский в данном случае в одном лице удачно объединял обоих сразу. Его хорошая половина заключалась в том, что они со Стручковым были давно знакомы и даже были одно время в неплохих финансовых отношениях, причем вы догадываетесь, откуда и куда шли финансы. Но потом Соколовский поменял ориентацию, я имею в виду политическую, и перешел на сторону будущих победителей, за что стал старшим следователем. Поэтому его второй половине пришлось быть по отношению к Стручкову плохой. Как плохой следователь он ему рассказывал всякие ужасы, которые его ожидают, а как хороший советовал по-дружески и переходя на ты не выпендриваться, отдать все полностью, кому скажут – он знает, как это делается. Тогда ему дадут условно.

- Ты скажи толком, что мне паяют.

- Черный нал, оплата рабочим наличными без документов...

- Ха, рабочим, черный нал. Конечно полно черного нала. А как мы можем платить откаты и взятки, на что уходит до сорока процентов прибыли? Ведь вы не хотите расписываться в ведомости?

Анатолий специально сказал «вы». Он не очень верил, что беседа не записывается, пусть на всякий случай знают, что в случае чего он молчать не собирается.

Плохой следователь в Соколовском встрепенулся, помрачнел и сказал:

- Гражданин Стручков, вы себе лишнего не позволяйте. Я перейду сразу к финалу. Подложные документы на четыреста девяносто тысяч долларов в двухтысячном году – по тем временам сумма немалая. Ты их попросту украл у владельца фирмы Соколова. На хрена они тебе были – ума не приложу. Это как минимум до десяти лет. А если будешь пургу нести, то долго и там не протянешь.

Потом зашевелился добрый.

- Анатолий, пойми, я не в игрушки играю. Тебя не подвешу – подвешат меня. Я должен предъявить тебе обвинение и взять подписку о невыезде.

Анатолия прошиб холодный пот. А как же Талипов? А поездка с Валентиной в Киев? Так он и до суда не дотянет.

- Ну ладно. А что еще клеят?

Они проговорили часа три, но думаю с вас достаточно.

А сошлись вот на чем. Соколовский передает все материалы Лисянском, если тот скажет, что все безнадежно, то Стручков отпишет все до копейки. А пока он просит не брать с него подписку о невыезде еще месяц.

- Ну ладно уговорил, две недели. Ей богу, больше не могу, - заверил Соколовский от лица обоих следователей.

И Анатолий на этот раз ему поверил.

«Наверно хочет дернуть за границу, - подумал следователь. – Ну и бог с ним, всем легче будет».

«Кажется, действительно придется дернуть за бугор, - синхронно с ним подумал Анатолий. – Ладно, проживем - увидим».

В Киеве перевод денег прошел гладко. Был только один не очень приятный для Анатолия эпизод. Оказалось, что вместе с данными и документами нужно было сообщить еще код. Код был легкий, но Анатолий раньше о нем Валентине не говорил. Она посмотрела на него сверху вниз и улыбнулась так, как очень ему не нравилось.

- Застраховался, чтобы я не смогла забрать их одна?

Пришлось молча стерпеть.

- Ничего, зато теперь я смогу это сделать. Ты прокололся, - и Валентина весело рассмеялась. Не ехидно, а именно весело. Ну может, в крайнем случае насмешливо.

Он не только еще раз стерпел, но даже подхихикнул.

Анатолий побыл еще сутки дома, потом уехал в Полетное – нужно было заканчивать дела с Талиповым.

А в понедельник ночью вернулся из Литвы Алик.

Клайпеда Дивертисмент

В глубине души Алик считал неподъемной свою задачу разобраться в столь странной и - главное – столь своевременной смерти Альгирдаса. И совершенно не представлял себе, как за это взяться. Ведь придется искать контакты с медициной, если Альгирдас умер своей смертью, а если будут криминальные подозрения, то с полицией и следственными органами. Но кто будет доморощенному следователю из другой страны отвечать на вопросы по поводу смерти, которая произошла одиннадцать лет тому назад? Всю дорогу до Клайпеды он строил планы один нелепей другого. Кем представиться? Брат, сват, старый товарищ, сокурсник? Возможны варианты...

Начать нужно, решил Алик, с поиска близких Альгирдасу людей – родственников, соседей, друзей, работников фирмы. Близкие люди скорее запомнили подробности безусловно потрясшего их события, даже произошедшего одиннадцать лет назад, чем безразличные ко всему врачи или милиция. А рыться в архивах ему вряд ли позволят.

В Клайпедо он снял номер на три дня в многоэтажной, умеренно комфортабельной гостинице «Амбертон», хотя цены были не столь умеренные - 110 евро в сутки. Помылся, перекусил в буфете чем бог послал, поспал часа три... и отправился на поиски приключений на свою голову – так сам Алик называл свои расследования.

Вызвав такси, он поехал по адресу квартиры Альгирдаса, который дала ему Регина.

Минут через пятнадцать машина остановилась возле свежескрашенного симпатичного коттеджа с небольшим палисадником. Накрапывал легкий дождь – нередкое явление в середине октября в Литве. Звонок был рядом с калиткой. Алик попросил таксиста подождать. На звонок вышел молодой человек и с холодной улыбкой на литовском языке спросил, какого черта нужно вечером вытаскивать его под дождь. Это Алик понял без перевода. В беседу добровольно в качестве толмача ввязался таксист, типичный представитель старшего поколения русских в Литве, которые неожиданно для себя, не двигаясь с места, оказались в другой стране. В дом молодой литовец их не пригласил – странно, говорят прибалты народ вежливый, но раз на раз, вероятно, не приходится. Выяснили они, что о судьбе бывшего хозяина новый владелец знает немного. Что была автомобильная катастрофа, что у него сын и невестка в Канаде – они ему и продали коттедж.

Алик пытался выяснить, кто был - ну хотя бы из соседей – с Альгирдасом дружен? В ответ: «Не жинау» - не знаю. Звучит почти по-русски, если бы все слова были так похожи, то и проблем бы не было. А может, он знает, адрес фирмы Альгирдаса Синкявичуса? «Не жинау».

Всем участникам надоело. На этом они распрощались.

Сели в машину, и тут таксист типично русским жестом поскреб затылок и сказал:

- Мне кажется, я в районе порта видел вывеску. Вроде Синкявичус и еще кто-то. Кажется трейлеры. Рискнем?

- Рискнем.

В районе порта они подъехали к большим металлическим воротам. Рядом калитка, подергали - закрыта. Постучали. Хотя чуть позже заметили, что рядом есть звонок. Вышел охранник. Зевая, как охраннику и положено. Русский. Как и таксист. В этих профессиях подвизается немало немолодых русских. Охранник начал было подбирать литовские слова, но узнав своих обрадовался. Тут разговор пошел легко.

Алик сказал, что приехал из Города, с Украины. Хочет поговорить с теми, кто был близок с Синкявичусом, хорошо его знал. Больше говорить ему не пришлось. Охранник – представился Виктором – взял инициативу в свои руки. Он, оказывается, сам лично знал Альгирдаса, отличный был мужик. А приехали они точно по адресу, потому что тут есть самый близкий друг и партнер Синкявичуса Пятрас Мажюлис, он и теперь хозяин фирмы. И он сейчас здесь, на работе.

Не дожидаясь просьб, Виктор пошел в будку, и до Алика стали долетать слова «он приехал издалека»... «Альгирдас тоже учился в Городе. Вы же знаете». Словом, добивался аудиенции. И добился.

- Пошли!

Алик тепло – насколько позволяло ему материальное положение - попрощался с таксистом и поспешил вслед за Виктором в офис. По дороге у него промелькнуло несколько подозрительных мыслей, которые он подчерпнул из опыта украинской закулисы – партнер может попытаться забрать все в свои руки, что-то подобное он и видел и слышал. И ему – Алику – стоит быть осторожнее.

Но когда он увидел пана Мажюлиса (который сразу же напомнил ему мистера Пиквика), невысокого, пухленького, с сияющими за круглыми очками глазами, с доброй и мягкой улыбкой, то сразу принял единственно возможное решение - с таким человеком не нужно хитрить, просто нужно рассказать все, как есть.

Мажюлис довольно чисто говорил по-русски, почти без акцента, вероятно потому, что ему было на вид за шестьдесят.

- Ради бога простите. У меня всего в запасе полчаса. Садитесь.

Оба уселись. Мажюлис продолжил:

- Прежде чем вы будете спрашивать о Синкявичусе, хочу предупредить. Он был мне больше чем партнер, больше чем друг и даже больше чем брат. У вас, русских, есть пословица – о мертвых или хорошо или никак. Вас устраивает такой подход?

- Вполне. Я все расскажу без хитростей (Алик знал, что такое начало понравится хозяину. По лицу простодушного Мажюлиса, было видно, что ход имел успех). У меня есть основания думать, что его смерть не была случайной.

Эту фразу Алик готовил всю дорогу и учил наизусть. Она произвела должное впечатление.

Мажюлис вздрогнул.

- Почему вы так думаете? Мы тут перебрали все возможности - и ничего... мы землю рыли...

- Хочу, чтобы мы с вами попробовали подойти с другой точки зрения. И тоже чтобы рыли носом каждый клочок земли.

- С какой точки зрения?

- Примерно такой. Альгирдас у нас в Городе встречался на курсах экономики с прекрасной женщиной. Я жених ее дочери (неожиданно для себя приврал он, наверно, для усиления своего статуса).

- Я знаю об этой женщине. Он рассказывал о ней, - с улыбкой сказал Мажюлис, - мы все были рады. Сколько можно жить одному.

- Это были серьезные чувства, не флирт. И женщина очень серьезная. Замечательная. Они собирались быть вместе. И вдруг... Утром они виделись, а после обеда Альгирдас исчезает, не говоря ни слова и даже не позвонив. Впрочем не так, он позвонил только секретарю курсов и ему сообщил о своем отъезде. Мог такой человек как Альгирдас бежать, ничего не сказав? И даже не позвонив?

Мажюлис промолчал.

- Нет, - ответил Алик на некоторое сомнение в его глазах, - я точно знаю, что они решили быть вместе. И это было очень серьезно.

- Я тоже это знаю, - сказал Мажюлис.

- Так мог такой человек...

- Нет, нет и тысячу раз нет.

- Теперь вот еще что важно. Там, в Городе, есть человек, опасный человек, он на многое может пойти, чтобы Валентина его не бросила. С большими деньгами и возможностями. Ему не нужно самому ничем таким грязным заниматься... И говорю вполне ответственно - с уходом жены он слишком много терял. - Алик решил проявить объективность:- И по-своему он ее сильно любит...

- Так она замужем? Впрочем, вполне естественно. В этом возрасте... Нет, об этом человеке я не знал...

- В котором часу была авария?

- В три часа ночи. Недалеко от Клайпеды.

- Кто-то с ним столкнулся?

- Нет, потеря управления, может, плохо стало... Это была суббота, три часа ночи, мало кто в такое время ездит. Машина горела долго, пока ее не заметил один водитель.

- Почему так рвался на ночь глядя? У вас в семьях в то время никаких особых происшествий не было? Может, была причина торопиться?

- Насколько я помню, ничего особенного.

Мажюлис надолго задумался.

- С другой стороны, он вполне мог поехать ночью, машина во время его отъезда всегда стояла на аэропортовской стоянке. Не сидеть же в порту? Мог и не предупредить об отъезде. Мало ли как там получилось...

Мажюлис опять замолчал, взвешивал, обдумывал. Он определенно не был так наивен и прост, как об этом свидетельствовала его пиквикская внешность.

Наконец его глаза за круглыми стеклами засверкали. Решение было принято.

- Да, в этом что-то есть. Но вы меня, ради бога, простите, сегодня у меня нет времени. - Он посмотрел на мобильный телефон. - Мы с женой идем на крестины. Давайте так. Завтра я уйду с работы пораньше, зайдете к нам домой и все обсудим. Вы в какой гостинице остановились?

- «Амбертон».

- К четырем пришлю за вами машину.

- И надо собрать всех, кто имеет к этому отношение.
- Как Эркюль Пуаро? – нет, не обижайтесь, пан... э...простите?
- Можно просто Алик.

Мажюлис неожиданно стукнул кулаком по столу.

- Так вы с ним тезки?
- С кем?

- С Альгирдасом. Его покойная жена была русской и называла его Алик, так ей было проще. Постепенно он и для нас стал Аликом. А я верю в приметы. Хорошо. Завтра в четыре часа я позову всех, кто что-то может знать. Обязательно сватов Альгирдаса, их младшую дочку – она тоже может помнить. И знаешь, Алик, - он легко перешел на «ты», - я позову автоинспектора, который был на аварии. И мы начнем... как это сказать? Думать. Один ум хорошо...

- Мозговой штурм, - Алик любил красивые определения. И на всякий случай пояснил: – это когда несколько человек собираются вместе и атакуют проблему.

- Да, - сразу понял Мажюлис, - когда-то это было принято. А сейчас такое название вышло из моды...

- С мозгами хуже...

- Возможно, - чувство юмора у Мажюлиса определено было. – А мы проведем. По старинке. И не успокоимся, пока не поймем, в чем дело.

Он поднялся, подошел к Алику.

- Извини, мне пора. И большое спасибо, что приехал...

На следующий день на машине Мажюлиса Алик подъехал к его дому. Он был в том же районе, где раньше жил Альгирдас. Впрочем, решил Алик, это факт ожидаемый – компаньоны скорей всего строились поблизости и примерно в одно время. Когда входили в силу. В отличие от вчерашнего хозяина Мажюлис вышел его встречать с зонтиком – шел такой же мелкий дождик. Я бы мог этого всего не описывать, просто хочу сказать что литовцы, как и все прочие люди, тоже бывают разные.

Мажюлис не оправдал романтических ожиданий Алика, он не был одет в цветной халат, на голове не было колпака с кисточкой. Серые домашнего покроя джинсы, вязанная светло-зеленая кофта. Но тем не менее он по-прежнему был похож на мистера Пиквика, а его ясные глаза за круглыми очками горели живейшим интересом.

По дороге к дому хозяин предупредил, что семейства сватов Альгирдаса не будет, у них сегодня тоже крестины. Опять крестины. Алик подумал, если у них так часто крестины, то почему в Литве население резко сокращается? Может, они здесь выводятся, а потом уезжают в Европу? Своеобразный человеческий нерест...

В салоне – дольно большом – его ждали будущие участники мозгового штурма. Жену, вполне естественно, звали Марта. И тоже вполне естественно она была выше мужа ростом – маленьких литовок я не встречал. Потом представили гостя, назвав его только по имени - Костас. Он, как и говорил Мажюлис, в те, уже далекие годы, служил в автоинспекции, а сейчас занимал определенное положение в полиции и поэтому не уверен, может ли с иностранцем без разрешения начальства обсуждать литовские чрезвычайные происшествия. Но отказать дядюшке Пятрасу не может - Мажюлис определенно пользовался авторитетом, во всяком случае в некоторых кругах. Парень был светловолос, высок. Довольно молод – словом русским не владел абсолютно.

Четвертым участником штурма был сын Мажюлиса – Миколас. Он пошел внешне в мать, но внутренне – это было очень заметно - в отца. Добродушный, легко увлекающийся, но без

круглых очков – это, впрочем, возможно, ждало его впереди. Он работал юрисконсультom в порту, заведовал Российским направлением и по долгу службы язык знал довольно прилично. Сам Мажюлис попросил себя называть попросту Пятрасом, чему я лично очень рад. Признаюсь, фамилия Мажюлис давалась мне с трудом, все время ускользала из памяти.

Хозяйка принесла большой поднос с двухлитровыми массивными бокалами темного пива, что-то сушеное и соленое для сопровождения, и штурм начался.

Естественно начался он с Алика. Алик зажал остатки совести в кулак, и вылил на головы слушателей все, что знал об отношениях в семье Стручковых. Трудно было предположить, какие сведения пригодятся, а о каких можно умолчать, пришлось вываливать все. Даже рассекретить источник информации Регину. Доклад его длился около часа, Пятрас тихонько переводил. Настроение Алика становилось все хуже, слушать себя было все противнее, но на лицах окружающих появлялся интерес и осознание важности доводов. А кстати, и событий.

Наконец Алик закончил и запил все сказанное пивом. Так же поступили и все остальные.

Первый вопрос полицейскому задал Алик – возможно ли, что эта авария была инсценировкой? Есть ли странности и что-нибудь необычное для простой аварии?

Полицейский ответил вопросом на вопрос. Инсценировать аварию намного сложнее, чем просто убить человека. Киллер надежнее. Он не связан ни с заказчиком, ни с жертвой. Наемное убийство чаще всего не раскрывается. Алик поддержал направление разговора и тоже ответил вопросом на вопрос.

- А вот нашли бы вы жертву с дыркой в голове, - он виновато посмотрел на близких Альгирдаса, понимая, что делает им больно, – жертву, которая только-только прилетела с Украины, вы бы стали искать там следы? Безусловно. И сразу же связались бы с курсами, а там через час вышли на Валентину. Как только она узнала бы, что Альгирдас убит, ей ничего больше не нужно было объяснять. Песенка Стручкова была бы спета. Так есть странности в аварии?

Полицейский, кажется, прочувствовал правоту Алика, потому что он оживился и сказал – через переводчика – что вроде есть странности. Первая - машины редко взрываются после аварии, особенно если не было сильного удара. В кино часто, а в жизни редко. А тут все выгорело дотла. Правда, она перевернулась. Но обрыв на этой трассе найти непросто. Местность плоская, ровная... Короче, есть странности. Он бы так сказал – если это не просто совпадение случайностей, то такое убийство требует большой подготовки и опытного человека. Это с одной стороны. А с другой – совпадений тоже многовато для одного раза. И лесочек перед обрывом, так что пока машина как следует не загорелась, ее с трассы не видно. И никаких следов. Как по заказу. Полицейский настолько разогрелся и расхрабрился, что пошел против своих принципов и признал, что у них тогда тоже были кое-какие сомнения, но работы было много, людей мало... Спыхватился и замолчал. Но впечатление у слушателей уже сложилось. И только Марта оказалась стойкой.

- Случайности могут так совпасть, что никакой умник не придумает.

В дальнейшем я предлагаю вам включить воображение и пользоваться приведенным выше отрывком в качестве примера. А я перейду ближе к сути.

Алик немного с виноватым видом спросил, что за человек был Альгирдас. Он с ним никогда не встречался. А хотелось бы представить...

Пятрас энергично прервал вопрос Алика, который звучал скорее как оправдание, и с горящими глазами изливал душу довольно долго. Все единодушно к нему присоединились. Видимо, Альгирдас был действительно хорошим человеком, на лицемерие органически не способным – что имело непосредственное отношение к делу. О подлости и речи быть не

могло. Мужественным – во всех смыслах этого слова. Плюс толковым и инициативным в работе.

- Он был мотором нашего бизнеса. Почему он к вам поехал? Задумал проект трассы – трейлерной - двух портов. Север–Юг. Я до сих пор проедаю его идеи... как это...его заделы. Как какой-нибудь этот, как его... рантье, - самокритично признался Пятрас.

- Но смотрите, - опять начал Алик, - позвонить секретарю и не позвонить Валентине. Это в определенном смысле, - он старался быть помягче, – оскорбление по отношению к доверившейся женщине. Этого нельзя было не понимать.

- Да-да, - с энтузиазмом вмешался молодой Мажюлис. – и это с ним совершенно не вяжется. Значит, такое было условие ему навязано – ей не звонить. Секретарю сообщить, чтоб лишнего шума не было, а ей – ни в коем случае. Странно.

- Это-то как раз понятно, - возразил Алик, - если всем заправлял ее муж. Я же говорил, ему нужно было, чтобы Альгирдас ее смертельно обидел, оскорбил. Но я о другом. Чем можно было его до такой степени запугать?

- Запугать? Его?! Это невозможно!... – вскипел Пятрас. – Даже подумать об этом нельзя, нужно совсем не знать его, чтобы...

Он постепенно затих. Понимал, что все-таки Альгирдас подчинился какой-то угрозе.

С этого момента инициатива перешла постепенно к Костасу и Миколасу. Они оба были юристами, история вызывала у них и чисто профессиональный интерес. Кроме того, Алик заметил, что было и определенное соревнование между ними.

Начал Костас, Пятрас перевел.

Когда идет шантаж - а это определенно шантаж, - то прежде всего они говорят, чего добиваются.

Ответил Миколас:

- Я думаю, они прямо сказали – хотим, чтоб ты от нее отстал. Это проще всего. И понятней. Мол, не бойся, мы не хотим ни денег, ни твоей фирмы... А вот чем ему пригрозили. Чем взяли?

- Эльза, – высказала всеобщее подозрение Марта. - Эльза тогда все лето жила у Василия. Нина – жена сына Альгирдаса - тогда в Канаде болела.

(Василий, оказывается, русский? Хорошо, общение будет проще).

- Но ведь никакого похищения не было? У Василия было все спокойно?

Все покивали головами.

- Ну и что, - проявила свой скепсис Марта, - могли пригрозить, что убьют. Любой испугается.

Костас задумчиво покачал головой и довольно долго что-то объяснял. Переводил на сей раз тихонько Миколас. Как профессионал речь профессионала.

А Костас сказал, что так дела не делаются. Если только пригрозить убийством внучки такому человеку как дядя Альгирдас, то реакция его предсказуема. Он сразу поднимает всех на ноги, в том числе милицию. Сразу увезет внучку в Канаду. И на этом все кончится. Нет, нужно сказать, что она у них в руках, что они могут с ней сделать все, что захотят. И еще очень важно – убедить, что девочка ни о чем не подозревает. И пока милиция ни о чем не знает, есть шанс кончить миром. А если милиция узнает, то она – Эльза – тогда живой свидетель. Ей почти четыре года. А свидетелей не оставляют. Сделай все, как мы сказали, мчись сюда, пока она не испугалась и пока милиция не в курсе, потом поговорим. Нет, вывод только один - сначала нужно похитить. Иначе не получается.

- Или убедить его, что похитили, - тихо вставил Алик, но на это пока никто не обратил внимания.

А потом Миколас добавил уже свое.

- Костас на сто процентов прав. Угроза это не способ. Их цель, чтобы Альгирдас не вернулся. Если бы, не дай бог, с Эльзой что-то случилось, – он не вернулся бы в Украину? Еще как вернулся бы! Там всем бы не поздоровилось. Нет, их целью было заманить его сюда на переговоры. Попробовать напугать, уговорить...

А Алик подумал – уговорить и запугать, судя по результатам, не удалось. И в глазах всех присутствующих он прочел примерно такую мысль.

- Я же говорил, - с горькой гордостью вздохнул Пятрас, - нашего Алика не запугаешь. Не та порода.

- Сложная история. Непростая операция. А сколько у этого мужа было времени на подготовку?

- В каком смысле? - не понял Миколаса Алик.

- С тех пор, как он узнал обо всем до аварии?

- Недели две...

- За две недели в чужой стране найти человека такой квалификации...

Миколас, видимо, перевел эту мысль Костасу. Они поговорили несколько минут. Алик получил только результат переговоров.

Это, скорее всего мог быть свой, надежный человек заказчика. Который бы сам смог разобраться на месте. Иначе все не провернуть. Нужно выяснить у Василия, не появился ли возле них кто-то новый, приезжий в то время. Не крутился ли поблизости. Тут Алик, который долго молчал, неожиданно вспомнил то, что ему рассказала Регина:

- В это время в фирме был большой скандал, пропали деньги, около полумиллиона. Не знаю, связано ли это, но, может, где-то вокруг появились деньги. Кто-то неожиданно разбогател. По тем временам сумма немалая...

А следом и Пятрас, который молчал еще дольше, не вспомнил, но попытался это сделать:

- Что-то в голове вертится такое... Нет, не вспомню. Но удивлялся, кто-то бедный что-то такое купил... Нет, не вспомню. Может, позже...

Обсудили еще несколько вариантов, выпили каждый по две литровые кружки крепкого вкусного пива (даже Алик одну полную, до конца – что значит приятная компания). Потом упорная Марта подвела свой итог:

– Скорей всего вы все это выдумали.

И разошлись до завтра. Завтра у Василия в пять часов вечера.

Странное совпадение: Котлас сказал, что на полчаса завтра задержится. Должен забежать – он немного смутился – к знакомому на крестины...

Василий жил в четырехэтажке брежневского периода, но квартирка была свеженькая ухоженная, чувствовалась хозяйская рука. Это был довольно крепкий седоватый громкоголосый мужчина лет немногим за шестьдесят, примерно так. Он был немного полноват, лицо обветренное, розовощекое то ли от работы на свежем воздухе – он ремонтировал электрику на портовых кранах – то ли от склонности к пиву. Кстати говоря, в Литве последние годы и мужчины и женщины стали увлекаться пивом, не отстают от Европы... Но это я так к слову. Жена его тихая молчаливая невысокая женщина, кажется, ее даже не представили, за весь вечер сказала только одно слово. Но этому слову цены не было. А дочка Полине было 27 лет (это выяснилось чуть позже). Полина была девушка, красивая, шустрая, с чудной фигуркой. Непонятно одно - не замужем. Куда люди смотрят? Наверно, не хочет, других причин не было и быть не могло. Или у нынешней молодежи другие интересы, не всем же быть как Регина...

Марта не пришла, Котлас – наверно все-таки увлекся – опоздал всего минут на десять. Когда появился поднос с кружками пива и соленьем, началось обсуждение. Алик уже ничего не объяснял. Миколас рассказал все, что считал нужным, а именно – все сводится к тому, что Альгирдаса выманили Эльзой. Других причин вроде бы нет. И предложил сегодня не разбрасываться и заняться только одним кругом вопросов: Эльза и как могли увязать ее с дедушкой Альгирдасом. С кем она гуляла, не было ли чего то необычного. Не крутился ли кто посторонний.

Пошли вопросы и ответы. Одна не гуляла. Только с бабушкой или Полей, иногда с дедом. В бар за пивом ее никогда не водил. Нет, она послушный ребенок. Никуда не пропадала. Вроде никто из незнакомых с ней не разговаривал. Алик стал едва ли не засыпать, тем более они часто переходили на литовский.

Может, крутился кто из приезжих? Вроде нет, хотя туристов, конечно, много вокруг, но возле нас... Нет. Не помню. Одиннадцать лет, как- никак.

Кажется пустой номер. И в этот момент безымянная жена Василия тихо сказала:

- Пауль.

Костас оживился. Спросил с таким интересом, кто такой этот Пауль, расскажите подробно, что Алик все это понял без перевода. И обрадовался – хоть какое-то оживление.

Ответил Василий:

- Пауль, афганец, в смысле служил там. Кажется... Как его фамилия? – он обратился к Полине. Та почему-то покраснела и сказала:

- Кажется, Вилкас. Он и похож был на волка. Рыжего волка.

- Кажется ей, - захохотал, то есть засмеялся Василий. – А кто с ним кокетничал?

- Скажешь тоже. Мне тогда и шестнадцати не было. Дура дурой. Это ты с ним повадился пиво пить.

Оказалось, это был маляр, работал этажом выше, ремонтировали квартиру у соседей. Дружно стали его вспоминать. Что он вроде бы ждал натурализации, поэтому пока подрабатывал по-черному, без оформления. То есть иностранец. Теплее, все оживились. А когда Полина сказала, что он, кажется, с Украины стало горячо.

- Как познакомились, кто инициатор? – спросил профи Миколас.

- Кажется, я. Они как-то спускались с напарником по лестнице, я поднимался. Слышу, он говорит: «когда я был в Афгане». Ну я тоже бывший афганец. Я подошел и заговорил.

- И он действительно служил там?

- Да, только говорить об этом не любил. Он был у «духов» в плену две недели, потом долго лечился. Не хотел вспоминать.

- Или боялся проколоться. Типичная наживка на ловца. Он знал, что ты афганец, - это сказал Костас, а перевел Миколас. И уверенно добавил: - Это наш человек.

Все одновременно и как-то удивленно вздохнули. А для усиления эффекта Пятрас громко хлопнул себя по лбу так, что даже пострадали золотые круглые очки, и воскликнул. Именно воскликнул:

- Вспомнил! Рыжеватый такой, статный парень. Ты меня с ним как-то возле бара познакомил.

- Ну и?..

- Я летом, тем же летом, в конце августа отдыхал в Паланге. В гостинице. И неподалеку была тоже солидная гостиница с приличным рестораном, я там иногда обедал. Ее недавно купил новый хозяин. И кто, думаешь, им оказался? Этот твой бедный маляр Пауль. Мне его показал официант, но я на новое знакомство напрашиваться не стал.

- Ну, знаете ли, - сказал Алик, - это даже избыток информации.

А преферансист Миколас добавил:

- Давайте не останавливаться, пока карта идет. Он говорил с Эльзой? В друзья набивался? Как связать с Альгирдасом? Это тоже проблема.

Но в главном Миколас оказался прав. Карта уже пошла. Полина, краснея, призналась, что однажды, когда она гуляла с Эльзой подошел Пауль, купил им по мороженому...

И вдруг она неожиданно растерянно замолчала, поперхнулась, видно было, что поразила неожиданному воспоминанию.

- Слушайте... - она опять замолчала - Слушайте. Он стал показывать Эльзе какие-то фокусы. Потом сказал, что у него есть волшебный телефон, по которому она может поговорить, с кем захочет. Даже с тем, кого он не знает. И подмигнул мне. Потом как-то получилось, что она хочет поговорить с бабушкой, которого он не знает. Он даже имя не спросил. Сказал блям-блям-блям или что-то вроде этого. Сказал, здравствуй, бабушка. С тобой будет говорить твоя внучка Эльза. Потом, - она задумалась, вспоминая, - сказал, вроде: «Поздоровайся с бабушкой». Эльза взяла и залопотала: «Ой, бабушка. Это ты, бабушка?». Засмеялась. Он как-то забирал телефон, потом отдавал. «Скажи, что тебе весело», та говорила: «Ой, бабушка, мне весело», потом опять забирал. «Тебя никто не обижает?» - давал ей телефон. «Ой, бабушка, меня никто не обижает». Игрались так. Она заливалась, как колокольчик. Сколько ей тогда было? Три с половиной года. Потом...

- Что было потом? - почти хором...

- Потом раздался звонок. Настоящий. Он забрал телефон, сказал, что кто-то ему по-настоящему звонит, потрепал Эльзу по голове, мне подмигнул – и ушел.

- Разговаривая?

- Да, он ушел, разговаривая по телефону.

- Ты это точно помнишь? Это очень важно.

- Да, хорошо помню.

И Миколас объяснил всем остальным, хотя все уже и так все понимали.

- Он давал Альгирдасу инструкции. Иллюзия похищения была полной. Профи. Профи высокого класса.

После этого пили пиво, неторопливо обсуждая результаты. Алик подумал, что на юге были бы куда более бурные эмоции. А тут все участники штурма проявляли разумную сдержанность, может быть, только за исключением более темпераментного Пятраса Мажюлиса. Глаза его горели болью и гневом. Но Костас и Миколас довольно авторитетно остудили его. И сделали взвешенный вывод: им удалось достаточно убедительно – но только для себя - раскрыть преступление. Им понятно, как произошло убийство Альгирдаса Синкявичуса. И даже в принципе остается возможность найти исполнителя. Но доказать его причастность в законном порядке невозможно. А вендетта для законопослушных европейских граждан вещь дикая и нелепая.

Но положение Алика еще более сложное. Никакой связи убийства со Стручковым они не нашли. Он даже не может взять на себя ответственность, и рассказать об этом Валентине. Какие основания? Только одно: Альгирдас ей не позвонил. Может, не до того было...

Они обменялись взглядами с Пятрасом и поняли друг друга без слов. Придется сделать еще одну, последнюю и, вероятно, безнадежную попытку.

На следующий день в двенадцать часов, как и положено в гостиницах, Алик расплатился за номер, взял свои нехитрые пожитки и спустился к выходу. Там его уже поджидал Пятрас Мажюлис. Он сам был за рулем серой «Вольво». По дороге в Палангу – а вы, я думаю уже догадались, что они отправились на поиски хозяина гостиницы alias Пауль Вилкас – Пятрас

снова проявил себя как гостеприимный хозяин и отличный гид. С особой теплотой он описывал дюны, называл их восьмым чудом света.

А потом Алик сказал:

- Знаешь Пятрас, что больше всего меня удивляет? Нет, не результат, которого мы добились.

- А что?

- Люди без всякой для себя выгоды собрались, чтобы искать правду, которой больше десяти лет. Казалось бы, на кой черт это изменит? И времени своего не жалели. И были терпимы друг к другу. Без всякой корысти. И вообще, мне понравилось у вас в Литве. Чисто. А главное – как-то спокойно. По сравнению с нами.

В ответ Пятрас вздохнул и ответил целым политическим монологом:

- Ох, это только так кажется, со стороны. Нелегко у нас. Трудно живем. И молодежь уезжает в Европу. Всяко бывает. Но мы действительно изменились, я думаю к лучшему. Уже почти двадцать лет как ушли – ты извини меня – от вашего беспредела. Потихоньку меняемся. А вы и сейчас от него недалеко ушли. А знаешь почему?

- Почему?

- Вы любите сильную власть. А мы не любим. Сильная власть потому и сильная, что может не считаться ни с чем, даже с законом. А люди при этом... Если все вместе большой беспредел, то и каждый в отдельности тоже... - он поискал слово, – маленький беспредельчик.

Гостиницу «У Пауля» нашли довольно быстро. Трехэтажное здание. Дворик, с трех сторон здания буквой «П» номера. Приличная гостиница, ресторан на первом этаже. Очень приличная.

Пятрас спросил что-то у швейцара. Тот ответил.

Пошли вдоль коридора. Алик почувствовал тревогу – убийца, мало что он может выкинуть. Но бесстрашный маленький Пятрас подавал пример.

Подошли к кабинету. Пятрас постучал, приоткрыл дверь, что-то сказал, попятился назад, закрыл за собой дверь.

- Это не он. Не рыжий Пауль.

И, не ожидая ответа от Алика, покатился по коридору обратно. К швейцару. Разговор на этот раз был более обстоятельный. На долю Алика выпадало кое-что в переводе, существенное по мнению Пятраса.

- Это новый хозяин... Старый продал несколько лет тому... Ого! За пять миллионов. Цены поднялись за это время раз в десять... Значит, купил за полмиллиона... Нет, фамилия его не Вилкас. Пауль Радис...

- Как? Как?

- Пауль Радис.

Это была точка! Настоящая жирная точка. Рыжий Павел Радис! Все его для легкости запоминания называли Паша Радиус. В прошлом начальник охраны Стручкова. Уволился как раз примерно в те годы. Анатолий его уважительно называл «наш гебист»...

Что и требовалось доказать!..

Алик провел в этой гостинице последнюю ночь в Литве. Немножко позагорал в дюнах, хотя несмотря на уверения Пятраса было холодно. Провожать в субботу – к его изумлению – пришел на автовокзал весь мужской состав мозгового штурма. И Полина.

Подлетая к Городу, Алик еще раз пересчитал все «удовольствия», которые ожидали его. Разговор с Валентиной, затем - без сомнения – с Анатолием. Лиля со Светой. Регина так и не

позвонила – значит и с ней проблемы будут. Работу почти наверняка придется искать. Не слишком ли много для одного человека? И когда самолет тряхнуло - шасси коснулись полосы - он довольно громко объявил:

- Самолет благополучно приземлился в джунглях. Строго по расписанию.

Аплодисменты его заглушили. Но относились они не к нему – теперь принято аплодировать после посадки самолета.

Ближе к финалу

На работе решительно нечего было делать. Пришлось сидеть на Гоголя и предаваться размышлениям. А подумать было о чем.

Как поступить правильно? Речь без преувеличения шла о жизни и о судьбах людей. Конечно, нужно рассказать обо всем Валентине. Двух мнений быть не может. Но сначала Регине? Скрыть ее предательство – а это действительно предательство - не удастся. И предательство не только потому, что она донесла отцу об Альгирдасе, но, в не меньшей степени и потому, что не рассказала о его смерти матери. Валентина бы тогда все поняла и уже была бы десять лет свободна, хотя бы морально. Вы можете себе представить, как она будет чувствовать себя, после того, как узнает правду? Десять лет в одном доме рядом с убийцей любимого человека... Алика пробирала дрожь с ног до головы, когда он пытался представить себя на ее месте.

А Регина? После того, как появилась уверенность вместо расплывчатых подозрений, он стал ее поведение судить намного жестче. Ее самооправдания стандартны. «Отец, он всегда обо мне заботился, это все не так просто»... Да, не так просто, но и не слишком сложно. Бутики, поездки, где все учтено, последние десять лет свою несомненную роль играли. Он не просто отец – он миллионер. Расплата в виде приступов самобичевания – говорил себе с горечью Алик - недостаточная компенсация за предательство. Как оказалось – преступное предательство. Как такое могло случиться? Ведь Регина неплохая женщина, временами ласковая, заботливая... Как это все уживается? Тоже влияние современности? Очень кстати по телевизору, в который он уставился, чтобы поменьше думать, шла на канале «Наука» популярная передача и диктор вещал: «Когда зашкаливает радиационный фон, то появляются мутации и мутанты...» Да, появляются, вне зависимости от нашего желания и даже воспитания. «Мутанты плохо различают цвета»... Это в точку. Не то что цвета, не могут отличить белое от черного. А наш фон давным-давно зашкален...

Он невольно вспомнил о Свете. Похоже. И объяснения в голову приходят все те же.

Как Регина назвала их с Валентиной? Мохнатые слоны? Может, не так плохо – подумал Алик, - что мы недостаточно современны...

И все-таки прежде всего нужно поговорить с Региной. В конце концов она ему доверилась. Он решил подождать ее возвращения, хотя ему очень хотелось увидеть Валентину. И хотелось, и страшно было. Он понимал, если толкнет этот камень, то обвал, страшный обвал неминуем. За всем этим стоит непредсказуемый Анатолий, одному Богу или скорее черту известно, на что способный. Не стоит сомневаться, что гонец, принесший дурную весть, тоже не останется в стороне. И простит ли Валентина дочь? Словом, судя по всему катаклизмы неизбежны.

Мы с вами, я думаю, тоже достаточно проницательны, чтобы предвидеть то, что произойдет. Хотя – не обижайтесь – ума для этого слишком много не нужно. Регина, как и предполагалось, прилетела в среду, в четверг не звонила, и только после звонка Алика, «забежала» в пятницу к обеду.

Алик вполне естественно начал с основного – с результатов поездки в Клайпеду. Но к его удивлению она не ужаснулась, хотя безусловно расстроилась, и довольно быстро перешла к делам, «которые касаются нас двоих».

Я не буду пересказывать их объяснение, чтобы не впасть в мелодраму. Просто оказалось, что на Канары подруги привезли мужчину, который точно соответствовал ее описанию надежного человека, способного создать прочную семью во втором браке. Для тех, кто уже подзабыл это описание, повторяю дословно ею сказанное в один из романтических «пяти вечеров»: «И вот к тридцати годам, иногда и позже, начинается по-настоящему серьезный этап. Находится серьезный и надежный человек, который возьмет женщину с ребенком и будет их ценить. Человек самостоятельный, не нахлебник», то есть с деньгами. Именно такой человек ей попался. И не старый – намек на Алика.

Конечно, это обыкновенная история. И как часто бывает, когда Алик не слишком удивился рассказанному и недостаточно – по ее мнению - расстроился из-за отставки, Регина разъярилась. Как известно, чем больше на тебя злюсь, тем меньше чувствую себя виноватой. Ей было с ним лучше, чем с новым кандидатом, ей нелегко было принимать нужное для жизни решение, а он, оказывается, ее не ценил по настоящему, а она дура...

Алик ее остановил вопросом:

- Как рассказать об этом Валентине? Не о вас с этим серьезным человеком, - он позволил себе ироническую улыбку, - а об Альгирдасе?

Регина остановилась, и все еще пылая яростью, перешла в том же настроении на новую тему:

- Я с тобой поделилась, как с человеком, а ты теперь втянул нас всех...

- Вот те раз! Я помог узнать, кто убийца, которого, кстати, ты покрывала...

- Я... Я... Я!..

Да, я не случайно не хотел подробно передавать их объяснение. Оно не получилось и было просто-таки неприятным. В конце небольшой, но достаточно скандальной перепалки Алик устало сказал:

- Я думаю, будет лучше, если ты сама ей все расскажешь...

Регина расплакалась, на этот раз без всякой истерики, а по-настоящему.

- Нет, я не могу. Она не простит...

- Хорошо, я скажу ей сам. Вечером. А ты к маме сегодня не приезжай. И Сережку не забрасывай, - подвел черту обсуждению Алик. – Но ты понимаешь, скрыть, от кого я все узнал, будет невозможно. Да и не нужно. Каждому свое.

- Поступай, как знаешь...

Регина собрала немногие оставшиеся от прошлой жизни свои вещички. Большого бумажного пакета с ручками, который она предусмотрительно принесла с собой, вполне хватило. Время от времени она всхлипывала.

У меня сложилось впечатление – и у Алика тоже, - что она, безусловно, была глубоко огорчена и расстроена этой цепью неприятностей, которым конца не видно. Но в то же время оценила, насколько ей повезло в том, что впереди есть новая жизнь. Раз со старой все настолько не слава богу...

Улыбка сквозь слезы, с которой она вышла из квартиры, предназначалась как раз этой новой жизни.

Алик стал мысленно готовиться к разговору с Валентиной. Очень нелегкое и даже опасное мероприятие с непредсказуемой реакцией. Удар, который он собирался нанести, не каждый выдержит. Все-таки Валентина уже не очень молодой человек – Алик был вынужден

это признать. В который раз полностью рушится ее жизнь, опять камня на камне не остается... Он даже порылся в аптечке отца и взял валидол, на всякий случай. Не для себя, а там кто его знает...

Он решил перебраться на дачу, чтобы увидеть, когда Валентина вернется с работы и когда уйдет Тамара. Так и поступил. Но было еще только три часа, а время, как всегда и бывает в таких случаях, тянулось бесконечно. Он стал что-то окапывать в саду, по-прежнему строя планы беседы и даже временами проговаривая их слух.

Наконец приехала Валентина, завела машину в гараж. Еще через какое-то время ушла Тамара – значит, уже поужинали. Можно звонить.

- Добрый вечер, это Алик...

- Здравствуй. Алик. Но, - некоторая растерянность, - Регины сегодня не будет...

- Нет, нет, - заторопился он, - я знаю. Не о ней речь. Мне с тобой нужно поговорить. И по очень важному делу. Я сейчас здесь, на даче...

- Конечно, Алик, заходи.

Валентина принимала его все за тем же столиком, на той же кухне. В этом не было ничего обидного. Любимое ее место, кофе под рукой, Алик свой человек. Стройная, подтянутая, джинсовая куртка, джинсы, лицо гладкое, свежее – нет, он был неправ, когда заподозрил ее в том, что она недостаточно молодой человек.

Как начать – и это после самых разнообразных планов...

- Кофе будешь?

- Спасибо. Можно бы чего-нибудь покрепче, - эта фраза была заготовлена в одном из вариантов. Выпивка могла пригодиться скорее, чем дурацкий валидол.

Валентина удивилась неожиданной просьбе, но, видимо, поняла, что разговор предстоит действительно серьезный. Достала вино, два бокала, разлила по чуть-чуть. Села напротив Алика и приготовилась слушать. Как всегда спокойное и чуть отстраненное выражение лица, как всегда улыбка. На этот раз немного снисходительная. Кажется, она все-таки думала, что речь пойдет о Регине

Вопреки всем планам, в которых обязательным пунктом была постепенная подготовка, он устался в стол – не решался смотреть ей в глаза – и начал с того, чем должен был закончить. Как нырнул в ледяную воду.

- Я был на днях в Клайпедде. И узнал, что Альгирдас был убит тогда же, когда улетел отсюда. В тот же день. В Литве. По дороге из аэропорта. Имитация автомобильной катастрофы. - Он набрал побольше воздуха в легкие и выдал главное. - Убил его Паша Радиус, бывший начальник охраны нашей фирмы, ты его знаешь. За полмиллиона или чуть меньше долларов. Заказчик Анатолий.

Наступила тишина. Он поднял глаза. Выражение ее лица не изменилось, та же чуть снисходительная улыбка, но по щекам лились - не катились, лились - слезы. В тишине было даже слышно, как капля упала на стол. Потом вторая.

Алик потянулся за бутылкой, хотел ей долить вина. Валентина остановила его жестом.

- Ошибки быть не может?

- Абсолютно, мы проверяли все с его близкими. Паша заманил Альгирдаса в Литву. Сказал, что взял в заложники его внучку Эльзу... И предложил бросить тебя. Но Альгирдас отказался...

Тут Алик немного погрешил против известных им фактов, но – был уверен – не погрешил против истины.

- Так вот почему...

Валентина всхлипнула. Алик поднялся, налил ей полный бокал вина, повернулся к плите, стал готовить кофе. Он слышал, как Валентина довольно громко заплакала, обычный женский плач. И слава богу. Алик постарался подольше задержаться у плиты, что-то включал, выключал, сыпал, перемешивал. Плач постепенно затих. Он вернулся к столу, с двумя чашками того, что сумел наварить.

Валентина стала приходить в себя. Бокал был пустой. Она иногда еще всхлипывала. Сильная женщина уступила место – думаю, ненадолго – женщине обычной, расстроенной и даже несчастной. Оказалось, у нее был легкий макияж, чего Алик никогда раньше не замечал. Кое-где он потек и размазался. Валентина только промокнула глаза и щеки салфеткой, не стала приводить себя в порядок. Не до того было. В лице ни злости, ни ненависти. Только печаль и жалость.

- Рассказывай с самого начала. Все как есть.

Алик почувствовал облегчение, кажется, самый неприятный момент в его миссии позади. И он действительно рассказал обо всем, произошедшем в Клайпедо со всеми подробностями, стараясь ничего не пропустить.

Валентина оказалась очень хорошим слушателем, реагировала на каждое слово. А ее лицо – очень живым и непосредственным.

Когда Алик закончил рассказ, она подвела итоги:

- Да, убедительно. И вполне ожидаемо. С этим покончили, - было непонятно, с рассказом или Анатолием. Скорее всего с тем и другим.

И вдруг лицо снова заволочли тучи.

- Алик, почему ты вдруг туда поехал?..

Он растерянно пожал плечами. Нет, не все самое неприятное позади.

- Понятно, Регина рассказала, - длинная пауза. – Значит, она обо всем знала?.. Почему не сказала мне? А откуда она узнала? И откуда Анатолий узнал об Альгирдасе? Это связано между собой?

Алик опять промолчал и, кажется, покраснел.

- Ладно, можешь не отвечать.

Валентина тоже замолчала. Думала.

- Вот откуда приступы самобичевания. Я думала, просто нервы. Но почему мне она ни о чем не сказала? Это ужасно. Это так ужасно, что даже представить себе трудно. Как она узнала о его смерти?

- Написала ему письмо в Клайпеду, но кто мог подумать, что...

Алик остановился, но было поздно.

- Значит, это была она. Там, возле скамейки. Значит, мне не показалось...

Сильная женщина вернулась на свое законное место. Опять появилась вежливая улыбка. Она разлила вино, выпила, Алик ее поддержал.

Взяла телефон, набрала номер.

- Регина, - Регина, не привычное Инночка, - пожалуйста, приезжай прямо сейчас. Да, я звоню из дома. И без Сережи, пожалуйста.

Все «пожалуйста» прозвучали очень формально.

- Нет, прошу тебя прямо сейчас.

Она положила трубку, кажется, не дожидаясь ответа.

- Я, пожалуй, пойду, - сказал Алик.

- Алик, огромное тебе спасибо. И пожалуйста, не кори себя. Я тебе обязана больше, чем по гроб жизни.

- Я и не корю. Я знаю, что должен был это сделать и должен был обо всем рассказать.

- Ты здесь, на даче останешься сегодня?

- Останусь.

- Есть еще одна просьба. Я наверно перееду сейчас к Регине. Временно буду жить там.

- А она?..

- Для нее место найдется. В крайнем случае, поживет здесь. Ей тут будет удобнее, чем мне, - и она холодно улыбнулась. – Тебе не трудно будет помочь нам перевезти кое-что из вещей?

- Да ради бога, о чем речь...

- Я позвоню.

Валентина подошла... и благодарно поцеловала его в щеку. Он потом долго думал - по-матерински или по-сестрински?

Вскоре в дачном проезде появилась машина Регины, она не заставила долго себя ждать. Алик закрыл окно в спальне и добросовестно старался не прислушиваться. Впрочем, мать и дочь были не из тех людей, которые будут громко скандалить – он почему-то подумал о Лиле. И тут же – не буди лиха – раздался звонок телефона. Он посмотрел на экран – Лиля. Решил ответить.

- Ты собираешься бегать от меня...

- Лиля, я уезжал, - как можно спокойней сказал он. – А сейчас уехал папа. Будет через неделю, тогда все и решим.

Прежде, чем он нажал клавишу, из телефона успели долететь какие-то крики. В соседнем доме было тихо. Только загорелись на втором этаже окна и в них замелькали тени. Часа через два позвонила Валентина и, бесконечно извиняясь, попросила помочь погрузить вещи.

- Конечно, о чем речь...

В их гостиной у выхода стояли три сумки и два довольно больших чемодана. Алик взялся за один из них, он был определенно с книгами, неподъемный.

- Ого! Ноша не для женщин.

Валентина была спокойной и сдержанной, Регина покраснелась, и глаза у нее были заплаканы. Когда Алик зашел, она метнула в него ненавидящий взгляд. Одного кровного врага в ее лице он сегодня заполучил. Ее отец будет вторым.

Поехали двумя машинами, Валентины и Регины. Алик поехал с Валентиной. Всю дорогу молчали. Только она пару раз повторила:

- Спасибо, Алик.

Двух комнатная квартира Регины была на третьем этаже. Не без труда Алик затащил туда вещи.

А на прощание:

- Спасибо, Алик.

И ненавидящий взгляд Регины.

Слава богу, кажется бесконечный тяжелый день закончился.

Почти напротив дома Стручковых, чуть наискосок – я об этом тоже уже упоминал – была довольно большая будка, в которой размещалась круглосуточная охрана. Два охранника и собака. Охранники дежурили сутки, потом двое суток перерыв. Собака, овчарка по имени Джим, дежурила бессменно, зато имела постоянное жилье – рядом с человеческой будкой была и собачья. В каждой смене один из охранников – они не любили, когда их называли сторожами – был нанят на общественный кошт жильцами вилл, а другой работал у Анатолия и больше присматривал за его домом.

В этой смене один был старым горожанином, другой - довольно молодым приезжим. Оба этим местом работы «не бей лежачего» дорожили, старый потому что тяжело работать уже не мог, а молодой просто не хотел. Молодой был несловоохотлив и предпочитал вздремнуть на тахте. А старый тахту не любил – она была жесткой для его боков. Зато любил поговорить – что нередко случается с потомственными Горожанами.

Вечер был тихий. Светила луна. Ветра не было. Горожанин объяснил молчаливому напарнику, что если вечером полное безветрие, то завтра скорей всего будет не очень хорошая погода. А вот если вечером «плюнет легкий шквалец», тогда завтра будет тепло и солнечно. Напарник не реагировал, даже ухом не повел, а собака повела и слушала очень внимательно.

Горожанин немного помолчал, но это его тяготило. И стал рассказывать о себе, в основном адресуясь собаке.

Он уже больше пятнадцати лет работал в охране Стручкова и знал лучшие дни. «И битвы, где вместе рубились они». Иногда и за гранью закона. Но время идет, куда денешься, он постарел, вышел в тираж и был рад этой спокойной работе. Сейчас даже молодым бойцам нелегко устроиться, потому что в бизнесе охрану сократили. Теперь по-черному бизнесмены редко грабят друг друга. Теперь грабят официально, с разрешения компетентных органов. С применением органов правопорядка. Зачем подставляться, когда можно любого взять и посадить? Тут никакая охрана не поможет, так зачем содержать лишних? В частной охране сейчас сокращения, зато в охране за счет государства расширение. Там платят не из своего кармана, поэтому денег не жалеют. Правда, и охраняют не всех, а в основном тех, кто победил...

В это время возле дома Стручковых началось оживление, которое отвлекло горожанина от бесконечных рассуждений. Алик вместе с Валентиной и Региной стали переносить чемоданы, сумки и прочие вещи в машину – вы это уже знаете.

- Куда они собрались на ночь глядя?

Горожанин подошел, поздоровался с Валентиной, спросил, не нужна ли помощь.

- Кто-то уезжает? – он не смог сдержать любопытство. – Нет, это я в том смысле, с сигнализацией как?

Валентина ответила.

- Переезжаем. А сигнализацию я включу.

Горожанин вернулся в будку. Переезжаем. Сообщать или не сообщать начальству? С этим строго, если что не так, хозяин душу вынет и выгонит к черту. Он решил подождать до утра.

Ночью дом оставался пустым. Утром к девяти пришла как обычно Тамара. А тут уже и сменщики в дежурке появились. Так докладывать начальству или нет? Горожанин подошел к Тамаре – он, естественно, был с ней неплохо знаком.

- А где хозяйка?

- Переехала, кажется к дочке, - Тамара сама была удивлена. – Утром позвонила. Сказала ничего не готовить. А сегодня суббота. Обычно Регина с Сережкой...

Она замолчала. Разболталась со сторожем. Сплетни разносит...

А горожанин понял, что нужно звонить. На всякий случай. Позвонил начальнику охраны.

- И вещи забрали? Много?

- Да. Две машины. Видно, что хозяйка переехала не на день-два, - проявил прошлый профессионализм горожанин.

Начальник охраны позвонил Стручкову. Тоже на всякий случай.

Стручков удивился. Он звонил вчера после обеда – никаких разговоров о переезде не было. Обычно он звонил через два-три дня. Как дела - все в порядке - как себя чувствуешь – и темы иссякали. Нужно узнать, в чем дело.

Он позвонил на мобильный телефон Валентине. Сначала никто не брал трубку. Он записал вопрос на автоответчик – все ли в порядке, куда ты уехала из дома? Спустя некоторое время еще раз набрал номер – телефон отключен. Он стал волноваться, позвонил Регине.

- Что там у вас происходит, блин.

В ответ долгое и неуверенное молчание. Регина прокашлялась - и решила покончить со всем сразу:

- Мама от тебя ушла. Пока переехала ко мне. Ты ей не звони. Отвечать она не будет.

Когда Анатолий волновался, он говорил сбивчиво, с бесконечными междометиями и бессмысленными вставками.

- Что... не понял... как... э... как вдруг...а...блин... куда?.. с чего это?..

- Я не хотела бы по телефону...

- Кой черт хотела – не хотела. Говори, в чем дело...

- Ну ладно. Она все узнала о Клайпеде.

Вот теперь замыкание произошло на той стороне, в Полетном.

- Что... как она узнала?.. и что могла узнать?

Стараясь опередить поток вопросов, Регина сказала:

- Узнала все, поверь мне. Абсолютно все. Разговор не телефонный. Приезжай на дачу. И позвони мне. Ее не трогай, будет страшный скандал.

Какое-то время Анатолий переваривал услышанное, даже не чертыхался. Осознал, кажется. Потом принял решение.

- Черт. Через четыре дня приходят контейнеры из-за границы. Я тут должен быть кровь из носа. Хорошо, сейчас выезжаю. К вечеру буду.

- На даче!

- Да понял я, блин, на даче. И не звонить. Понял я, понял. Пока.

- Пока.

Регина заметила, что ни разу не назвала в разговоре Анатолия отцом или папой. Язык не поворачивался. Разговор был обезличенный. Анатолий этого не заметил. Ему было не до сантиментов.

Через полчаса он выехал в Город. Так же как и в предыдущую поездку попытался разжечь в себе злость на весь мир. Получилось. Но на этот раз не очень убедительно. Мешал страх. Самый обычный страх. Он до сих пор был уверен, что это чувство ему не ведомо. Анатолий смолodu и до сих пор считал экономическое, моральное и даже физическое насилие нормой наших дней. Правом сильного человека. Но убийство, причем заказное убийство, то есть заранее хладнокровно задуманное – это совсем другая категория. Он впервые назвал себя убийцей – звучало ужасно даже для него. А для судей? А для близких, которых осталось не очень много? Да, эта поездка отличалась от предыдущей. И в машине сидел совсем другой Анатолий Стручков. Он даже стал ростом поменьше, не разваливался на заднем сидении, как обычно, а сдвинулся в угол.

Впрочем, все-таки такое состояние или близкое к этому у него уже было. одиннадцать лет тому назад. Но тогда все окружающие приняли его страхи и депрессию за активное беспокойство по поводу состояния Валентины. И тогда он был моложе и агрессивнее. С тех пор все опасения постепенно канули в лету, все прекрасно сошло с рук. Разве что беспокойство вызывала Регина, но он устроил внимание к ней – подарок, забота, снова

подарки... Словом, он обо всем стал забывать. Ничто его не мучило, не говоря уже об абстрактных для него понятиях, таких как совесть или чувство вины. И вдруг, через столько лет... – он внутренне почувствовал себя беззащитным.

Но подъезжая к Городу Анатолий выпрямился, собрался с силами. Еще поборемся! Нужно прежде всего выяснить, что им известно. И никаких намеков на признание! Одно сплошное удивление и возмущение.

Он позвонил Регине. Когда вошел в дом, она его уже ждала. Тоже выглядела неважно, лицо бледное, напряженное.

Анатолий начал было демонстрировать абсолютное непонимание всех этих наветов. Но договорить заранее заготовленные фразы Регина ему не дала. Она протянула незапечатанный конверт.

- От мамы.

Анатолий вынул записку. Там было:

«Не приближайся ко мне. Иначе я буду кричать на весь город, что ты проклятый убийца. И мне поверят».

Он посмотрел на дочь, понял, что она это читала. И сделал еще одну попытку:

- Я ничего не понимаю, какого хрена...

- Давай не тратить время, и не впутывай меня в это дело. Я тебе расскажу то, что знаю. Хорошо?

Он кивнул. Они сели все за тот же столик на кухне.

Регина рассказала, что каким-то образом в Клайпеде стало известно, что Альгирдас не попал в катастрофу, а был убит Пашей Радиусом за полмиллиона долларов. А мама об этом узнала вчера. Она вообще не знала, что его давно нет в живых. После этой информации Анатолий стал не просто желтым, а каким-то померанцевым. Паша Радиус! Шансов выкрутится, кажется, не оставалось.

Он собирался с мыслями, давалось это трудно. Изображать недоумение перестал – не хватало сил, да и актер он был никудышный.

- Она не знала, что он... мертв, - какие-то сомнения зашевелились у него в душе. – А ты об этом знала?

- Знала.

- Откуда?

- Когда он исчез, я написала ему письмо. Мне сообщили, что адресат мертв.

Анатолий криво улыбнулся:

- Много же ты знала. И кто он такой, и даже адрес. Так, может, это ты сейчас матери и рассказала?

- Одиннадцать лет молчала, а теперь вдруг...

Теперь гримасу на лице Анатолия трудно было назвать улыбкой.

- Одиннадцать лет я был богачом. А теперь...

Это был вызов. Регина хотела вспыхнуть, но сдержалась. В сущности, все это не далеко от истины. Но все-таки отреагировать решила.

- Ты меня в свои дела не впутывай. Давай я договорю то, что тебе нужно знать. Пока мы не разругались. Мама подала на развод.

- Быстро.

- Адвокат Ковтун. Ты знаешь, лучший в городе. Завтра он придет сюда к девяти утра.

- А если меня здесь не будет?

- Будешь, куда ты денешься, - раньше она с ним так не разговаривала. - И мама сказала адвокату – все, что возможно, нужно отобрать. А тебе велела передать: «Если Бог не

торопится наказать, то это должны сделать люди». Это ее слова. Так что готовься. Ну, у меня все. У тебя есть вопросы?

Она очень хотела как можно быстрее закончить этот ужасный разговор.

- Откуда тебе известно все это? О Радиусе? И обо всем?

На этот вопрос ответ у нее был заготовлен.

- От мамы.

- А ей кто сказал?

И на это был продуман ответ.

- Спроси у нее.

- И все-таки, кто рассказал?

Анатолий посмотрел ей в глаза тем злым и внимательным взглядом, которого она с детства боялась.

- Н-е знаю. Откуда мне знать. Мало ли. Кто-нибудь побывал в Клайпеде... - она поперхнулась. – Случайная встреча...

Не торопитесь с выводами. Я уверен, она не хотела подставлять Алика, даже, несмотря на то, что злилась на него. Злилась за то, что он легко с ней расстался. И наверно, в глубине души, сама этого не сознавая, испытывала ревность по отношению к матери – говорят, женщины к этим вещам очень чувствительны. Но предавать – это слишком. Я уверен, она ни за что не хотела брать еще один грех на душу. Брать его с собой в новую жизнь. Достаточно мучилась предыдущим предательством одиннадцать лет. Просто так получилось. А впрочем, решайте сами.

Сейчас нужно было не забыть сказать очень важную вещь, о которой просила Валентина.

- Ты должен знать, что доказательств нужных для подачи заявления в полицию ни у них в Клайпеде, ни у нас тут нет. И никто этого делать не собирается. Если ты от злости не наделаешь глупостей. Понял?

Это была идея Валентины, техника безопасности. Она понимала, что со страху и злости Анатолий может пойти на все – раз все равно пропадать. А так все-таки задумается.

Больше ничего интересного в их разговоре не было. они разошлись. На это раз Анатолий тоже заметил, что она его ни разу не назвала отцом. И щеку для поцелуя не подставила. Знакомая гримаса появилась на его лице.

- Все умывают руки!.. Говорят «родная кровь, родная кровь». А вот она, кровь неродная...

Перед сном он вызвал к себе начальника охраны. Тот готов был прибежать в любое время суток. В свое время босс спас его не только от сумы, но и от тюрьмы.

Заданий было немного. Завтра к обеду у Анатолия на столе должен лежать список всех пассажиров, которые в течение месяца вылетали в Вильнюс или прилетали оттуда. Второе - немедленно нужно опросить охрану возле дома, кто из посторонних последние два дня заходил в дом и беседовал с Валентиной. И еще - все телефонные переговоры Валентины за последние два дня.

- Но по закону...

- Сколько нужно денег – трать. И не говори мне про закон. Все к обеду. Иначе я положу тебя туда, откуда взял. Понял?

Анатолий со своими людьми не церемонился.

Ночь для всех участников последних событий была беспокойной и почти бессонной. В том числе и для Алика. Ему еще днем позвонила Валентина и сказала, что вечером должен приехать Анатолий. В ее голосе была настоящая и искренняя забота, это было непривычно и

необыкновенно приятно. Но содержание разговора вызывало мало сказать беспокойство. Анатолий – говорила Валентина – безусловно узнает о поездке Алика в Клайпеду. То есть узнает, кто истинный виновник крушения всех его надежд. Он способен на все – уж кому это знать, если не ей. Алику нужно быть особенно, вдвойне осторожным.

В свою очередь Алик высказал такое беспокойство о ней, в таких словах и с такой заботой, что если бы в душе Валентины оставалось хоть что-нибудь от женщины, она бы поняла его чувства. Но Валентина была просто хорошим, бесконечно уставшим от жизни и ни на что светлое в будущем не надеющимся человеком. Бесполом созданием, таким она себя считала. И вполне возможно была права. Она за его словами, кроме заботы хорошего и ставшего близким товарища по несчастью, ничего не почувствовала.

Утренний разговор Стручкова с Ковтуном ничего нового не дал.

Валерий Исаевич Ковтун по наследству достался Валентине от отца – он был адвокатом покойного. Представитель старой адвокатской школы, сухощавый, с седым ежиком, всегда подтянутый и аккуратный, он выглядел моложе своих семидесяти с хвостиком лет. Не слишком часто, но когда в этом была необходимость, он с готовностью помогал Валентине словом и делом. Кстати, это именно он настоял на том, чтобы вилла на даче, которая должна была заменить «усадебу городского типа» – так называли проданный Анатолием дом друга Ивана Соколов,а – была единоличной собственностью Валентины.

С этого вопроса он начал свой визит и официально предложил Стручкову перебраться в другое место. Анатолий без возражений согласился, при этом сказал, что он через три дня уезжает и уже сюда не вернется. Тема была закрыта, но на всякий случай хитрый лис Ковтун заставил подписать заранее подготовленную бумажку. И перешли к следующей, основной теме – о разводе.

Анатолий даже не пригласил для беседы своего адвоката Лисянского, и на это были свои причины. Ковтун сказал то, что и так было известно. Все, что приобретено после брака считается общей собственностью (а у Анатолия ничего другого и не было), вычитается все, что каждый имел до брака (Анатолию вычитать было нечего). Всякие рейдерские истории являются подковерными, неофициальными и в расчет не принимаются. То есть если кто-то из желающих что-то не отберет у него, то только случайно. Он может себя заранее чувствовать бомжем. Это ему было и так ясно. Интересы Анатолий к удивлению Ковтуна не проявил.

Расстались холодно.

Стручков ждал появления начальника охраны. Тот пришел точно вовремя, и пять минут спустя Анатолий знал, что и как произошло. Во всех списках был один человек – Александр Метельский. Регина растаяла в постели у Алика, рассказала все, что знала и о чем догадывалась. Герой-любовник полетел в Литву, узнал все, что смог, а смог, судя по всему, немало. По возвращении он тут же доложил Валентине, перед которой не устоял точно так же, как все прочие мужики, известные Анатолию. Паша Радиус, к счастью, давно слинял из Литвы и поменял фамилию. Значит, прямой опасности нет, грозит дурная слава, не больше. Регина права, сейчас хулиганить не стоит. Но отомстить и отомстить жестоко нужно. С Аликом проще, он у него в руках. Загонит его в тюрьму лет на пять за избиение дирижера. Ради этого он готов отдать все, что у него останется. Но как хочется насладиться лично, избить его до потери сознания! А что? После такого навета это будет всем понятно. Мало того, только подтвердит его возмущение.

А Валентина? Неожиданно он почувствовал, что все табу по отношению к ней больше не существуют. Это было новое чувство полной свободы и независимости. Но... одновременно

он ощутил в душе абсолютную, звенящую пустоту. Для чего жить, какая цель? Ни денег, ни Валентины. Для мести, как граф Монте-Кристо? – это была одна из немногих книг, которые он читал. У того хотя бы был клад.

Захотелось выпить, что он и сделал. Коньяк был отменный, грузинский, не нынешняя бурда, из старых запасов. Он вновь почувствовал себя молодым. Как давно он никого не бил и даже ручку в ухо никому не вставлял! Он порылся в одном из ящиков у себя в спальне и достал припрятанные в дальнем углу кастеты, которые никак не хотел выбрасывать. Кажется, сегодня пригодятся...

Он созрел и позвонил по мобильному телефону Алику.

- Это Анатолий. Ты не мог бы приехать сейчас ко мне домой? На дачу.

- Мог бы. Через полчаса буду.

- Давай.

Оба знали, что будет интересно.

Нету тела – нету дела

Анатолий побродил по квартире. Поразмышлял над различными вариантами наказания Алика и Валентины, вплоть до - я должен это признать – убийства. Да, в том числе и это. Но мысли, даже самые страшные не наказуемы, и от них до дела, как от земли до неба.

Анатолий спустился вниз, устроился в кресле в салоне. На журнальный столик пристроил бутылку и рюмку – одну!

Спустя несколько минут раздался стук в дверь.

- Входи.

Алик вошел.

- Добрый день.

Вместо ответа Анатолий показал на диван напротив себя. Алик сел.

- Выпить тебе не предлагаю.

Алик пожал плечами. Анатолий налил немного себе, выпил.

- Ты, кажется, метишь ко мне в зятя?

- Нет, Регина выбрала более достойного человека.

- И слава богу. А то я боялся сделать ее вдовой. Теперь стало легче.

- Так уж вдовой...

Анатолий не стал рассказывать, что ему известно, а Алик ни о чем не спрашивал. Все было понятно без разъяснений.

- А ты что думал? Мне это легче легкого. Я остановил дело с дирижером, я его и опять закручу.

- Как Тарас Бульба.

- Не понял...

- Я тебя породил, я тебя и убью.

- Да, это правильно, - Анатолий потихоньку свирепел от насмешливого тона Алика. Он-таки жаждал крови. – Правильно, убью. Ты через пару недель будешь в тюрьме. И как бы мало тебе не дали, оттуда живым не выйдешь. – Он ухмыльнулся. – Там у меня крепкие связи.

- Там все свои...

После этих слов Анатолия понесло. Приличная часть разговора была закончена.

А неприличная часть была вот о чем. Анатолий никак не мог понять, какого хрена Алика, который как Илья Муромец столько лет сидел на печи – права была Лиля, – понесло

геройствовать. Чего ради? Ради этой... – Анатолий на сей раз сдержался – докторши наук? Какой смысл? Она будет читать лекции в Париже, жить на его Анатолия, деньги, которые он своими руками... - эта тема не имела продолжения. А из Алика тем временем в тюрьме сначала сделают петуха, пропустят через несколько камер, а потом зажарят. Эта картина была нарисована сочными и грубыми – очень грубыми – мазками, но тем не менее впечатляла. У Алика невольно мурашки побежали по спине, несмотря на твердое решение вести себя мужественно и не раскисать. Действительно, какая ему от этого польза?

А насчет бывшей жены – это еще вопрос, выпустит ли он ее за границу. Костями ляжет, а тоже ее к ногтю прижмет, будь она хоть трижды докторша наук, эта сука.

Это был верный ход, чтобы подогреть обстановку. Такого Алику вынести не мог и, как умел, заговорил на наречии Анатолия.

Анатолий, продолжая в том же духе, встал, засунул руки в карманы, подошел к Алику, сказал что-то уж совсем непотребное. Алику в гневе вскочил с дивана. Это был удобный момент, несмотря на долгое отсутствие практики, Анатолий знал, что бить надо сильно и без предупреждения. Неожиданно. Кастеты были зажаты. Он правой рукой сильно ударил Алику в челюсть, а вот хук левой в печень провести не удалось – сказались годы уважаемой жизни. И тут, к удивлению Анатолия, довольно точно повторилась бесславная схватка с Елисеем. Алику схватил его за предплечья, легко приподнял, поискал глазами свободный участок стены и впечатал туда противника. Сильно впечатал, потому что огнем пылала челюсть.

Анатолий охнул и медленно сполз на землю.

И только тогда чуть шепеляво Алику ответил на его настойчивые вопросы:

- Потому что нужно что-то делать с беспределом. А ты, Толя, и есть беспредел. Ты очень злой, но очень легкий, не моя весовая категория.

Анатолий пытался вздохнуть – получалось плохо. Но он, сидя у стены как куль, все же зло прошипел:

- Что же вы все, блин, как попугай – легкий, да легкий...

- Надоело сидеть на печи, решил стать как ты, современным.

- Это ты, сраный мушкетер, - слова давались Анатолию с трудом, - называешь современным? Ходить и бить морду за правое дело? – и он таким грязным потоком полил Алику, что тот не выдержал. Приподнял Анатолия и снова впечатал в стенку. На этот раз не с такой силой, но много и не требовалось. Анатолий снова сполз на пол, глаза от злости, казалось, вылезут из орбит, в уголке губ появилась кровь – наверно, что-то прикусил. Он буквально выталкивал из себя слова. Зрелище было впечатляющее, а его слова на этом фоне звучали зловеще:

- Хочешь знать, что значит современный человек? Я тебе объясню. На личном примере. Через три дня я уезжаю в Крым. Буду там на виду. Полное алиби. А спустя еще пару-тройку дней вы с этой стервой исчезнете. Никто никаких следов не найдет. Ни на земле, ни под землей. Ни на суше, ни на море. А нету тела – нету дела, это все знают. Тела не будет, значит, никто никого и обвинять не станет. Я еще, блин, сомневался, насчет Вали, но сейчас, клянусь тебе, что так и будет. Вы сгниете, ты и эта стерва...

Алику чуть наклонился и вклеил Анатолию приличную оплеуху. Но тот даже немного выровнялся и стал говорить громче:

- Ты сейчас положил печать на документ. Значит, все так и будет. Не сомневайся. Клянусь.

Не было смысла продолжать безобразную сцену. Алику вынул носовой платок, прижал к челюсти – на платке появилось что-то красное, - повернулся и вышел.

Вслед ему прозвучали слова:

- И помни, нету тела - нету дела.

В воскресенье Анатолий отлеживался и приводил себя в порядок. Даже пригласил доверенного врача. Хотя ничего серьезного с ним не произошло. Прикусил губу. Синяки были на спине, но под одеждой их не видно. А затрещина практически следов не оставила – Алик не использовал силу, памятуя что лежачего не бьют. Снимать побои Анатолий не собирался – исходя из его планов, не стоило давать повод подозревать, что у него есть какие либо поводы для мести.

А Алику эта идея вообще в голову не приходила. Все его мысли были об одном – в каком виде представить разговор с Анатолием. Как убедить Валентину уехать за границу в ближайшие дни.

В субботу вечером встреча с ней не состоялась – по телефону она сказала, что выпросила Сережку на выходные.

- Что-нибудь срочное? Был разговор с Анатолием?

Алик почему-то ответил, что все пока в порядке, но когда она освободится, поговорить стоило бы. Договорились встретиться у Регины в понедельник в два часа дня. Валентина раньше уйти с работы не может. Время неумолимо утекало, и Алик набрался решительности. Он попросил, чтобы к этому времени, если возможно, был приглашен и Ковтун – он знал о ее давних связях с этим известным в городе адвокатом.

- Так, значит, все же дело срочное? И разговор был?

- В понедельник, Валя. Поговорим обо всем.

Может это прозвучало не слишком вежливо, но Алик решил дать понять, что сейчас не до сантиментов. Пора отнестись к ситуации очень серьезно. Сделать все, что в их силах, и прекратить прекраснодушные иллюзии. Свои и Валентины – если это возможно.

У Валентины он появился в точно назначенное время. Адвокат еще не подошел.

Когда Алик прошлый раз – после поездки в Литву – прибыл к ним на дачу, Валентина выглядела отлично, я описывал его впечатления. Прошло всего три дня – картина была иной. Она плохо спала последнюю ночь, стрессы, волнения – все это не украшает. Даже легкий наспех сделанный макияж мало что менял. А мешочки под глазами – Алик их никогда не замечал. Он почувствовал острую жалость. Может, он действительно слишком активно вмешался в чужую жизнь? Нет, глупости. Хуже того, что уже случилось с ней, может быть только одно – продолжение этого противоестественного симбиоза.

- Ковтун нам помогать будет?

- Думаю, да. Точнее, не сомневаюсь.

- Тогда я все расскажу при нем, чтобы не повторяться. Валя, я думаю ему нужно знать все, от начала и до конца. Не напрасно юристы говорят, что они как врачи. От них ничего не стоит скрывать.

Валентина молча кивнула. Ей было очень тяжело и стыдно, но по настроению обычно не слишком темпераментного Алика она поняла, что все - мало сказать, серьезно. Скорее - просто страшно.

Наступила гнетущая тишина. Обмениваться пустыми вежливыми фразами не хотелось. Хорошо, что долго ждать не пришлось. Раздался стук в дверь и зашел как всегда бодрый и подтянутый Ковтун.

- Садитесь, Валерий Исаевич. Очень рада вас видеть. Валерий Исаевич, дорогой, я очень нуждаюсь в вашей помощи и надеюсь, вы мне в ней не откажете.

- Валечка, милая, я всегда...

Словом, обменявшись несколькими вежливыми фразами, приступили к делу.

Видавший виды адвокат старался не выказать своего удивления услышанным, но ему это не всегда удавалось.

Алик рассказал все, что знал. Начал с ситуации в своей семье, пощадил только Свету. Арест, освобождение с помощью Анатолия. Потом, обменявшись взглядами с Валентиной, перешел к проблемам семейства Стручковых. Валентина, понурившись, добавляла то, что считала важным. Финальный аккорд – вчерашний разговор с Анатолием – произвел впечатление на обоих слушателей. Покопавшись в кармане. Алик выложил на стол вызов к следователю, полученный час назад. На завтра.

- Могут и не отпустить. В лучшем случае подписка о невыезде. Да, Стручков всегда был очень энергичным.

Совещание продолжалось пять часов, не меньше. Адвокат что-то записывал, вынимал из портфеля и заполнял какие-то бланки. Под его руководством наметили несколько основных направлений.

Валентина очень решительно сказал, что они на этот раз без боя не сдадутся и категорически – к удивлению адвоката – отказалась уехать за границу до того, как утрясются проблемы Алика в милиции.

- Они могут кончиться нескоро, а может, вообще... - Ковтун придерживался правила: «правда, одна только правда и ничего, кроме правды».

- Значит, подождем. Валерий Исаевич, так нельзя. Алик из-за нас с Региной попал в эту грязь. Я не могу взять и уехать.

Алик не знал, как к этому относиться.

- Тогда буду с него начинать. Валя, у тебя деньги есть? Прости.

Деньги, как вы знаете, у нее были. Решили держать осаду. Обязательно нужно переезжать на дачу, благо там защищаться легче. Нужно добавить камеры слежения, усовершенствовать сигнализацию. Нанять на дачу круглосуточную охрану – а что поделаешь... Придется Вале перемещаться в сопровождении. Дальше видно будет. Да, Ковтун отнесся к угрозам очень серьезно. Прямо от Валентины связался с охранной фирмой, заслуживающей доверия. Он знал всех и вся в городе.

- Сколько у нас есть безопасных дней?

- Анатолий сказал мне... сейчас... неделя есть.

- За неделю успеем.

- А безопасность Алика?

- Неделя есть, там будем решать...

Адвокат не исключал, что через неделю Алик будет уже за решеткой. Там охрана не понадобится. То есть понадобится, но неосуществима. Он знал тамошние порядки...

Адвокат Ковтун и Анатолий развили бешенную деятельность. Адвокат составил и передал в милицию жалобу от имени Александра Метельского на угрозы со стороны Анатолия Стручкова. Эта жалоба могла сыграть хоть какую-то роль – и то вряд ли, - если Алика убьют. Слабое утешение.

Потом Ковтун вплотную занялся дирижером Раевичем и его бабами, простите за резкость, так он их называл. Понимал, что, судя по почерку потрепанного дон Жуана, их должно быть много, и среди них могут оказаться обиженные. Такие действительно нашлись. Раевич каждой из них предлагал бартерный обмен – по примеру Лили, – но слово не сдержал. Обе эти бабы - давайте так и будем их называть – ничего не боялись. Мужики от

них ушли, а из оркестра они ушли сами. Адвокат взял их письменные показания, с этим пришел к Раевичу и недвусмысленно предложил забрать заявление, если он не хочет сесть за принуждение к сексу с использованием служебного положения. Ну не сесть, у нас не Америка, за такие мелочи не сажают, но скандал можно поднять, это Ковтун берется обеспечить. Раевич вроде дал слабину, обещал подумать. То есть посоветоваться с кем положено. Он был человеком ненадежным. Да плюс наш суд, самый справедливый в мире... Ничего нельзя гарантировать, но с этими двумя бабами позиции Ковтуна становились предпочтительными. Через пару дней он нашел для надежности третью. А вот Лиля категорически отказалась помогать и в готовящемся суде собиралась быть свидетелем обвинения. «Скандалист, хулиган и прохвост. И сам бабник, каких поискать». То есть получалось, что сам Раевич человек нехороший, но от Метельского пострадал невинно. Но был и вполне ощутимый успех Ковтуна – предварительное заключение Метельскому заменили подпиской о невыезде.

Валентина съездила в Киев и перевела деньги из офшора на свой личный счет. Сколько – она не сказала, и никто ее об этом не спрашивал. Зато их противник свои финансовые запасы демонстрировал всем желающим. Он совершил невероятное: не без участия следователя Соколовского и скромного Референта нашего мэра, Стручков всего за два дня продал мастерские, которым цена минимум три миллиона, за один миллион. И получил разрешение на продажу. И все оформил. И получил сразу всю сумму. И деньги перевел на свой счет. И даже добросовестно сообщил об этом всем мелким акционерам, в том числе Валентине – чего мог и не делать. Как Святослав Игоревич, князь киевский говаривал в таких случаях? «Иду на вы!»

Ходили слухи, что он подписал предварительный акт полной капитуляции. Может быть, он сам - для устрашения – эти слухи и распространял. Ковтун рассказал об этом своим подопечным, но своими тайными сомнениями с ними не поделился. Он опасался, что в качестве компенсации он поставил главное условие – головы и прочие части тела Валентины Стручковой и Александра Метельского. Вам, может быть, это предположение кажется чрезмерным и совершенно нереальным, в конце концов мы живем не на африканском континенте!.. Да боже мой, спросите у людей знающих. Еще куда более экзотические факты в нашей с вами реальной жизни имеют место быть! И в немалых, уверяю вас, количествах. Все зависит от суммы денег и кто какое место в иерархии занимает.

А как чувствовали себя виновники торжества?

Валентина была спокойна, выдержана – как обычно. Та же вежливая и доброжелательная улыбка. Никакой нервозности, никаких признаков страха. С прискорбием сообщая, что эти признаки – нервозности и даже страха - у Алика иногда можно было заметить. Он старался этого не показывать, убеждал себя, что этот страх в основном за Валентину – так, кстати сказать, оно и было – но все-таки настоящий мачо из него пока не получался. Да, к сожалению, женщины в реальной жизни смелее мужчин, как бы не уверяли нас в обратном списки героев древности и – к примеру - героев Советского Союза. На пользу Валентине было и то, что она как обычно много работала, лекции, перебежки из курсов в институт – все это не давало возможности расслабляться. А Алик был обречен на абсолютное безделье – приказ о его увольнении был подписан в пять минут девятого в понедельник.

К счастью, во вторник вернулись из круиза Федор Васильевич и Рита Аркадьевна. Алик их встречал, само собой разумеется. Лайнер прибыл к десяти часам, чтобы уважаемые туристы успели выспаться, не торопясь, с аппетитом позавтракать, собрать вещи и с достоинством спустится на причал. Спуск закончился часам к одиннадцати. Алик подогнал машину, погрузил два не очень легких чемодана в багажник. Зинуля тоже была в числе

встречающих, но в машину ее не пригласили. Ее вежливо, но твердо отправили домой – из-за своей болтливости она была временно лишена положения близкой подруги и фаворитки. Зинуля расстроилась, но подчинилась изгнанию, понимала, что она это заслужила. Тем более, что охлаждение будет недолгим – завтра Рита Аркадьевна должна была лечь в больницу на запланированное последнее обследование перед операцией. На два дня – там и помирятся.

Кстати сказать, Рита Аркадьевна не выглядела отдохнувшей, может – подумал Алик, – им не следовало перед операцией пускаться во все тяжкие. Но судя по всему, в этом проявился ее бойцовский характер.

Приехали к ним на дачу, пока в хибару – торжественный переезд в новый дом намечался после операции, хотя большинство обстановки уже было завезено и расставлено. В этом – тоже мое предположение – было суеверие, которое прекрасно соседствовало в Рите Аркадьевне с бойцовским характером. Невидимый обслуживающий персонал все отлично подготовил для встречи. Абсолютная чистота. На столе и возле плиты стояли накрытые белоснежными салфетками какие-то блюда.

Алик хотел сразу уехать, мол, вам нужно с дороги отдохнуть, но разрешение получено не было. Рита Аркадьевна сказала, что они наотдыхались. Ложиться спать днем она не будет, иначе вся ночь насмарку, а завтра тяжелый день.

Словом, сели к столу, все было вкусно – опять-таки не буду вас раздражать описаниями. Было неизменное вино. Хотя хозяйка и гость не злоупотребляли. Но зато была длинная и очень содержательная беседа. Алик решил, что ситуация оправдывает самые эгоистические и бестактные поступки и нагрузил хозяев своими проблемами. Его рассказ был встречен с искренним вниманием. Постепенно разговор пошел между Ритой Аркадьевной и Аликом, Федор Васильевич мог помочь мало, признавал это и тактично не вмешивался.

Она до мельчайших подробностей выясняла их планы, настойчивей, чем любой следователь, разбиралась в каждой детали. Со Стручковым она была довольно хорошо знакома и не хуже всех – мне кажется – догадывалась, чего от него можно ожидать. Иначе говоря, к его угрозам и к его возможностям она советовала относиться в высшей степени серьезно. Знакома она была и почти со всеми настоящими и будущими действующими лицами, включая правосудие местного разлива и Ковтуна. В том числе с теми движущими силами, которые нам, дорогой читатель, неизвестны. Она много лет варилась в этом котле.

Особый интерес она проявила к тем слухам, о которых я рассказал выше – о продаже мастерских и о якобы подписанном предварительном соглашении. Одобрив выбор охранной фирмы, предложенной адвокатом. У Алика сложилось впечатление, что в нашей юридической практике она разбирается не хуже Ковтуна, который все-таки был представителем старой школы в хорошем и плохом значении этого определения. Судя по ее некоторым замечаниям, идеализм в небольших дозах у него все-таки присутствовал. Кое в чем он тоже был из стада мохнатых слонов, а это в такой ситуации вдвойне опасно. Они засиделись за столом, и когда Алик решил откланяться, то заметил, что на улице начало темнеть. Беседа продолжалась не менее пяти часов, и авторитет Риты Аркадьевны вознесся до небес. вместе с симпатией к ней. Алик засунул в боковой карман подаренный ею простой, но очень удобный блок-нот, в который он даже – по въевшейся инженерной привычке – записывал некоторые ее советы, казавшиеся ему важными. Исключительно полезный и приятный вечер. Как хорошо, что отец... и целый ряд подобных мыслей по этому поводу.

Итак, в описываемый вторник вечером Анатолий уехал в Крым. В среду утром началось переселение Валентины на виллу, а вскоре должна была появиться и начать обживать новый объект охрана. И действительно, стали появляться люди с проводами и приборами,

молодцеватые парни, пронизательные седоватые, но еще подтянутые начальники. Изнывающий от безделья Алик предложил свои услуги, но применения ему не нашлось. Вечером того же дня состоялось заседание при Валентине – она днем продолжала работать. На него пригласили и начальника новой охраны. Ковтун и начальник сошлись на том, что минимум четыре-пять дней в запасе у них есть. Но в субботу новая сигнализация должна быть задействована кровь из носу. Если Анатолий до отъезда дал задание исполнителю с какой-то группой, чтобы гм... гм... - слово «убить» им было произносить неловко, – то эта группа должна разведать новые порядки на даче, режим охраны, составить план. Так быстро это не делается. И все-таки личную охрану для передвижения по городу к Валентине нужно приставить немедленно. Алик пока отказался – до суда его тронут вряд ли. Кроме того Анатолий обещал, что они исчезнут оба и без следов – значит, покушение на улице маловероятно. Анатолий такой упрямый осел, он от своих слов не отступится. Все согласно покачали головами.

И главное внимание – кроме охраны - на подготовку к суду над Александром Федоровичем. Вы помните еще, что это Алик? Кстати, о суде. У Ковтуна появились серьезные шансы выиграть дело. Дирижер Раевич отказался от обвинения и подписал этот отказ у нотариуса. Если бы только точно знать, какие суммы и какие неизвестные соглашения будут действовать против официально заверенного отказа...

От предложения Валентины переехать на дачу Алик с благодарностью отказался. Во-первых, еще есть время подумать, почти неделя. А во-вторых, мать и дочь Стручковы установили вежливый мир, который скорее напоминал перемирие. Регина помогала матери при переезде, а когда сталкивалась с Аликом, то обдавала его такой физически ощущаемой злостью, что о переезде даже думать не стоило. Алик последующие дни появлялся на даче только вечером, чтобы узнать последние новости. Новости в основном были неплохие.

Что еще можно рассказать об этом времени? Федор Васильевич теперь волновался вдвойне – и за Риточку, и за сына. Все время проводил в районе больницы. В саму больницу пускали не всегда. Алик тоже один раз – в четверг – навестил Риту Аркадьевну. Долго поговорить не удалось. Минут через тридцать-сорок их с отцом выгнали, а ее повезли на процедуры. Но держалась женщина молодцом, ничего не скажешь. Посторонний наблюдатель сказал бы, что судя по внешнему виду, операция предстоит одному из этих мужчин, а скорее обоим.

После больницы Алик пошел на вечернее совещание у Валентины. Ковтуна не было – он бегал по каким-то своим, то есть по их общим делам. Они с Валентиной посидели в тишине, поговорили. Поговорили ответственно, неторопливо. А еще больше помолчали. Молчание совершенно не беспокоило. Алик заряжался ее спокойствием и уверенностью. А Валентина немного расслаблялась, потому что в опасности нужно, чтобы был человек, на которого можно положиться с закрытыми глазами. Она чувствовала, что Алик именно такой человек. Как жаль, что Регина этого не оценила. Может быть, была бы у Валентины тогда семья из четырех надежных родных душ. Дочь, внук, она... и зять.

В субботу предполагалась установка нового оборудования и подключения камер слежения. По расчетам самое меньшее два-три безопасных дня еще оставалось. А в пятницу вечером Алик на своей даче жарил шашлыки, пригласил в гости Валентину, Ковтуна, начальника охраны, даже охранников. Выездная сессия прошла гораздо оживленнее, чем предыдущее совещание. Все-таки напряжение сказывалось, наверно, поэтому Валентина и даже Алик выпили основательно и были непривычно хмельными. Но вечер определенно

удался, тем более, что у Ковтуна была беседа с глазу на глаз кое с кем – он поднял палец вверх – и ему было обещано...

Так как завтра предстоял выходной день, то никто особенно не торопился, и Алик даже пошел немного. Представьте себе, Валентина подпевала. У нее – Регина была права – действительно был приятный и мелодичный голос. Разошлись поздно. Алик, несмотря на то, что был подшофе, уехал на Гоголя.

А утром в субботу охрана обнаружила, что старая сигнализация на вилле отключена. В спальне Валентины нет следов борьбы, но нет и некоторых ее вещей, нет документов. И что еще важнее – нет самой Валентины. Вещи либо поспешно собраны, либо собраны так, чтобы создать иллюзию побега. Женщина взяла бы не такое сочетание необходимых вещей. Сразу же стали звонить Алику, но ответа не было. Короче говоря, у Алика такая же картина – какие-то нужные вещи исчезли, но, к примеру, бритва и таблетки от давления на месте.

Была милиция. Был тщательный обыск. Был вызван Анатолий, который злобно глядел на мир выпученными глазами и непрерывно желтел. Конечно, он говорил, что понятия ни о чем не имеет. Ему и верили и не верили. Через милицию стало известно, что он снял большую часть денег, полученных за мастерские. Плохой признак. Имущества не приобретал, к цыганам кутить не ездил, где деньги? Объяснять ничего не стал. Но его отпустили – полное алиби.

Может, пропавшие зарыты, может, сбежали. Кто это знает? Проверили выезды за границу – никаких следов. Оснований для предъявления обвинений не было. А главное – действительно «нету тела – нету дела». Должен вам сказать искали не слишком активно, то ли – как уверяли некоторые – обязались не искать, то ли понимали, что это бессмысленно. Если сбежали – так сбежали, если зарыты – так не найдешь. А может – и это самый вероятный вариант, – просто не привыкли разыскивать. Зачем? И так неплохо живется...

Друзья Алика – и я вместе с ними - долго не могли успокоиться, теребили милицию, сами пытались понять, что произошло. То ли Валентина и Алик недооценили оперативность и злобный напор Анатолия, то ли не хотели уповать на справедливое решение нашего, как говорят в соседней России, «басманного» суда. Так сбежали или лежат в земле сырой? Ситуация складывалась неплохо, зачем бежать? Или мы чего-то не знаем? И как это удалось? Но в любом случае вывод один – в нашем климате мохнатые слоны не приживаются.

Мы поговорили, с теми, кто мог знать больше.

Регина была в отчаянии и во всем винила себя, а еще больше Алика.

Федор Васильевич был очень расстроен. Он был очень дружен с сыном, связан с ним какой-то невидимой прочной родственной нитью. Но через два дня должна быть операция на сердце Риты Аркадьевны. Мы не хотели терзать его вопросами, и все-таки один из друзей Алика его спросил:

- Говорят, что отцовское сердце вещун. Что оно вам говорит? Как вам кажется, они живы?

Федор Васильевич хотел что-то ответить, но потом нахмурился. Вопрос был бестактным по форме, он напомнил об операции Риты Аркадьевны. Мы извинились и ушли.

Мы сделали все, что могли, даже нашли телефон Пятраса Мажюлиса и пытали его, стараясь по интонации понять, не принимал ли он участие в побеге. Кроме удивления Мажюлис ничего не высказал. Да и удивление было не очень громкое, но это мы отнесли на счет литовской сдержанности.

Мы послали личный запрос в Массачусетский университет. Нет, Валентина там не появлялась. У каждого из нас было – сейчас такие времена – много знакомых за границей. Мы не поленились и попросили каждого, кому могли доверять, сообщить, если появятся какие-нибудь сведения об Алике и Валентине. Может, под другими именами.

Но надежды таяли. Постепенно история – время делало свое черное дело – забывалась.

Иногда что-то возникало, скорей всего мираж. Такие загадочные истории всегда порождают легенды.

Так одна престарелая соседка по даче, слепая курица, глухая тетеря и одновременно известная сплетница ездила к дочери в Германию в гости. После возвращения она распускала слухи, что видела Алика и Валентину в Дортмунде, они шли взявшись за руки веселые и счастливые. Тетеря пыталась их догнать, но по дороге с кем-то, видимо, из прохожих перепутала. Когда догнала – у нее была подагра, – то это оказались не они, и одеты по-другому.

А из Сан-Диего один мой знакомый написал, что слышал такую сплетню. Будто бы какой-то русский зашел в большую фирму по монтажу кондиционеров и предложил дать ему – в электронном виде – строительные чертежи зданий, которые ждут очереди на проектирование. Была жара, и фирма с наплывом не справлялась. Ему дали два сложных проекта на полное кондиционирование небольших офисов со всеми параметрами зимой и летом – на пробу. И через неделю он якобы принес два полных комплекта чертежей и документации, целый чемодан. Я сразу подумал о дисках с программами Алика. Но все это опять-таки на уровне слухов. Еще одна легенда. Специалисты говорят, что такое возможно только в сказке. По щучьему велению.

А самое интересное – Сердюк, бывший Алика начальник, после поездки на выставку в Ганновер, рассказывал, что на демонстрации слайдов одной американской холодильной фирмы, он увидел фото здания «Эйр кондишин», и пунктиром - разводку оборудования по зданию. Клялся и божился. Но мало кто ему верит.

К сожалению, я при всем желании никаких более серьезных сведений вам сообщить не могу. И с каждым днем вероятность плохого прогноза становится все более реальной.

А что у нас произошло за прошедшие после событий почти два года? Собственно ничего особенного.

Валентина и Алик числятся пропавшими без вести.

Регина вышла замуж за надежного человека и живет на вилле Стручковых.

Лиля со Светой продали квартиру и уехали в Киев. Ничего о них не знаю, кроме того что Лиле присвоили звание и что она солистка «Виртуозов Столицы».

Анатолий Стручков уехал в Полетное вскоре после окончания так и не начатого следствия, но судя по всему туда не доехал. Почти месяц спустя Андрей Талипов заинтересовался пропавшим партнером. Его искали с еще меньшим рвением, чем Алика и Валентину. И снова-таки «нету тела – нету дела». Ходили слухи, что он кому-то – говорят кавказцам, вызванным в Украину, - то ли не заплатил, то ли недоплатил. Что-то у них не заладилось. Но это всего лишь слухи. Верят им те, кто хочет, чтобы справедливость восторжествовала, а порок был наказан. Мне кажется более реальным такой вариант – Стручков не захотел быть парией и уехал туда, где о его «художествах» никто не знает. А почему никому не сообщил об этом? Некому было сообщать. Никто от него весточки не ждал. Ну и бог – или скорее черт – с ним.

Дарын Сабитова теперь менеджер бывшего хозяйства Струčkова и имеет там двадцать процентов акций – совсем немало.

Рите Аркадьевне неплохо сделали операцию. Хотя могли бы лучше. Напрасно она из патриотических соображений – здесь все свои - не поехала оперироваться в Германию. Но в общем-то она чувствует себя вполне прилично. Федор Васильевич с ней счастлив, хотя – все гладко не бывает – перенес не так давно микроинсульт. Но быстро восстановился, только рот чуть-чуть, еле заметно подался вправо. На них у меня последняя надежда – эта пара прошлым летом летала отдыхать куда-то в Калифорнию. Сам факт ни о чем не говорит, но... А вдруг! Чем черт не шутит! Хотя даже я уже потерял веру.

А хотелось бы, чтобы наши герои были там, живые, здоровые и – главное - счастливые. Хотелось бы услышать их рассказ о жизни в иных странах и написать новый роман об их приключениях.

Но, увы, я уже и сам стал понимать, что сказки в жизни бывают редко. Если бывают вообще.